

Дмитрий Артис

Родился в г. Королёв Московской области. Окончил Российскую академию театрального искусства и Литературный институт им. А. М. Горького. Книги стихотворений: «Мандариновый сад» (издательство «Геликон Плюс», 2006), «Ко всему прочему» (издательство «Русский двор», 2010), «Закрытая книга» (издательство «Авторская книга», 2013), «Детский возраст» (издательство «КП ОГТ», 2014), «Мелкотемье+» (издательство «Ауройнфо», Санкт-Петербург). Член Южнорусского союза писателей и Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат национальных и международных премий в номинациях «Драматургия», «Поэзия» и «Литературная критика». Участник СВО.

Дневник добровольца

(записи второго круга)

16 июня, 10:24

Кому-то надо быть на Тавриде, а кому-то — на войне. Наши люди должны быть везде, и пусть каждый окажется там, где почувствует себя нужным.

Лето — странное время года. Хочется на море с любимой женщиной или в лес на шашлыки. А ещё хочется домашнего уюта, любви и счастья.

Домашнего уюта, любви и счастья хочется в любое время года. Но для этого необходимы как минимум два человека. В одиночку не получится.

Поэтому выбор невелик. Либо сидеть на диване и ныть, что никому не нужен, ожидая, когда позовут на какое-нибудь духоподъёмное мероприятие поиграть лицом героя, либо идти туда, где должен быть каждый уважающий себя мужчина (с поправкой, чтобы никого не обидеть!), не обременённый домашними хлопотами.

Слабо понимаю, как существовать в рамках первого варианта.

Да хранит нас Бог!

29 июня, 18:32

На войне каждый новый день проживаешь как первый, понимая, что он может оказаться последним. Негативные эмоции, обиды, которыми буквально за полтора месяца по возвращению напитала меня гражданка, уже исчезли. Сердце наполнилось благородным светом и любовью.

На войне без любви делать нечего. Любовь к женщине, детям, родителям, любовь к Отечеству. Она движет русским солдатом, даёт ему волю к победе.

Чувство ответственности или долга не всегда работает. Чувства нужные. Но по сравнению с любовью они изрядно проигрывают. Превращают человека в бездушную машину, вынуждают поступать по совести. Обязательства вытесняют потребность. Живёшь по принуждению. С любовью всё иначе. Она даёт силы, а не забирает их.

Я бы не сказал, что любовь — это панацея ото всех бед, но были случаи, когда только она помогала. Теперь думаю, что любовь — это и есть Бог, и если человек живёт без любви, то он живёт без Бога. У меня именно так. Не знаю, как у других. Редко разговариваю об этом с людьми.

30 июня, 20:12

Совершенно неожиданно выдалось свободное время. Вернее, оно выдалось ещё вчера, но немного затянулось и, по всей видимости, продлится до завтрашнего утра. Поэтому на связи, а заодно закину в интернет пару наблюдений.

Добровольческие подразделения уплотнились, если можно так сказать. Слабых звеньев не так много. Парни заходят по второму и третьему кругу, с опытом. Новых мало. Не больше десяти процентов. По крайней мере, там, где я сейчас нахожусь.

Основной контингент можно разбить на две категории: солдаты удачи и патриоты. Но есть сложность. Эти категории настолько перемешаны, что трудно сказать, кто из них больше патриотичен, а кто идёт чисто подзаработать. Мыслями питаются друг от друга.

Солдаты удачи, как правило, после отработки контракта загуливают на неделю, спускают деньги и возвращаются на войну. Патриоты вкладывают в семью. И там и там есть исключения.

Но в этот заход я пока не видел людей из третьей категории, которых ещё зимой было много. Это люди, попавшие в долговую яму. Надо заметить, должники не сразу открываются. Они долгое время держатся как патриоты или солдаты удачи. Поэтому вывод делать рано.

На первом круге самый молодой парень был от двадцати трёх лет. На втором круге сдружился с пареньком, которому девятнадцать. Назовём его Смайл. Естественно, отношусь к Смайлу как к сыну, и он вроде привязался ко мне.

Смайл закрыл (сдал экзамены) первый курс института и ушёл на войну. Контракт как раз до следующей сессии. На пункт сбора добровольцев приехал с мамой. При всём при этом признался, что своей девчонке не сказал, куда уезжает.

Сначала меня это позабавило, а потом подумал, что именно так в его возрасте и надо уходить на войну. Провожать должен самый близкий и дорогой человек. А девчонка... ну, видимо, ещё не доросла до подобного статуса.

Смайл красивый русский парень. Метр восемьдесят пять ростом. Фигура единоборца. Подтянут, вежлив, прост в общении. Невероятно любопытен. В хорошем смысле этого человеческого качества. Если что-то не понимает, спрашивает. Если ответ не удовлетворяет, ищет информацию в другом месте.

По-моему, он из тех парней, которые умеют быть преданными. Цель прихода на войну в составе добровольческого подразделения — послужить Отечеству. Спросил, а почему не пошёл на срочку? Сказал, что срочников на войну не пускают, да и у него отсрочка от армии, потому что учится в институте. Неожиданный поворот, да?

Ещё один сослуживец, с кем сблизился, — Ахмед. Тоже новичок. Неделю назад подошёл ко мне и говорит:

— Придумал себе позывной!

— Какой? — спрашиваю.

— Ахмед-аварец-пулемётчик!

— Длинноватый позывной, — смеюсь.

Ахмед из Дагестана. Неграмотный. Но словарный запас русского языка на удивление существенный.

Буквы знает, а составлять слоги и слова не умеет.

Рассказал, что в детстве учили, но у него голова от занятий болела, поэтому ничему не научился.

По профессии Ахмед пастух. Пасёт овец, лошадей, баранов. В общем, пасёт всё, что пасут в горах. Старше меня на пару-тройку лет. Простодушный и добросердечный. Вспыльчивый. Терпеть не может нацистов. Дед Ахмеда воевал с ними на Второй мировой, а теперь вот он пошёл на войну с нацистами сам. Дед орденоседец.

Говорит:

— Хочу быть Героем России. Иду я, а на меня смотрят и кричат: «Ахмед — Герой России идёт!» А я гордый, грудь такая, — показывает, — колесом, на груди ордена, медали... Только бы не испугаться, когда в меня стрелять начнут. Сам я, — продолжает, — стрелять не умею. Никогда не держал в руках оружия. Но меня ведь научат? Я научусь. Как они могли, — это он про хохлов, — пойти воевать с Россией? Наши предки обязались жить в мире с русскими, а они... Продались! Как могли? Не понимаю!

Смайл заполнял контракт за Ахмеда, Ахмед — расписывался. Расписываться он умеет.

3 июля

За первые восемнадцать дней поменяли три учебных базы. Подготовка всё жёстче и жёстче. К вечеру валишься с ног.

На первой базе занимались вразвалочку. Полдня боевая подготовка, полдня теория. Особо не напрягались.

Жили в полевых палатках на двадцать человек каждая. Кормили хорошо. Три раза в день. Горячее, салаты, супы, каши, яйца, масло, колбаса...

Вторая база максимально приближена к полевым условиям и находится в нескольких километрах от линии фронта.

Жили в земляных блиндажах, лисьих норах. Жара, ливни, комары, мыши. Питание в основном — бичпакеты.

Занятия по двенадцать часов в день в любую погоду.

Полтора литра воды в сутки на человека, даже если жара переваливает за тридцатиградусную отметку.

Третья база уже непосредственно под неусыпным глазом команды полевого командира, которая состоит из инструкторов, прошедших бои вместе с ним.

В шесть утра подъем — и побежали. Теория и практика в одном флаконе. Остановиться можно только к девяти вечера. Живём (вернее, только спим) вольготно. В домах.

Есть вода, газ, свет, баня, кухня, туалет. Питание полевое. Есть возможность дойти до магазина и купить вкусняшек. Были бы только время и силы.

Теперь уже первый круг начинает казаться детским садом или пионерским лагерем, где основная задача старшего по палате — смотреть за тем, чтобы парни мыли за собой кружки.

Подготовка на первом круге была почти никакой, скажу прямо. Да и форма войны за шесть месяцев сильно изменилась.

Если раньше мы как бы нападали, но в основном сидели в обороне, то сейчас мы как бы защищаемся, но количество штурмов (и самих штурмовых отрядов) увеличилось в разы.

4 июля, записано 5-го

Адище адское. Холод невыносим, но жара отупляет сознание, теряешь связь с реальностью. Бегали в поле до обеда. Один сослуживец с тепловым ударом. У меня начались проблемы с вестибулярным аппаратом. Постоянно теряю равновесие.

Начался день с того, что, выпрыгивая из машины, забыл, что мне давно не двадцать, не тридцать и даже не сорок лет. Выпорхнул так, что ударился мыском о какую-то железку, торчащую из асфальта, и прокатился по нему метров пять. Выбил большой палец на ноге.

Жаловаться стыдно. Пробегал так полдня, стиснув зубы. Падая и снова вставая, падая и вставая. Голова не соображала ничего.

В два часа дня, вернувшись в распорягу и сняв ботинки, обнаружил синюю распухшую ступню. Выпил таблетку пентальгина, чтобы снять боль. Больше ничего обезболивающего с собой не было.

Боль не утихала. Часам к шести решил дойти до медпункта. В начале восьмого отвезли в город на рентген.

К великому счастью, перелома нет. Сильный ушиб. Стало дико стыдно перед врачами, что обратился с такой пустяковиной, и это чувство было страшнее той боли, которую испытывал.

Вернувшись с рентгена, получил от командиров списки с распределением прибывших со мной парней по командам.

Меня ставили старшим по «молодым» (так здесь называют пополнение). Пятерых из моей команды забрали на БЗ (боевое задание). Охрана отбитого объекта на самом передке. Среди пятерых оказались Смайл и Китаец.

Успел обнять их и сказать: «Не ссыте, братья!» Впрочем, они и не думали ссать.

К девяти вечера мир вроде бы успокоился. Решил немного поспать. Последние три дня спать не мог и есть тоже. К десяти вызвали по рации в штаб. Там получил распоряжение выйти с двенадцати ночи до четырёх утра в караул. Меня приписали к комендантской роте.

Начиная с трёх часов немецкая арта работала по объекту, на который вышли мои боевые товарищи. К шести утра 5 июля удалось на пару часов задремать.

Снился стыд и позор, что я, как последняя сволочь, отсиживаюсь в штабе, а мои друзья шкеряются на объекте от вражеской арты.

Надо искать в себе силы, чтобы есть и спать, иначе я долго не протяну.

5 июля

Начинаю гнобить себя. Хорошим это не кончится.

Выполнять поставленные задачи, меньше думать и рефлексировать.

Съел гадский дошик.

6 июля, 04:12

Не рота, а взвод. Комендантский взвод. Это парни, которые следят за внутренним порядком и охраняют располагу. Помимо прочего. Особенного расслабона на войне не бывает.

Вчера переехал в другой дом, где селится часть взвода. Ахмед-аварец расстроился, что его бросили. Смайл, Китаец, Кубань ушли на своё первое боевое. Я — в комендантский взвод. Он пока ещё не получил распределение. Ворчал, провожая меня. Попытался подбодрить, дескать, я рядом. Но Ахмед всё равно расстроился.

Нога прошла за сутки, несмотря на то что сидеть дома, чтобы дать ей отдых, не получилось. Надыбили стройматериалы и отвезли парням, которые строят баню и кухню. Говорят, в скором времени появится возможность выходить в сеть.

Находимся там, где мобильная связь полностью отключена. В целях безопасности. Знаю, что за меня волнуются родные и близкие, но я на войне. Писать каждый день о том, что со мной всё в порядке, возможности нет. Простите.

Настроение боевое.

6 июля

Крепкий, сбитый молодой парень. Ногаец. Постоянно улыбается. Хорошее телосложение, поэтому во дворе дома часто ходит раздетым по пояс. По базе не по форме запрещено. На предплечье две зелёных точки, будто от пули — входное и выходное отверстие. Спрашиваю:

— Ранение?

Рассказывает:

— Выходим с боевого. Поле, подстриженная миномётами и автоматами лесополоса, пересечёнка. Бабах — прилёт буквально в трёх метрах от нас. Упали, прижались к земле. Кричу напарнику:

— Живой?

— Да! — отвечает.

— Бежим или лежим?

— Бежим!

Вскочили, побежали. Слышу взрыв, оборачиваюсь и вижу второй прилёт прямо на то место, где мы лежали.

Бежим дальше. Развилка. Две тропы. Одна — дорога к располаге длиннее, другая — чуть короче. Почему-то свернули на ту, которая длиннее. Снова кричу напарнику:

— Нам надо на другую тропу, там путь короче!

— Разворачиваемся!

Развернулись, побежали к другой тропе. Опять взрыв. Оборачиваюсь и вижу новый прилёт на то место, где должны были быть мы, если бы продолжили бежать по прежней тропе.

Добегаем до жёлтой зоны, останавливаемся перевести дыхание. Куртка к руке прилипает. Ранило. Поработал пальцами. Сжал в кулак, разжал. Согнул в локте. Двигается. Значит, кость не задета.

Врач на базе осмотрел. Осколок прошёл насквозь и застрял на выходе. Достали его. Помазали зелёной входную и выходную дырки, перебинтовали. Мы, ногайцы, везучие!

Сегодня снова выходит на боевое.

6–7 июля

Перед выездом на пункт сбора добровольцев зашёл в аптеку, чтобы купить витамины. С ними на войне напряжёнка. Лучше иметь запас. Помогают поддерживать себя в тонусе.

Спросил у аптекарши. Сказала, что есть хорошие витамины для мужчин. Сказала и почему-то лукаво подмигнула. Поначалу не придал этому значения.

Спросил стоимость. Ответила:

— Семьсот. — И добавила: — Но тем, кто покупает эти витамины, дают бесплатно ещё одну пачку других витаминов. Тоже для мужчин!

Опять подмигнула.

Я в своих мыслях, голова занята войной.

— Хорошо, — говорю, — давайте.

Оплатил, взял. Дома сунул в походный рюкзак.

На первой учебной базе, когда настроение было так себе, решил выпить по одной витаминке из каждой пачки.

Всю ночь снилась китайка. Неземной красоты и в том виде, в котором женщины больше всего нравятся мужчинам. Такие вещи вытворяла, что неловко в дневник записывать.

Проснувшись раскрасневшимся, сёл на кровать и начал перебирать бывшие сердечные привязанности, чтобы разобраться, откуда в моих снах появилась китайка. Среди знакомых китайнок нет, и ни с одной женщиной этого прекрасного народа у меня не было даже случайной связи.

На второй день снова выпил по одной витаминке. Опять снилась обескураживающая китайка.

Сил, главное, никаких, мысли о войне, а здоровье на полигоне. Но снится китайка, и всё. Хоть головой об стенку бейся или затвор передёргивай.

На третий день и третью ночь история повторилась, вернее, уже потроилась. Китайка сводила с ума. И так и этак. Не удержался и сделал с ней всё, что сам хотел, и всё, что она просила.

Утром изумлялся своей дикой подростковости. Накануне пятидесятилетия быть Огогошем не всякому дано.

Путём нехитрых логических умозаключений догадался, что дело в витаминах. Полез в рюкзак посмотреть, что мне подсунула аптекарша.

Так и есть, они самые, для мужчин. Сделано в Китае.

6 июля

Шесть часов в карауле. Стоял в одиночестве. Людей не хватает. Это плохо. Но мне было хорошо.

Самые лучшие шесть часов за последний месяц. Никто не раздражал. Вот оно, счастье интроверта на войне.

7 июля

С двенадцати до шести проспал как убитый, а проснулся как только что народившийся. Полдня свободного времени.

Убрался во дворе. Парни притащили щенка, и он разбросал мусор.

Сгонял в магазин. Взял сигарет, батон докторской колбасы («Черкизовская»), две двухлитровых бутылки кока-колы (здесь кола лучше, чем в Москве), мороженое, сникеры и... мясо!

Перебои с тушёной. Выдали кости цыплёнка в банке, на которой почему-то написано «Тушёное мясо». Мяса там нет. Одни кости. Тушёные кости. Хотелось нормального человеческого мяса...

Тыфу ты... Можно подумать, я людоед. Смеюсь. Под нормальным человеческим мясом подразумевается говядина. На худой конец свинина.

С графиком караула разобрались. Сегодня у меня четыре... Освобожусь к шести вечера. Наемся, напишу чего-нибудь и лягу спать. Если ночью не напрягут, опять высплусь.

Привыкать к хорошему нельзя. По своему опыту знаю: как только привыкаешь, сразу сдёргивают с места.

7 июля

Коренастый парень сорока семи лет. Густая чёрная борода. Нависшие брови. Короткая стрижка. Лоб низкий. Глаза суетные. Либо сверлят, либо испуганно утыкаются в пол. Всегда разный. Этаким старым лис. На плечах воровские звезды. От звезды к звезде набито: «Повидала горе, полюби меня».

В тюремной шняге и том, как устроен сегодняшний воровской мир, ничего не понимаю. По верхам нахватался, без углубления в тему. Спрашиваю:

— Коронованный?

— В отрицании...

У меня после работы на седьмой эрпэгэшке проблемы со слухом. А Мартын слова жуёт, говорит невнятно. Вроде он сказал «в отрицании» или «отрицалово» и добавил:

— После того как Путин подписал закон, что можно присесть на пятнадцать лет за одно лишь признание в том, что ты вор в законе, их на гражданке, — он выразился именно «на гражданке» хотя имел в виду «на свободе», — не осталось. Кто в тюрьме, а кто за границей. Некоторые ходят, детям головы грязнят, пальцами кидают, а сами от титула уже давно отреклись. У меня теперь жена, — закончил Мартын, — и дочка.

Мне трудно воспроизвести речь Мартына. Косноязычен и говорит «бедно», поэтому пересказываю своими словами.

Первое, о чём он заговорил со мной, так это о том, что должен быть помощником коменданта, но прислали бывшего мента с пятнадцатилетним стажем и про самого Мартына тут же забыли. Жаловался так трогательно (глаза бегали), что я прослезился от умиления.

— Да, — причитал Мартын, — бывших ментов не бывает.

Я тогда с ходу подумал, что и воров бывших не бывает, только вслух не стал произносить.

Мартын посетовал на то, какая нынче молодёжь пошла невоспитанная, старших не уважает, а заодно вспомнил свою героическую юность, рассказав, как дрались район на район, улица на улицу. Выходили и махали кулаками, не то что сейчас, дескать, хохлы на русских лезут, да не с кулаками, а с какой-то западной артой. Не по-пацански, в общем.

Заодно выложил историю о том, как девчонку провожал в другой район.

Парня, пока был с девчонкой, не трогали (было такое правило). Избивали до полусмерти на выходе из подъезда.

Проводил девочку до двери в квартиру, попрощался и пошёл вниз по лестнице. Спускается, слышит, замок наверху щёлкает, дверь открывается, выходит отец девчонки и зовёт его. Мартын поднимается назад. Отец девчонки спрашивает:

— Зная, что побьют, не побоялся проводить мою дочь?

— Не побоялся...

— Так сильно любишь?

— Да.

— Ну, пойдём к нам, посидишь тогда, пока не разлетятся коршуны.

Вышли на балкон. Отец улыбнулся, показывая на группу молодых парней, поджидающих Мартына:

— Видишь, слетелись.

Эту историю я слышал много раз от парней, которым хотелось блеснуть героической юностью. История входит в состав самых распространённых городских легенд из восьмидесятых тире девяностых. Поэтому больше чем уверен, ничего подобного в жизни Мартына не было. Но мне понравилось, как он в финале своего рассказа выкрутился, когда я чуть было не поймал его на вранье.

— Простояли, — рассказывает, — на балконе полночи, проговорил о том о сем, а когда коршуны устали ждать и разлетелись, отец девчонки моей вызвал по телефону такси, чтобы я спокойно доехал до дома.

На реплике «вызвал такси по телефону» я усмехнулся. Не было в конце восьмидесятых мобильных телефонов, по которым нынешние люди привыкли вызывать такси.

Мартын будто прочитал мои мысли. Глаза покосились влево — придумывает, как выйти из положения.

Он приложил к уху руку, изображая, что держит в ней трубку дискового телефона, а указательным пальцем другой руки сделал круговое движение. Потом кивнул головой и добавил:

— Дисковый телефон. Вызвал такси по дисковому телефону.

Старый лис умеет читать мысли собеседника.

Сегодня после обеда объявили, что Бичу — бывшего мента, которые бывшими не бывают, — назначили комендантом, а Бича взял себе в помощники Мартына — вора в законе, которые тоже бывшими не бывают.

Иногда реальная жизнь подносит нам чистые драматургические ходы.

7 июля, вечер

На позициях три двухсотых из моего потока.

Сначала работала арта укронациков, потом было затишье, а в половине пятого начался ураган.

Повалило несколько деревьев на электропровода. Света нет.

При дожде птички не летают, значит, вражеская арта не работает.

Когда ливень порвал небо, вроде успокоился. Парням легче будет. Мокро и грязно, зато живы. И вот новости...

Погиб Китаец. Сказали, что погиб Китаец.

Дали свет.

8 июля, до прихода утра

Бабахает сильно. В одну и в другую сторону.

На второй учебной базе, где мы жили в землянках, один курсант из нашего потока застрелил другого. В шутку

приставил к голове автомат и нажал на курок. Половины головы как не было.

Не всякий русский воин доблестный. Есть среди нас откровенные дебилы. Не хочется о них говорить. Стереть из памяти, чтобы не было, как той половины головы.

На пункте сбора добровольцев набралось человек восемь. Среди них были Ахмед и Смайл. По приезде на учебную базу мы подружились. Жили в одной палатке.

Потом к нам подселили Китайца, Кубань и Костека. Китаец с Кубанью приехали вместе. Два друга — метель да вьюга. Китаец безбашенный. Кубань головастый. Парни, как плюс и минус, противоположности друг другу. Держались вместе.

Костек — из Дагестана. Метр с кепкой. Золотые зубы. В каждой бочке затычка. Глупо шутил и старался быть на виду, чем немало раздражал меня. Как-то не выдержал и прикрикнул на него:

— Костек, знаешь основное правило солдата, которое спасает ему жизнь?

— Какое?

— Быть незаметным!

— Меня и так никто не замечает! — обиженно ворчал Костек и на секунду замолчал.

Через пару-тройку дней к нам присоединился двадцатитрёхлетний Ковбой. Жил он в другой палатке, но подружился со Смайлом — близкий для общения возраст, — поэтому частенько тусил вместе с нами.

С утра на полигоне, после обеда на теории, вечерами молодёжь в качалке, старики — я и Ахмед — на койках, а Китаец с Кубанью — парни среднего возраста — в курилке.

По рации:

— Командир, мы работу закончили...

— Отдыхайте, завтра с утра ещё много дел.

Бабахать перестало. Слышен только утренний собачий лай по располаге. Парни возвращаются по своим домам. Нет, прилёты ещё есть. Редкие, но есть.

8 июля, утро

Ахмеда поставили на пост. Поскольку он неграмотный, то позывные и номера машин, которые проходят через него, не записывает, а напрямую передаёт по рации в штаб. Помимо этого, он сообщает по рации обо всём, что происходит рядом с его постом. Дежурный в штабе злится. Понимаю, конечно. Только иного выхода нет, людей не хватает.

Идёт уже пятый час работы Ахмеда. Он передаёт по рации:

— В кустах за будкой кто-то шевелится. Наверное, собака. Да, это собака.

— Так пристрели её, чтобы не мешала тебе работать! — в ответ орёт выведенный из себя дежурный по штабу.

— Собаку? Собаку я не могу стрелять, — отвечает Ахмед.

8 июля, вечер

Время в карауле уменьшилось до восьми.

Сегодня на дальнем посту. Тут спокойнее, потому опаснее. Мне легче. Мало людей.

Прилетала божья коровка. Села на броник. Ползала, ползала. Взял её, как в детстве, посадил на указательный палец левой руки и поднял вверх. Указательный палец правой руки — на контроле.

Божья коровка, улетели на небо, принеси мне хлеба чёрного и белого, только не горелого.

Божья коровка не улетала. Спустилась по указательному пальцу вниз, поднялась на средний, потом опять

спустилась, перешла на безымянный... Так обошла все пальцы. Развернулась и проделала тот же путь в обратную сторону.

Я назвал её Бовка (БОжья корОВКА).

Руку положил на автомат. Бовка перемахнула запястье и, смешно пробираясь сквозь волосики на руке, поползла к складкам засученного рукава.

Жара спала. Пасмурно. Воздух тяжёлый.

Бовка перебралась на рукав камуфляжа, немного постояла и скрылась из глаз, убежав на другую сторону руки. Я сидел не шевелясь.

Прилетела вторая божья коровка и так же села на броник. Не стал её беспокоить просьбой принести хлебушка.

Божья коровка жила своей жизнью, ползая по броне и прикладу автомата, на который она легко перешагнула, поскольку тот был плотно прижат к груди.

Я назвал её Жьяко (боЖЬЯ КОрОВка) на французский манер.

Для общей картины не хватало только Госпожи Ро (божья коРОВка). Но третья коровка никак не прилетала.

Появился шмель. Его жужжание напрягало меня, поэтому я снял кепку и отмахнулся.

Наши парни вычислили координаты крупнокалиберного пулемёта укронациков. Вышли одноглазые. Один плюс пять уехали за грибами. Минус два без вести.

На войне лучше не привыкать к сослуживцам. Каждая утрата убивает внутри тебя что-то живое. Стараюсь дистанцироваться. Хорошо и тепло общаюсь со всеми, но при этом держусь на расстоянии. С божьими коровками хорошо дружить. Они похожи друг на друга.

Теперь для меня все божьи коровки будут Бовками или Жьяками. Так в моей голове каждая из них будет жить вечно.

В следующий раз (пусть это будет в новом году!) поймаю божью коровку, посажу на ладонь и буду разглядывать, чтобы понять, кто она: Бовка или Жьяко. А если повезёт, то и Госпожу Ро увижу. Толстенную-претолстенную, с бессчётным количеством чёрных пятнышек на малиновых (пусть будут малиновые!) крылышках.

Если принять за данность, что вечность существует, пока живёт человек, а каждого человека зовут Огогошем, то Огогош вечен, как Бовка, Жьяко и Госпожа Ро.

9 июля, четыре утра

Всю ночь лил дождь. Под утро перестал.

Проснулся в час ночи. К двум на пост. Надо не спеша собраться. Сажу под навесом во дворе, пью кофе, курю.

К половине второго из своей конуры вылез Фома-два.

— Не спится? — спрашивает.

Я чуть не поперхнулся.

— Спится. Только на работу пора. Тебе тоже.

— У меня подозрение на пневмонию. Завтра с утра на больничку еду. Можно кофе?

Фома-два, не дождавшись ответа, берёт мою чашку и делает из неё глоток.

— Теперь и у меня будет пневмония, — говорю.

— Я не знаю, что такое пневмония.

— Это воспаление лёгких. От него умирают чаще, чем от пули на войне.

— А-а-а, — растягивает Фома и делает ещё один глоток из моей чашки.

Фома-два — потому что в подразделении есть ещё один Фома. Тут двойников много. Малой, Малой-два-три-четыре-тридцать. Добрый, Старый, Кот и т. д. — все с но-
мерами.

Фома продолжает светскую беседу, допивая мой кофе:
— Мне тоже на пост, говоришь?

— Да.

— А куда?

Открываю телефон, на который фотографировал расписание.

— На дальний.

— У тебя неправильное расписание. Мне не туда.

— Правильное. Туда.

Не было ещё ни одного дня, чтобы Фома пришёл на пост вовремя и на тот, на который нужно прийти. Он уже неделю ходит как лунатик. Еле передвигается. Уговорил его вчера сходить к медикам. Отказывался, ссылаясь на то, что ему теперь уже ни чем не помочь. По правде говоря, он меня пугает. Разговаривает сам с собой, смотрит в пустоту или сквозь собеседника, будто не видя его, ходит медленно. Похож на зомби.

— У меня на войне псориаз прошёл, — продолжает Фома. — Что такое псориаз, я знаю. Это большая перхоть на голове. Её отковыриваешь, но она потом снова нарастает.

Меня начинает подташнивать. Надеваю броник, плащ, беру автомат. Фома тоже одевается. Включает фонарик, и мы выходим на улицу.

Я меняю Чапу. Чапа еле стоит на ногах от усталости. Мокрый насквозь. Мы здороваемся и тут же прощаемся. Чапа уходит. Фома стоит рядом.

— Тебе на дальний, — подталкиваю Фому в направлении его поста.

Фома недоумевает:

— Я ведь только что тебя сменил. Почему ты опять пришёл?

— На дальний, Фома, тебе на дальний, — будто не замечая того, что Фома бредит, повторяю.

Фома разворачивается и уходит.

Здесь больных нет. Больные на больничке. В распоряжении, даже если у тебя смертельная агония, ты всё равно здоров.

9 июля

Мартын внешне похож на персонажа советского фильма «Дети капитана Гранта». Того, который говорил: «Я не Негоро, я — Себастьян Перейро!» Серьги в ухе не хватает.

Получив должность помощника коменданта, застегнул камуфляж на всю молнию. Носит под мышкой папку. Задирает подбородок и поджимает губы.

Достаточно представить себе Себастьяна Перейро с папкой под мышкой (вроде Огурцова из фильма «Карнавальная ночь») — и можно умереть со смеху.

Услышал, как Мартын ругается на Ахмеда:

— Ты тупой!

— Мы тут все тупые. Острые — на объекте, — заступился за Ахмеда.

Объект — Сердце Дракона. Основная движуха на нашем участке фронта происходит именно там.

Мартын понял, на что намекаю. Сжался в комочек, стал маленьким и безобидным. Немного попятился назад, потом резко развернулся и будто растворился в воздухе — исчез из моего поля зрения.

9 июля, день

Льёт дождь. Поспал пару часов и выспался. Света нет. Вышел во двор. Атмосфера гнетущая.

Прошла информация, что пропавшие без вести могли попасть в плен.

Водитель уазика разворачивался и наехал колесом на мину. Машину разметало в клочья. Его нашли в семидесяти метрах от места взрыва. Оторвало руку и обе ноги.

Пошёл смотреть расписание нарядов к домику коменданта и не обнаружил своего позывного. По дороге назад встретил Бича, спросил: «Почему?» Сказал: «Отдохни». Попросил поставить меня и дать возможность отлежаться Фоме-два.

Стихи ушли. В голове ни строчки. Уже давно. Так долго никогда не молчал. Чтобы не сойти с ума, решил вести дневник. Он даёт иллюзию собеседника.

Дневник никто не прочтёт. Если не выживу. От этого легче загонять буквы в слова, а слова в предложения. Вероятность выживания мала. Смерти не боюсь.

Боюсь, что физически не потяну нагрузок и подведу парней... свои высокие идеалы. Боюсь сломаться.

Я видел на этой войне сломанных людей. Печальное зрелище.

9 июля, вечер

Драматургии не случилось. Назначили нового коменданта. Бича вернулся в помощники, а Мартын остался не у дел. Папка заброшена под кровать. Камуфляж растёгнут.

Водитель уазика, которому оторвало ноги, скончался. Позывной Танцор.

Сто дней на войне. 91 день — первый круг и 9 дней — второй.

Дневник начал вести неделю назад. Он заполнил пустоту, образовавшуюся в отсутствии связи с большой землёй.

Жалею о том, что раньше не додумался. Дневник увлекает. Снимает напряжение.

Пару недель, пока занимался на первой и второй учебной базе, оставался без телефона. Ничего не записывал. Надо восстановить пробел.

Будут всплывать воспоминания из первого круга, запишу здесь.

10 июля, день

Без происшествий. Отоспался, отработал, перекусил, зашил дыры на камуфляже, который покупал в Москве, готовясь к выезду. Есть ещё один. Его выдавали на первой учебной базе. Держу про запас. Не надеваю.

На второй круг выдали всё то же самое, что выдавалось на первый. Вместо бушлата — куртка. Добавилась фляга для воды и разгрузка намного лучше. Та, которую получали зимой, рвалась в первый же день. Снимали с неё карманы для магазинов и перекидывали на броник. Броник носили поверх бушлата.

Получая бушлат, просил выдать 50–52 размер. Был пошире. Сейчас 48-й в самый раз. Мне выдали 56-й.

— Зачем, — говорю, — мне 56-й, если я — 52-й?

Ответили, дескать, бушлат нужен такого размера, чтобы в студёную ночь и себя можно было накрыть, и коня. Жаль только, что коня не выдали.

В том бушлате через неделю заблудился. Сильно похудел. Ходил как Филиппок в отцовской шубе, пока не купил нужного размера.

Резиновых сапог в этот раз не выдавали. Из обуви только кроссовки «Лёва» — мультикам. Как ни странно, подошли. Хожу не снимая. Зимой давали такие же. Не сумел привыкнуть. За неделю ступня превратилась в сплошную кровавую мозоль. Сейчас в кроссовках нога чувствует себя хорошо. Есть берцы, лёгкие. Покупал вместе с камуфляжем.

10 июля, под вечер

Организму нужно две недели на адаптацию. Потом становится легче. Привыкаю. Гоню мысли о домашнем уюте, чтобы не так тоскливо было. Возможность позвонить на большую землю — есть. Надо подойти к командирам, попросить. Просить не хочется. Да и звонить тоже. Сомневаюсь, что разговор с большой землёй даст мне сил. Наоборот, могу расклеиться.

После караула вздремнул на часик. Вышел во двор, там Калуга сидит и бормочет: «Ангел-хранитель, ангел-хранитель...»

Штаны задраны до колен. Ноги распухшие. Костяшек не видать. Несколько дней назад на полигоне схватил тепловой удар. Плюс тридцать жара, мы в тяжёлой броне, плюс БК. Он оставил на базе кепку, бегал в шлемаке. На перекурах снимал шлемак, чтобы не так жарко было. Результат налицо. Вернее, на голове. Отрабатывали эвакуацию на реальном трёхсотом.

— Ничего себе, — говорю, — как у тебя ноги распухли.

— Бухал на гражданке... поэтому, наверное.

По Калуге видно, что был не дурак выпить. Под глазами мешки. Лицо застыло в похмельной гримасе. Щёки отвисшие.

— Я бухал, — продолжает. — Ну как бухал? После работы вечером. Немного, потому что утром вставать. На выходных пил нормально так. Все выходные пил. Потом опять пил, немного. После работы. Почки посадил. Печень. Ноги опухают. Но я разве виноват, что у меня ноги опухают?

— Освободили от БЗ?

— Да. Бухал я на гражданке. Теперь ходить не могу. Вернусь, пить не буду. Ангела-хранителя нельзя подводить и гробить себя почём зря. Понимаешь, Огогош, такая жизнь. Работа тяжёлая, денег мало, перспектив никаких.

Живём с женой — сами не знаем зачем. Но зачем-то ведь живём? И ангел-хранитель у меня есть, оказывается.

— И я вчера про него думал. Но может, — кивнул на небо, — нас берегут для чего-то более страшного.

— Берегут для чего-то более страшного? — Калуга повторил за мной и побледнел. — Пойду лягу, ноги вверх подниму, может, опухоль спадёт.

10 июля, вечер

Страх. Взял его, будто вещь какую, и разделил на три части, важных для спокойного существования. Определил для каждой своё место в голове. Боюсь: подвести, сломаться, бессмысленно погибнуть.

Стоп. Зная (хорошо, предполагая), какое количество людей молится за меня, погибать — подло. Даже со смыслом. Всё равно что подвести их.

Первый и последний страх положил на одну полочку. Так надёжнее.

11 июля, обед

С утра слышу выходы. Ба-бах — и тишина, ба-бах — и тишина, ба-бах... Так только наша арта работает.

Напротив поста, на углу забора, сидела трёхцветная кошка. Морда рыжая, ухо чёрное, грудка белая. Долго сидела и зевала, показывая розовый, как тельце младенчика, язычок. Летом на войне мало белого цвета. Полевые цветы и кошкина грудка с серым оттенком. Зимой было чуть больше. Особенно если под утро выпадал снег. К полудню, правда, и он темнел.

В декабре, семнадцатого числа, я приехал на пункт сбора добровольцев, а уже девятнадцатого был там, где должен быть любой уважающий себя мужчина, — за ленточкой. Так начинался мой первый круг.

Дорога тяжёлая. Самолёт. Четырнадцать часов на КамАЗе. Машины забивались основательно. Не продохнуть. Зима. Ветер. Без горячей воды и еды. На базу приехали в четвёртом часу утра. Вывалились из машины и разбрелись по баракам. Нашёл, где упасть, упал и тут же уснул.

Начало второго круга далось легче. В самолёте и в КамАЗе дышали свободнее. Без бушлатов парни тоньше. На ночь остановились в старом общежитии. Отпустили в магазин. Естественно, парни купили водку, нажрались и подрались.

Приехала военная полиция. Нас построили. Пьяных вывели. В том числе Китайца. До утра их никто не видел.

Утром Китаец появился с просветлённым взглядом, будто сменил религию и стал кришнаитом. Стянул с себя штаны и показал бордовые ляжки. Засмеялся.

— Задница, — говорит, — у меня такая же, можете поверить на слово!

Мы поверили. Легко отделался.

Кубань смотрел на своего друга и качал головой.

В районе пяти утра отвезли на промзону, где выдали оружие. Китаец сидел и смотрел на свой автомат, как смотрит юноша на возлюбленную.

— Надо подписать, — говорит, — чтобы не потерять!

— На первом круге, — подсказываю Китайцу, — парни своим автоматам давали женские имена — имена любимых.

Китаец достал нож и вырезал на прикладе «Валя и Катя». Жена и дочь.

Бабахать перестало. Прогредел гром. Кошка спрыгнула с забора и скрылась за углом. Полил дождь. Я забился под навес, чтобы не промокнуть.

Дождь мне нравится больше жары и холода. Если есть навес, конечно. Под навесом, впрочем, и жара с холодом не так страшны.

11 июля, день

На предыдущей записи поставил время обеда, а было только десять утра. Меняется ощущение и понимание времени.

Сон урывками, да и тот прерывистый, как у алкоголика. Нужно быть постоянно готовым к команде: «Пять минут на сборы». Выматывает. Хотя и к этому привыкаешь.

Человек — такое животное, которое приспособливается к любым условиям жизни. Если бы этого не было, мы бы давно вымерли.

Приехал хозяин дома, в котором живут солдаты. С семьёй. Парней перекинули к нам. Тесно. Неудобно. Но сейчас не до удобств. Вижу хороший знак в том, что мирняк возвращается.

Нахожусь вне информационного поля, не знаю, что происходит за пределами располаг.

Моя маленькая война — это мой маленький кусочек земли, на котором стою. Холю его и лелею. Он — мой.

Если мирняк возвращается, значит, чувствует безопасность, значит, я хорошо работаю. Мы — хорошо работаем.

11–12 июля, ночь

Отваги мало. Необходимо хорошее здоровье. Голова должна стоять на крепких плечах, иначе, какой бы умной ни была, отвалится. Это война, детка. Здесь красивые парни с оружием в руках перекраивают мир, погрязший в нищете, подлости и разврате.

12 июля, раннее утро

С поста вернулся сияющий Дикий. Счастливый. Улыбка до ушей. Продефилировал до чайника, налил чашечку кофе, сел рядом.

— Что-то случилось? — спрашиваю.

— Я работаю, — отвечает, — а меня в наряды гоняют. Люблю физический труд. В пятнадцатилетнем возрасте фуры с цементом разгружал, а что сейчас?

Дикий лет на десять младше меня или около того. Среднего роста, подтянутый. Кавказец с европейскими чертами лица. Борода седая. Говорит, что борода всегда была такой. На боевые после ранения не пускают. На штурме повредил колено. Осколок. Просился к одноглазым. Отказали, объяснив, что не потянет нагрузку. Ходил печальный. А тут, смотрю, что-то развеселило его.

— Стул под караульным навесом уж больно странный. Стоишь — ни в одном глазу. Сядишься на него — и сразу вырубает.

— Уснул в карауле?

— Стул такой. Спать не хотел. Но сел на него и уснул. Знал, что комендант прошёл в одну сторону и должен с минуты на минуту вернуться, а всё равно сел и отключился. Чувствую, кто-то мой автомат потянул. Открываю глаза, комендант стоит.

— Это залёт, Дикий.

— Страшный залёт!

— Что тебе будет?

— С постов снимают. Завтра поеду лес валить. Нужна машина брёвен. Вот это настоящая работа!

12 июля, как бы обед

Кубань запятисотился. Прошёл зелёную зону и жёлтую. На красную зону не вышел. Испугался. Вернули с боевого.

Видел его утром. За ночь превратился в другого человека. Лицо земляного цвета. Глаза пустые. Щёки впавшие. Кожа прозрачная. Уменьшился раза в два. Сразу не узнать.

Сломался парень.

12 июля, к вечеру

После того как получили оружие, разбили по группам. Кому необходима была дополнительная подготовка, убыл («убыл» — слово из местного лексикона) на вторую учебную базу. Нашей компании дополнительная подготовка была необходима.

На второй учебной базе недолго занимались. Приехал полевой командир. Ему нужно было двадцать пять человек. Построил курсантов и спросил: «Кто пойдёт?» Ленин вышел из строя: «Я!» Ленин — это позывной. Отличный парень.

Больше никто не горел желанием выходить к нему. Солдаты поговаривали, что жёстко работает. Большие потери в отряде.

Полевой командир спросил ещё раз: «Кто?» Вышли Китаец и Кубань. Полигон утомил. Захотелось настоящей войны. «Кто?» Вышли Ахмед, Смайл, Ковбой и я. Не оставлять же парней без присмотра.

За нами потянулся весь учебный взвод общим составом как раз в двадцать пять человек. Так мы оказались там, где оказались.

12 июля, поздний вечер

День прошёл спокойно. Фоновые прилёты. Дикого отправили на другую базу.

Хочется спать. Период адаптации прошёл успешно. Две недели на драйве. Наступило время накопленной усталости. Слишком спокойно для того, чтобы чувствовать в себе уверенность. В себе и в завтрашнем дне.

Гражданские принесли молодой картошки. Мартын приготовил отменный ужин. Вернувшись с поста, съел две тарелки. Похвалил его. Мартын тут же расправил крылья и задрал нос. Ребёнок.

Хотел побольше написать. Есть о чём. Только глаза закрываются. Завтра, всё завтра. Размеренная жизнь на войне настораживает. Ждёшь подвоха.

13 июля, раннее утро

Не высыпаюсь. Сильная слабость. Съел четыре яблока с дерева. Эффект отрицательный. Подобен вражеской арте. Залповый огонь. Наши работают чище, одиночными.

В периоды затишья парни собираются за чашкой чая и рассказывают друг другу солдатские страшилки с таким видом, будто истории происходили с ними или с близкими знакомыми. Но многие истории (с вариациями) я слышал ещё на первом круге.

Две топовые.

Красавица заманила в хату солдата. Наутро нашли солдата с отрезанной головой.

Бабушка угостила солдата молоком. На следующей день солдат умер от отравления.

Есть истории посложней.

Когда добровольцы выезжают за ленточку, колонна машин разделяется. Солдат развозят по разным базам. Среди парней начинает ходить страшилка, дескать, ту часть колонны, которая выдвинулась в другом направлении, разбила вражеская арта.

Аналог этой истории слышал на первом и на втором круге. Мы уже похоронили парней, помянули газировкой, а через неделю встретили в полном составе на полигоне.

13 июля, утро — день

На базе мышей мало. Местные коты работают штурмовиками. Зачищают углы двойками, тройками и пятёрками.

Зимой коты не спасали. Их не было. Мыши ходили по блиндажу, как у себя дома, и ни в чем себе не отказывали. Еду подвешивали, чтобы обезопасить. Мыши добирались. Парни под финал уже не реагировали на них. Иногда сами подкармливали.

В нашем дзоте жила одна. Серая с серебристым отливом. И я приносил ей горстку крупы или кусочек сыра.

Кубань плюс два убыли в другую располагу с вещами. О Смайле и Ковбое ничего не слышно. Солдатское радио молчит. Сам не спрашиваю. Не дай бог, услышу плохие новости. Ахмед пропадает.

По настроению солдат ощущается большое переселение. Но парни планомерно выезжают на БЗ и приезжают с него. Жизнь идёт своим чередом. Может показаться, что ничего не происходит, но происходит многое.

Завтра у меня юбилей. Пока никому не говорил о нём. Стараюсь больше молчать и слушать. Я и в мирной жизни не был особо разговорчивым.

Местный житель принёс ведёрко яблок. Мытых. Говорит, лучше яблоки грызть, чем воду пить. Только бы не просквозило через пятую точку. Надо быть аккуратным с едой. Не набегаешься.

Яблоки вкусные.

13 июля, вечер

Ахмед уходит на БЗ.

В караул перестали ставить. Страшно тупит. Грамоты не знает. Фиксировать прибывших-убывших не может. По всякой ерунде штаб дёргает.

Расстраивался, нервничал, ходил неприкаянный. Когда взяли в боевую группу, повеселел. Сегодня выдвигается.

Есть вероятность, что ночью вернутся Ковбой и Смайл.

Включаю режим энергосбережения. Минимум лишних движений.

Башкир вырыл яму на нуле, в нескольких метрах от блиндажа, и ходит туда спать.

— Башкир, ты почему в блиндаже не спишь?

— Там нет никаких условий!

14 июля, раннее утро

День рождения. Юбилей. Пятьдесят. Кто бы мог подумать! Вчера меня парни древним назвали.

В начале июня предложили отметить юбилей в Колонном зале Дома Союзов. Праздничный концерт, поздравление Президента, все дела.

Я спросил: «Фуршет будет?» Сказали, что будет. Девочки в белых блузках, шампанское, бутеры на рапирах, фрукты, сладкое.

Заманчиво, конечно. Но я выбрал войну и будущее моих детей. Праздничный концерт с фуршетом можно будет после победы погулять.

Ночью помкомеданта разбудил и сказал, что в караул с утра не выхожу. Меня убрали из комендантского взвода. Хотел спросить: «За что?» Вовремя остановился. Идиотский вопрос. Не за что, а потому что. Потому что завтра в бой.

Завтра будет завтра. Сегодня юбилей, вкусняшки и газировка.

14 июля, день

Заставляю себя писать. Состояние разбитое. Звонить никому не хочу. Будет ещё хуже. Пытаюсь сам справиться. Как обычно.

Сходил с утра в магазин. Купил парням колбасы, газировки и вкусняшек. Сам поел. Дома никого не было. Парни по постам.

Мартын с утра поздравил с ДР и подарил часы на цепочке без цепочки и батареек. Целых три штуки в подарочной упаковке. Где он их взял, понятия не имею. Стащил, наверное.

Хочу спать. Заснуть не могу. Либо меня от дня рождения колбасит, либо от другого. Понятно отчего. От курица голова болит.

Поменял линзы на всякий случай. Может, так получится, что иной возможности не будет. Пока шёл в магазин, ударился большим пальцем — больным. Непруха за непруха.

К медикам больше не пойду. Подумают, что к пятисотым пристраиваюсь. Не хочу, чтобы мне было когда-нибудь стыдно за себя.

14 июля, день

Завтра день отдыха. Выход близок. Лишь бы нога не подвела. Затяну получше берцем. А там на адреналине проскачу.

Сделали уборку в доме. Перемыли посуду, почистили столы, подмели землю с полов.

Мартын опять кашеварил. Сварил макароны с тушёной. Вкус омерзительный. Не стал ничего говорить. На безрыбье и рак — щука. Залил майонезом и съел.

Фома-два выправляется. Перестал пугать меня. Да, я нездоровых людей пугаюсь. Не знаешь, что от них ждать и что у них на уме. Но последних пару дней Фома ведёт себя достаточно адекватно, на мой взгляд, если только я сам за эти пару дней не потерял адекватность и все больные стали казаться здоровыми.

14 июля, вечер

На полигоне, когда формировали боевые группы, внимательно за всеми наблюдал. Мы были в полном снаряжении. В тяжёлых доспехах. Еле поворотливые. Жара страшная. Смотрю, а Китаец прыткий такой, пархает мотыльком и так и сяк, старается, чтобы взяли его. Вот, думаю, парень с моторчиком. Животик пивной, а ноги крепкие, и тело выносливое. После полигона Китаец признался, что плиты из разгрузки вытащил.

14–15 июля, ночь

Китаец живой. Вернулся с БЗ. Зашёл и поздравил меня с днём рождения. Я в ауте. Не понимаю, как этот мир устроен. Перебор для моей душевной организации. Подробности завтра. Сегодня ничего писать не буду. Надо переварить.

15 июля, утро

Деньрожденческая хандра прошла. Чувствую себя более-менее. Беспокоит зрение. Ещё хуже видеть стал. Буквы расплываются, двоятся. Печатаю с трудом. Палец на ноге ноет. Скорее всего, выбита кость. Не посмотрел рентген свой. Врачи странные. Если выбита, могли и вправить, чтобы прошло быстрее. Зря ел яблоки.

Зайду к медику, возьму что-нибудь закрепляющее и спрошу про палец. Только бы он командиру не передал мои жалобы. Может подумать, что закосить хочу. Напротив, я в боевой готовности. Лишь бы здоровье не подкачало. У меня ещё есть в пороховницах порох. Немного, но есть.

15 июля

К медику не пойду.

15 июля, день к вечеру

Дают отдохнуть, а кажется, что о тебе забывают и ты никому не нужен. Смотришь, как парни пашут, и возникает чувство предательства. Будто взвалил на них ношу свою.

День спокойный. Меня никто не беспокоил, не донимал разговорами. После случая с Китайцем опасаюсь слушать так называемое солдатское радио. Это ведь надо было такому произойти! Десять дней горевал по приятелю, а он жив-здоров.

Случилось вот что. Костек сел на уши Ахмеду и начал пересказывать солдатские страшилки. Рассказал, что часть колонны, которая отделилась от нас, подверглась атаке беспилотников. Никто не выжил. Потом рассказал, какое адище охранять Сердце Дракона и ходить в штурмы. Потом упомянул Китайца. Китаец к тому времени уже вышел на Дракона в одной из пятёрок.

У Ахмеда в голове перемешалась информация, и он выдал мне пережёванную кашу в виде того, что Китайцу снесло голову беспилотником. Когда Ахмед выпалил весь этот ужас, я только ахнуть мог.

Солдатское радио — жуткая штука. Только без него скучно будет.

15 июля, вечер

Думал, что сегодня-завтра уйду. Пока оставили. Ушли две пятёрки плюс миномётчики. Меня прикрепили к новой команде (скажем так, опытных) штурмовиков.

У парней на счету от тридцати до пятидесяти боевых за полтора-два месяца. Я в группе самый «молодой» — неопытный и самый старый — по возрасту.

Разместили командой в одном доме. Мне переезжать не пришлось. Наоборот, подселили в дом, где я живу.

Дом хороший, большой. Пустовал. Раньше в нём жил украинский полицейский. (На чердаке нашли форму гаишника.) Три комнаты плюс кухня. Холодильник, морозильник, газовая плита. Перед домом веранда и асфальтированная дорожка. Парни спрашивают:

— Откуда здесь асфальт? В деревне нет асфальтированных дорог, а здесь прямо во дворе положили.

— Дом гаишника, — говорю, — вышел на трассу, железом махнул — и во дворе асфальтированные дорожки.

Смеются. Парни славные. Будем приглядываться друг к другу.

16 июля, утро

Седой, Дагестан. Настоящий абрек. Каких показывают в кино. Голова чисто выбрита. Большая чёрная борода. Невысокий (метр семьдесят с копейками), но коренастый. Горячий. Не жалуется, а возмущается.

Возмущается, что наша арта криво работает. Мино-мётчики не умеют правильно выставлять координаты и поэтому попадают по своим. Нашу огневую поддержку назвал «беременной», потому что она страдает недо-лётами.

Седой несколько раз был контужен. На одно ухо плохо слышит. Говорит, что из-за этого с трудом различает по звуку местоположение вражеских птичек. Слух раскоординирован. Моно вместо стерео.

Ругается на бывалых за то, что пугают молодых:

— Молодых надо поддерживать, — говорит, — учить правильно реагировать на прилёты, а не пугать. Из-за этого, — отрезал, — Кубань запятисотился.

Также Седой гневно прошёлся по медикам. Жёстко. Парней, сказал, не лечат, в госпиталях не оставляют. Осколки вытащат магнитом, порвут мышцы, смажут зелёной и снова отправляют на базу. Раны гниют. В строю много «не боевых» парней.

Рявкнул на собаку, которая разлеглась в кресле под навесом.

Собаку притащил Мартын. Серая, с рыжеватым оттенком дворняга. Пугливая. Подобрал где-то. Пожалел.

У собаки нет имени. Её называют по-разному. Кто — Люськой, кто — Белкой, а кто — просто Сучкой.

Она рычит на солдатские ботинки и по ночам, когда все спят, вытаскивает их из дома и грызёт. За это ей влетает. Мартын старается защищать, но у него слабо получается.

— На передке рыжие псы наших парней, которых не смогли вытащить, обглаживают, — злобно ворчит Седой.

Заметил, что парни, побывавшие на передке, собак терпеть не могут. (Мартын там не был.) Сава, ещё один боец из пятёрки, вчера вечером, когда перетаскивал вещи, тоже нехило рявкнул на несчастного пса:

— Собака — грязное животное. Кошка — не грязное.

На первом круге собак не видел. Мы жили сначала на ферме, потом в полях. Здесь деревня. Собачья вотчина. Хотя кошек тоже много. Они держатся обособленно. Друг на друга не прыгают, но и дружить — не дружат.

Реплики Седого уложились в пять минут. Говорил резко и горячо. Я в это время наливал кофе, чтобы выпить, как подобает старым аристократам, с первой утренней сигаретой. Свою речь Седой зафиналил протяжным зевком, дескать, пойду досплю.

«Накипело, — подумал. — Нужна была разрядка. Он позавчера только вернулся».

16 июля

Давинчи. Отец иранец. В отца. На костяшке левой ноги набито солнце с расходящимися лучами. Внутри солнца свастика.

— Сколько тебе? — спрашивает.

— Пятьдесят. Два дня назад исполнилось.

— Ровно. Мне тоже ровно. Сорок пять в феврале.

— Зимний. Зимние крепкие.

— Я бы не сказал, что крепкий. Когда родился, сразу воспалением лёгких заболел.

— А где родился?

— В Самаре. Жаль, что не в Иране.

16 июля, вечер

Надо правильно собраться, когда идёшь на БЗ. Много нюансов.

БЗ — это чудовище. Дракон, которого боятся, но всё равно ходят на него. Потому что богатыри. Рыцари. Доблестные русские воины.

БЗ, бз, бзззззз... Будь ты о семи пядей во лбу и всё равно всего не предугадаешь. Может случиться всякое. Но есть основное.

Тяжёлые и долгие переходы. Иногда бегом по открытой местности под вражеским огнём. Не иногда. В нашем случае — всегда. Поэтому необходимо брать минимум. Чтобы раньше времени не обессилеть. Быть подвижным и лёгким.

Лёгким точно не получится. Броня плюс БК, каска, автомат — уже килограмм на тридцать тянут. Если не

больше. Немного еды и воды. Еду хорошо заменяет сникерс. С одного сникерса на целый день энергии. Что ещё нужно? Нательный крестик и молитва на устах.

17 июля, ближе к полудню

Ожидание утомляет. Неизвестность раздражает. Ещё на первом круге заметил.

Солдат в неведение. Ему в любой момент могут объявить пятиминутную боевую готовность. На выход.

Живём в постоянном напряжении, на которое накладывается информация солдатского радио. Солдатское радио никого не жалеет. Оно беспощадное. Потому стараюсь поменьше слушать его.

Не могу найти небольшой рюкзак на БЗ. У меня с собой два больших. Не предусмотрел. Я многое не предусмотрел. Война другая. Зимой войны почти не чувствовал. Взрывы, смерти, двухсотые, трёхсотые, танки, миномёты... но в воздухе войны не было. Сейчас каждая песчинка на дороге, каждая травинка на обочине пропитаны войной.

Калуга вчера ушёл на БЗ. Странно было услышать. Его оставляли в комендантском взводе. Здоровье так себе. Сказали, что напросился. Не верится, чтобы Калуга сам, по своей воле решился. Он казался мне слабовольным. На войне люди познаются не по словам. По поступкам. Хорошо, что в нашей стране есть такие парни.

17 июля, день заканчивается

Сон дурной снился. Слышу по рации:

— Командир-командир такому-то.

— Слушаю, такой-то.

— Не сказали, что ветер поменяется. Нашу группу накроет.

— Ха-ха-ха, новую соберём!

— Принято!

При этом разговоре командир покупал мороженное в «Пятёрочке». Ничего тупее во снах не видел.

Первый сон с намёком на войну. Вернее, про войну. До этого сны гражданские снились. Цветные. Яркие. Где всё как будто по-настоящему.

В первое время просыпался и долго не понимал, где нахожусь. Казалось, что дома. А война, наоборот, приснилась.

Бовка прилетал. Шёл с общего сбора, остановился на посту. Мартын в карауле. Стрельнул у меня сигарету и говорит:

— По тебе божья коровка бегает.

— Пусть бегает, это Бовка. Жьяко Госпожу Ро ублажает.

Развернулся и пошёл к дому. Почувствовал спиной, как Мартын посмотрел вслед и покрутил пальцем у виска. Подумал, наверное, что я чокнулся. Я бы тоже так подумал.

17 июля, почти ночь

Самый прекрасный вечер за последний месяц. Уютный, домашний.

Вернулись с БЗ Смайл и Ковбой. Довольные, счастливые. Для них война — это захватывающая игрушка. Реалити-шоу. Они на драйве — азарт и молодость.

Смайл похвастался, что изучил пулемёт и гранатомёт. Говорит, поправился, пока был на передке. Хороший повар ходил с ними.

Бомбили часто, но парни живы и здоровы. Я с гордостью смотрел на них и слушал рассказы о боевых буднях молодых ребят.

Полдня грузили мины и снаряды. Вывозили боеприпасы на вторую базу. Цели не знаю. Не интересовался.

Ближе к вечеру нашу пятёрку переселили в отдельный дом, чтобы коменданчи не мешали нам притираться.

Дом отличный. Парни заняли каждый по комнате. Сава лёг в гостиной на двухместном матрасе. Ярус, Седой и Давинчи заняли крайние небольшие комнатки, где помещается по кровати. Я решил уйти во флигель. Люблю уединение.

Вечером пришли в гости молодые ребята. Смайл, Ковбой и ещё один двадцатипятилетний парень из нашего набора. Не помню позывного. Ему двадцать пять, а уже четверо детей. Жену, сказал, брал с одним и ещё троих пацанят нарожал. Погодки. Вот молодёжь у нас даёт!

Сидели пили чай, болтали о жизни, о войне, мире и любви. Спокойный разговор без дебильных шуток. Настоящий, мужской. Таких разговоров мне не хватало на первом круге.

Компания собралась тогда отвязная, и в основном занимались тем, что подтрунивали друг над другом. Иногда с перебором. Живых мужских разговоров не было.

Может, потому, что не так жёстко было. Сейчас всё-таки иначе. Война злее стала, оттого парни по-иному смотрят на происходящее и общаются друг с другом по-иному.

— Давинчи, почему такой позывной?

— Рисую по камню. Портреты, слова пишу всякие добрые.

— Портреты на надгробных камнях?

— Да, уже двадцать три года на кладбище работаю. Зимой могилы копаю, потому что надгробий никто не заказывает, а весну, лето, осень рисую портреты.

Давинчи один вырастил дочь. Жена повесилась. (Причину не спрашивал. Я не спрашиваю, когда не говорят.

Если человек сам не рассказывает, то не хочет говорить — обсуждать тему, и лезть к нему с лишними вопросами — всё одно что ковырять старые раны.)

В одиннадцатом часу вечера парни расползлись по нормам.

Передал через Смайла две тысячи Китайцу. Оказывается, Кубань скипнул и забрал с собой деньги. Его в том числе. Печально. А ещё каких-то две недели назад Китаец и Кубань были не разлей вода.

18 июля, утро

Придерживаюсь правил трёх «нет».

В моих записях нет привязки к местности.

В моих записях нет позывных командного состава.

В моих записях нет рассказов о поставленных и выполненных боевых задачах.

18 июля, утро

Размеренный солдатский быт. Встал рано. Выпил благородный кофе с сигаретой. Постирался.

Трусы, носки, футболки. Не столько грязные, сколько вонючие. Пропитанные потом. Камуфляж руками не отстирать. Он почти чёрный. Машинка есть. Позже постираю.

Стиральная машина в доме такая же, как была в моём детстве. С барабаном на дне. Наливаешь в машину воды, включаешь и бельё крутится, пытаешься очиститься от грязи.

Мама каждую субботу её включала. Если память не изменяет, то называлась она «Чайка». После того как бельё прокрутится, мама меняла воду и снова включала барабан. Ополаскивала.

Потом выжимала через два плотно прижатых друг к другу ролика, обтянутых резиной. Сбоку ручка, как на

мясорубке. Её надо было крутить, пропуская бельё между роликов.

Здесь роликов нет. Один корпус. Но для полевых условий — более чем достаточно.

Сава сидел в сторонке и слушал утреннюю молитву. Мусульманин. По-моему, слезился. Я не приглядывался, но краем глаза видел, как он протирает рукой глаза, будто смахивает слёзы.

Давинчи убрал со стола следы вчерашнего чаепития. Ярус вышел, покурив сигарету и со словами «Пойду ещё поплю» ушёл в дом. Седой не показывался. Спит.

18 июля, вечер

Напряжённый день. Утром приехала машина с едой. Разгрузили. Только вернулись в дом, нашу команду вызвали. Перекусить не успели.

— Поработаем в лесу, — сказал командир.

На боевое или по грибы понятно по форме. Обычно говорят: форма лёгкая или по-боевому. От формы понимаешь, какая работа предстоит.

Поработали. Живы и здоровы.

На обратном пути заехали на место гибели Танцора. Поставили стелу с полумесяцем на маковке. Танцор — мусульманин. Восемьдесят девятого года рождения. Для меня совсем мальчишка. Сделали салют воинской чести. По три одиночных в воздух.

Выяснилось, что подорвался не на нашей mine, как я раньше думал, а на фугасной. ДРГ УкроРейха отработала. Нашли лёжку, помой и место, где свиньи испражнялись.

Вернулись уставшие. Я нарезал конины, Сава принялся готовить. Как поем, сразу лягу спать. Устал немного. Парни крепкие. Сложно ни в чём не уступать. Но я стараюсь.

18 июля, вечер

Я простой солдат. Самый обычный солдат, каких здесь тысячи. У меня нет прошлого и будущего. Есть позывной, есть только здесь и сейчас, есть приказы, и я должен их выполнять, чего бы мне это ни стоило.

Никому особо не рассказываю о себе. Никто не знает, что я литератор. Никто не знает, что я пишу стихи, поэтому никто не просит почитать их. Какое счастье — не надо ни с кем разговаривать о литературе, что-то доказывать и объяснять!

Огонь в груди, максимальная мобилизация организма и никаких соплей. Есть поставленные задачи. Их надо выполнять. Всё.

18 июля, почти ночь

Мы встали на тропу войны с людьми, которые только силу признают. Они считают слабостью любое проявление благородства и готовы лизать сапоги, которые бьют, кусая руку, которая кормит.

В белых перчатках войну не выиграть.

19 июля, утро

Проснулся в пять. Парни ещё спали. Добрал до нужника, вернулся. Вскипятил чайник. Выпил мерзкий кофе с сигаретой. Вода оставляет желать лучшего. Ноют связки на обеих руках. В девять опять в лес поедем. Работать. В народе говорят: «Работа не волк, в лес не убежит». Неправду говорят. Работа — это волк, и, как правило, она живёт в лесу.

В голове со вчерашнего вечера мысли о том, что мы, боясь допустить в стране 37-й год, вляпались в перманентную войну, которая тащит за собой смерти лучших

из лучших. Иной раз кажется, что надо было чуть раньше прорядить сволочей, вместо того чтобы теперь отправлять на войну истинных детей Отечества.

Физически слаб. Вчера мало ел. От усталости челюсть не жевала. Проглотил пару кусков конины и завалился спать.

Хорошо бы сегодня вечером хотя бы облиться водой. Руки от пота и грязи липкие. Нога ведёт себя хорошо. Почти не болит. Монотонный звон в ушах давно не мешает. Наоборот, помогает отключаться от страшной реальности.

19 июля, поздний вечер

Благодаря дневнику появляется оголтелая воля к жизни. Не думал, что так сработает.

Вернулись в девятом часу вечера. Работали не в лесу, а на промзоне. Работа включала в себя танец с выходом. Пяточка-носок, подпрыгнули, и снова пяточка-носок. Музыки не было. Танцевали без неё.

Продержался день на сникерсе с колой. Дома по приезде съел банку свиной тушёнки. Вокруг братья мусульмане, такого не кушают, поэтому могу есть в три горла, ни с кем не делюсь.

У Яруса появился нервный тик. К вечеру лицо вздрагивает в режиме «постоянно». Взгляд растерянный. Он почти не улыбается. Редко-редко ловлю его взгляд, который будто оживает, но снова лицо передёргивается. Мне кажется, он подмигивает мне, а на самом деле... Не будем о печальном.

Нет, будем. Хочется выговариваться. Хотя бы в пустоту.

Если я пишу, что мы живы и здоровы, то не стоит радостно хлопать в ладоши. Живы и здоровы относительно двухсотых. В остальном мы что-то между двухсотыми

и трёхсотыми. Не раненые, но и не мёртвые. Руки-ноги всего лишь от усталости отказывают. Не более того.

Больше ничего писать не буду.

19 июля, тот же поздний вечер, почти ночь

Забыл записать смешное.

На первой учебной базе инструктор говорил: «Не пейте из чужих фляг и свою никому не давайте! Мало ли кто чём болен...» Смешной инструктор. Не знает, что такое жажда! Не знает, что на войне все больны всем, пока живы, естественно. Не болеют только мёртвые. Но признавать свои болячки — это всё одно что давать им волю. Поэтому болеют, не болея, и делятся не только флягами. Иначе не выжить. Любую болезнь можно вылечить. Не лечится только смерть.

20 июля, десять утра

Событий много. Не для телефона.

20 июля, день

Выход вечером. Дождя не ожидается. Это плохо. Чувствую себя сносно. Это хорошо. Почти ничего не беспокоит. Мандраж ровно такой же, как перед выходом на сцену. Может, чуть меньше. Приятный мандраж. К вечеру, скорее всего, адреналин добавится. Мозг включится на полную. Писать буду. Телефон с собой. Повербанк, который порекомендовал купить большой сын, тоже с собой. Заряжается от солнца. Есть механическая зарядка. Ручку надо крутить, ха-ха. Заодно и проверим. Рюкзак собран для длительной прогулки. Лишнего старался не брать. Идти долго, бегать много. Лишний вес только

мешает. Давинчи молодец. С утра рычал, сейчас вроде успокоился. Мобилизовался. Седой шляется непонятно где. Не вижу, как он собирается. Сава ворчал (у него больное колено, говорит, что нога отнимается). У Яруса (или всё-таки он Ярс?) сильный тик, глаза красные. И всё же он максимально собран, насколько это возможно для такого состояния.

20 июля, день

Виделся с Кубанью. Он с автоботами теперь. То, что Кубань запятисотился, не обсуждали. Неловко давить на парня. Он потерянный. Сказал ему, что у Китайца нет денег. Кубань передал ему пятёрку.

На базе зашёл к Китайцу. Его вчера гоняли на полигоне. Куда-то готовят. Вернее, к чему-то. Отдал деньги. Небольшая, но всё-таки забота о своих боевых товарищах не пропадает. Они ко мне относятся как к отцу. Я и по возрасту им в папки гожусь.

Китаец растерянный, но добросовестный. Война за три недели вывела из него пацанство. В глазах виден детский испуг. Мальчишка. Не сломался бы. Командиры видят добросовестного бойца и начинают его в самую жуть отправлять.

20 июля, вечер

Получили паёк на выход. Упаковались. Полная готовность за полчаса до машины. Сидим ждём.

Яруса вызвали по рации к медикам. Осмотрели. Запретили выход. Завтра повезут к невропатологам.

В команде осталось четверо. За пять минут до выхода командир дал отбой группе. Замену найти не успели.

Группа идёт по сумеркам, когда чубатые птички не так отчётливо видят. Либо ранним утром, либо вечером. Днём и ночью никто не ходит.

Чубатые птички — глаза нациков.

Выход перенесли на завтра. Точно неясно, идём утром или вечером.

Я не чувствую волнения. То есть совершенно. Спокоен и холоден.

Сделали летний салат (огурцы, помидоры, лук, чеснок). Съели.

Сегодня самая подходящая погода для выхода. Назревает дождь, а по дождю идти безопасно. У нациков нет глаз.

Согрел себе воду для душа. Если уж не вышли, так хоть вымоюсь. Последние пару дней так бегали, что приходил уставшим и сил не было помыться.

20 ИЮЛЯ, НОЧЬ

— Студент, в каком институте учишься?

— М-м-м... Не скажу, вдруг уйдёт инфа...

— Уйдёт, конечно!

21 ИЮЛЯ

Всю ночь лил дождь. Несколько раз просыпался то ли от грозы, то ли от бабахов. В дождь не бабахают. Значит, от грозы. Раскатистой грозы, похожей на залповый огонь из тысячи орудий.

Сильно болит голова. Перекурил вчера, наверное, или давление на погоду. Вчера так упаковался, что забыл, куда сунул таблетки от головы. Жгут и турникет вижу, а простых таблеток от головы — нет.

Яруса перевели в комендантский взвод. Сава уходит спать в другой дом. У него там друг. Здесь нас трое. Два в доме, один во флигеле. Во флигеле — это я так для красоты называю летнюю кухню — сплю собственной персоной. В доме Давинчи и Седой.

Дождя уже нет, а гром гремит и гремит, или это уже не гром?

Новостей никаких. Ждём команды.

21 июля, день

На низком старте вторые сутки.

Давинчи почистил автомат.

Пока разбираю, обматерил весь белый свет. Нельзя на дорогу поминать Божью Матерь с бранью вперемешку. Но я не останавливал. Старался не слушать, да и не хотелось конфликтовать перед выходом.

Помог ему открутить огнегаситель. Не поддавался. Вставили сверло в дыры. Я держал ножницами блокатор и сам автомат, а Давинчи молотком по сверлу бил. С горем пополам открутили.

Ушёл к себе во флигель, слышу, опять матерится и зовёт меня. Автомат почистил, начал собирать, а крышка в пазы не встаёт. Кричу: «Погнулась, наверное».

Вспомнил, как на первом круге такая же история была с Ошем. Он долбанул по крышке, желая выпендриться — с огоньком захлопнуть, а крышка вместо того, чтобы войти в пазы, погнулась. Тогда чуть ли не весь взвод пыхтел над автоматом, чтобы вогнать крышку куда надо. Она никак не поддавалась. Я лежал на ящиках от боеприпасов и хохотал. Забавная была сцена.

Вышел к Давинчи и спокойно закрыл крышку автомата. Без огонька. (Это я себя похвалил, больше некому.)

Сделал мешочек для денег и для телефона, чтобы повесить на шею. Не хотелось бы потерять. Оставить на базе некому. На Дракона ходим по кругу. Мало шансов пересечься. Плюс — никто не застрахован от... Да, никто.

21 июля, глубокая ночь

В пути. За пару часов до выхода к нам в группу добавили Малыша. Огромный парень с грустными глазами. У него третий круг. Пулемётчик. Не единожды ранен. Нас опять пятеро.

— Прикольный позывной Огогош! Сам придумал?

— Да, это личное.

— А что значит?

— Ну, вроде того, что я ещё о-го-го!

— Прикольно...

— А кто тебе придумал позывной?

Малыш задумался. Взгляд погас. Он будто ушёл в себя, выпал из реальности на несколько секунд. Вдруг тряхнул головой и улыбнулся:

— У меня был пулемёт. Я его малышом называл. Приду забирать пулемёт на боевое и кричу: «Где мой малыш? Дайте мне моего малыша!» Поэтому парни меня стали Малышом называть. А на второй круг я уже сам взял себе позывной Малыш.

22 июля, двенадцать дня

На точке. В Пасти Дракона. (Здесь бы точнее звучало: в Кишках Дракона.)

Время на дорогу больше десяти часов, включая привалы и трёхчасовой сон. Могло быть чуть меньше. Накануне лил дождь, дорогу разнесло, и водитель высадил

нас, не довеся до места обычной выброски. Лишние три тысячи шестьсот шагов плюс вынужденный привал на сон и надоедливые птички.

Первую половину дороги считал шаги, чтобы легче было идти. После короткого сна (уснуть не удалось) в сыром блиндаже на голой земле стало не до счёта шагов. В голове только одно: надо дойти, надо дойти. Дыхалки нет никакой. Из горла хрип, вместо вдоха и выдоха.

У Седого в красной зоне отказали ноги. Сказал, сердце зашкалило. Его вернули на базу. Нас осталось четверо.

Проблема в том, что у Седого была еда. У нас в рюкзаках её мало. А надо как минимум две недели вытянуть. Тут рядом зетовцы, думаю, что голодать не будем. Надеюсь.

Ночью, пока ещё не рассвело, шли по бурелому, и естественно, я саданулся больной ногой о сваленное дерево. Ни черта не видел тропы.

Последнюю часть дороги — метров пятьсот (может, триста, я плохо соображал) — бежали гуськом. С рюкзаками, в броне, с БК. Сомнительное удовольствие. Больная нога начала ныть, а горло ещё больше хрипеть.

Утренняя стрелкотня и обмен миномётными выстрелами стихли часам к одиннадцати. Хочется спать и есть. Да, хочется принять горячую ванну и завалиться под титьки (или на титьки) любимой женщины.

22 июля, вечер

Если в Пасти Дракона жарко, то в его кишках довольно-таки холодно. Об этом не сказывают в сказках и былинах, не поют в балладах. Молчат об этом легенды.

Там холодно и темно. Пахнет отвратительно не только испражнениями самого Дракона, но и отходами жизнедеятельности доблестных воинов.

В Кишки Дракона не пробиваются солнечные лучи, воздух спёртый. Там не растут яблоки и груши, виноград и крыжовник, малина и смородина, как на базе, откуда доблестные воины выходят побеждать Дракона.

23 июля, вечер

Этот мир напоминает декорации к фильмам про постапокалипсис.

Бетонные и железные трубы, арматура, торчащая из разломленной, будто шоколадка, плиты, консервные банки, пустые бутылки из-под воды, разложенные боеприпасы, мины, шмели, эрпэгэшки, солдатские рюкзаки и люди с кровоточащих оскалом, несмешными шутками, уставшие, измождённые, злые.

В фильмах бывают женщины. Тут женщин нет, и это придаёт здешнему миру гибельную незавершённость. Но было бы странным видеть женщин среди местных руин, загаженных войной, обсиженных мухами и обгрызенных мышами.

С едой проблем нет. Зетовцы готовят по три раза на дню и передают нам горячее. Принесли конфет и шоколадок. Сигарет у меня с собой много.

Влажными салфетками протираю лицо. Есть беспокойство за глаза. Такая грязь не пойдёт им на пользу.

Давинчи с Малышом метрах в двадцати пяти от меня. Видел парней за сутки один раз. Не наползаешься друг к другу.

Я сижу с Савой. Сава утомляет. Всё время бормочет про Аллаха и про то, что всё будет хорошо. Когда постоянно слышишь реплику о том, что всё будет хорошо, вера в благоприятный исход замыливается.

Ноги отекают. Спину ломит. Представляю, что будет через пару недель и как тяжело будем выходить.

23 июля, вечер

— Столько времени на войне и до сих пор не убил ни одного хохла? — возмущается Сава.

— Не люблю таких вопросов. Спроси меня лучше, скольких я защитил.

— Скольких?

— Вернёшься домой, загугли численность населения нашей страны и умножь на два. Это будет ответом на вопрос.

— Почему на два?

— Исхожу из принципа: чем больше, тем лучше.

Смеюсь.

23 июля, почти ночь

Надвигается сильный ливень с грозой. Пользуясь ножом и пустой консервной банкой, поставили плотину, чтобы ночью нашу лёжку не смыло водой.

Наковыряли глину, песок, битые кирпичи. Час проливного дождя удержит. Будет идти дольше, поплывём, и лежать придётся в воде.

Бабах, бабах, бабах... Это наши лупят по нацикам. Ответки пока нет.

Недалеко от позиции Давинчи и Малыша прилетало с утра. Осколки встретились с бетонными плитами и осыпались, никого не задев.

Темнеет быстро. Вонь ужасная.

23–24 июля, глубокая ночь

Дождя не было. Были две птички и вражеские миномёты. Работали по нам. 12–15 взрывов. Изрыли весь квадрат. Попали по нашей крышке гроба. Крышка выдержала.

Сава натянул шлемак, сидел и молился своему Богу. Я уже был в шлемаке. Тоже сказал: «Господи, помилуй!» Несколько раз. И перекрестился. Биение сердца не участилось. Приходится делать вид, что я боюсь, как все, иначе примут за сумасшедшего.

После первого круга Летучий сказал, что ему войны не хватило. Пусть приезжает на второй круг к нам. Тут войны хоть попой кушай. Хватит на всех.

Через час после миномётов Сава отрубился. Храпел так, что все укропы разбежались. Смеюсь. Пришлось разбудить его и попросить сменить меня на посту. Теперь моя очередь храпом пугать укропов.

Растянулся на своей подстилке и первое, что услышал от Савы, было:

— Дыши тише!

24 июля, девять утра

Всего трое суток прошло, а раздражение от присутствующих рядом зашкаливает. Подбешиваем друг друга. Хочется матюкнуться.

Сава не даёт отдохнуть, сидит ворчит ночь напролёт, будит, ноет. Невыносимо.

Терпеть свою боль — ещё куда ни шло, но терпеть чужое нытьё — терпения не хватает. Кругом взрывы, стрелкотня, а тут сидит нытик и пересказывает свои болячки.

Не выношу ноющих парней. Ноющие девчата вызывают жалость (низкое чувство, кстати, мало имеющее отношение к любви), а ноющие парни — брезгливость. До тошноты.

24 июля, ближе к вечеру

Шёл первый круг. Зацепились словами с Летучим. Он тащил обязанности замкомвзвода. Тему уже не помню.

По-моему, дело касалось организации караула: как нужно вести себя в разных ситуациях (приезжающие машины, нападение, ДРГ и проч.).

Зацепились конкретно. Летучий обозвал меня провокатором и паникёром. Тут же был отправлен в персональное путешествие. Дело чуть до драки не дошло. Последним его аргументом была реплика:

— Ты не пойдёшь на боевое! Я тебе даже патроны подтаскивать не доверю!

Детский сад, в общем. Парни растащили. После того случая разговаривал с Пионером. Он сказал, дескать, мы бережём тебя, поэтому не пускаем на боевые. Нас много, а ты такой один. Воспринял как унижение. Хотел быть как все. Наверное, поэтому никому сейчас — на втором круге — ничего о себе не рассказываю, чтобы не выделяться.

Еда заканчивается. У зетовцев тоже. Наш рюкзак с едой, который остался у Седого, находится в жёлтой зоне. Чтобы дойти до неё, нужно пробежать метров 350–400 по красной, которую контролируют нацистские миномёты и снайперы. 350–400 метров бегом (гуськом) под огнём за едой. Туда и с рюкзаком обратно. Также гуськом. Бегом. Туда и с рюкзаком обратно. Туда и обратно.

Парни кричат, что на такое только Огогош способен. Он ни на что не жалуется. Остальные с больными ногами.

Кто пойдёт? Самый молодой и самый глупый, то есть самый старый и самый умный. Огогош! Вот и стал я крайним, обычным, простым: таким бойцом, которого можно послать на верную смерть за батоном колбасы и банкой тушёнки.

Ну что, Дмитрий Юрьевич, утешил своё самолюбие? Теперь твоя душенька довольна? Да, Господи, прости и помилуй раба Твоего грешного...

25 июля, раннее утро

Мозг отмораживается. С трудом строю фразы, поэтому меньше и меньше пишу. Заставляю себя, чтобы не деградировать и сознание оставалось чистым.

На привале со сном выполз из землянки. Час ночи. Лесополоса подстрижена огнём. Торчат обожжённые стволы деревьев, трупный запах забивает нос, а небо чистое-чистое. Звёздная россыпь. Мощное бесстрашное небо.

Смотришь на него, любишься и вдруг замечаешь, что звезда, которая висит низко, начинает двигаться. Слышишь неприятный звук, похожий на жужжание навозной мухи или гигантского комара. Птичка.

Страх нет, есть осознание ничтожности человека перед небом, несущим успокоение для глаз и смерть. В землянку не пошёл прятаться. Лежал на двух — сложенных вместе — брёвнах и смотрел на небо. Редкое умиротворение.

Часто пишу о том, что страха нет. Видимо, это беспокоит меня. Хорошо бы щёлкнуть пальцем — и р-р-раз! — я всего боюсь! Страх бережёт, охраняет, не позволяет совершать глупости.

25 июля, день

Сава сменил. Уполз подальше, чтобы вздремнуть часок-другой. С головой в спальник. Лежу, мечтаю, ловлю сон. Два прилёта по крышке гроба. Бабах, бабах... Открываю глаза — темнота. Пошевелил пальцами рук и ног. В порядке. Только темно, ничего не видно.

Думаю, Саву завалило, надо ползти откапывать. А потом вспоминаю, что я в спальнике, поэтому темно. Вытаскиваю голову, смотрю, Сава надо мной стоит и протягивает кусок колбасы с печенькой (забыл, как называется, галета, что ли).

— Тебя, — говорит, — подкармливать надо!

Беру, киваю, ем. Сава продолжает:

— Иглу подранило...

Игла — молодой парень, зетовец. Неусидчивый. Всё время где-то носится. Лазают по разбомбленным блиндажам, собирают автоматы, пулемёты, гранаты, мины. У него на нуле уже целый арсенал. Недавно забегал к нам. Кивнул на одноразовые тарелки.

— Это я, — говорит, — принёс. Тарелки, ложки. Удобно принимать пищу? Я тут всё изучил, везде был, всё знаю. Меня осколками несколько раз задевало. Я не обращаюсь к медикам. Расковыриваю болячки, чтобы гной выходил. Вот...

Игла задрал футболку и повернулся спиной показать болячки. Спина в чёрных точках величиной с пятаки.

Закурил, пока слушал Саву. Мимо нас провели парня с перевязанной головой и рукой. В крови. На Иглу не похож. Кто-то другой.

— Кто? — спросил у Савы.

— Наш. Ноги.

Позывной Камень. За несколько минут до прилёта приносил воду. Раньше бегал без брони. Первый раз надел и затрёхотило. Ноги. Ногами здесь называют парней, которые переправляют через красную зону бойцов, а также приносят еду и воду. Они хорошо ориентируются на местности, выносливые, зоркие и быстрые. Бегают без касок, оружия и брони. Расчёт на скорость.

Слышу по рации. Вызывают эвакуационную группу. Идти может сам, но задета голова и глаз. Зарылся в спальник. У меня ещё есть час на сон.

26 июля, день

Без происшествий. Привычная стрелкотня, танчики, птички.

На последнем полигоне инструктор, узнав, что я вышел на второй круг, спросил:

— Ты Рэмбо или тот, который боится, но делает?

Рэмбами называют богатых на язык парней. Они рассказывают истории о том, как легко расправятся с врагом, как только увидят его. На словах Рэмбы способны дуло танка в узел завязать. Как правило, у них дорогая форма, на автоматах примочки (коллиматор, подствольник, лихой ремень), красивый броник, модная каска, на ногах крутые берцы. Рэмбы часто звонят своим женщинам и гордо рассказывают о том, какие они бесстрашные воины. Любят фотографироваться. На деле при первой же опасности прячутся в дальних окопах, носа не показывают, от штурмов косят, на посту спят или сидят в телефоне. К этой категории солдат я точно не имею никакого отношения.

Парни, которые боятся, но делают свою работу, — это, на мой взгляд, цвет русского воинства. Они гордые, вспыльчивые (и в то же время спокойные), аккуратные, молчаливые. Открываются только тем, кому полностью доверяют. Страх или детский испуг, который можно (иногда!) поймать во взгляде, спрятан где-то там, глубоко внутри. Цвет русского воинства не стесняется говорить о нём. Парни не отлынивают от работ, выполняют поставленные задачи, в бой идут первыми. При наличии страха я бы мог отнести себя к этой категории парней. Только нет его. Страх нет. Я не боюсь, стараюсь выполнять поставленные задачи, но мне физически тяжело. Правда, я в этом никому не признаюсь. Гордыня не позволяет.

Услышав вопрос инструктора, глупо улыбнулся и ответил:

— Я тот, который боится...

26 июля, ждём обеда

Сава на карауле ночью не давал спать. Я храпел, он меня будил со словами «Птичек за храпом не слышно!». В конце концов выругался и пообещал разбить ему голову прикладом.

Прерывистый сон убивает. Можно урывками хоть десять часов спать, не выспишься. А вот пятичасового глубокого сна, чтобы восполнить жизненные силы, хватает.

Сава ещё немного поворчал, но больше меня не трогал. Сна всё равно не было. Утром встал разбитым. Пришёл Малыш. Сава ему начал жаловаться:

— Скажи, Малыш, надо же будить, если человек храпит?

— Все храпят.

— Но будить надо?

— Меня один раз... как его... разбудили, и я пообещал бросить гранату, если... как его... подобное... как его... повторится. Больше не будили...

— А как же птички?

— Да пофиг, они... как его... храп не слышат...

26 июля, после обеда

Малыш спустился к нам, попросил вскипятить воду и засыпать заваркой. «Чифирь, — говорит, — выпью». Воду и заварку принёс. Газ у них с Давинчи закончился. Я вскипятил кружку, засыпал заваркой, размещал патронном 5.45 и подал наверх Малышу. Сава, только что проснувшийся, увидел.

— Что это? — кричит.

— Парням чифирь сделал.

— Из нашего чая?

— Нет, чай у них свой.

— Из нашей воды?

— Вода у них своя. Газа только нет.

— Из нашего газа? Нельзя никому ничего давать. Вот завтра увидишь!

— Что увижу?

— Ты ничего не знаешь, как тут устроено?

— Не первый день на войне, Сава, и знаю, что если завтра у меня ничего не будет, то мне ничего не дадут. Но это не повод курвиться.

— Я попросил у них мёда, сказали, что нет, а я ведь видел, что Давинчи клал в рюкзак банку мёда! Мёда у них нет! Есть мёд, а ты им газ дал...

Парни на войне подсаживаются на чифирь и энергетики. Я почему-то ни то ни другое пить не могу. Не нравится. Баночку колы — с удовольствием, простой чай, кофе — люблю.

На первом круге порвал резиновые сапоги, которые нам выдавали на учебной базе. Ходить было не в чем. У казаха с позывным Гум была пара про запас. Он предложил мне взять сапоги, бросив реплику: «Будешь должен!» Я отказался, подумал, что лучше ходить по морозу босиком, чем в должниках. Да и не вязалась эта реплика с моим пониманием боевого братства.

Дней через десять пошли морозы. Стало туго. На нас были летние камуфляжи и вся та же резина на ногах. Попросил команду волонтёров прислать нам зимние берцы и тёплую одежду. Не прошло и недели, как наш взвод получил подарки. Поблагодарили все, кроме Гума. Он просто взял свой размер и ходил в нём. Тогда присланные подарки многим сохранили жизнь и здоровье.

Есть такая порода людей. Вроде хорошие, но с гнильцой. Во взводе шутили про Гума, дескать, казах без понтов — беспонтовый казах. Хорошо, когда кроме понтов есть в человеке ещё что-то. Но в казахе больше ничего не было. К сожалению.

Под конец контракта, на Восьмое марта, решил сфоткаться на память. Девчонкам в телеграм-канале себя показать красивого. Взял у Гума шеврон. Сам я шевроны никогда не покупал и не носил. Не люблю. Ходишь как ёлка под Новый год. Мне нравится строгое однообразие. На войне. В мирной жизни краски люблю. Девчонок ярких обожаю. А вот на войне тяготею к серости.

Сфоткался и забыл сразу отдать. Закрутился. На следующий день прибежал к нам в блиндаж Гум и устроил истерику, что Огогош его не уважает, потому что не отдаёт шеврон. Это выглядело настолько низко и кошмарно, что я чуть ли не потерял веру в людей на войне. Да, веру в то самое сакраментальное боевое братство.

Сава сделал себе чифирь. Предложил мне. Я выпил пару глотков за компанию. Гадость, конечно.

27 июля, полдень

С утра постреляли, поймали тишину и пару прилётов. Нацики рыхлят нашу тропу.

Сава проявил верх чести и благородства. Угощал зетовцев кофеом со сгущёнкой. Кофе и сгущёнку сами зетовцы нам принесли пару дней назад. Хорошие парни. Подкидывают шоколад и прочие прелести для желудка.

Судя по тому, как часто бегаю с пакетиком, чтобы справиться естественную нужду, ем слишком много, но мне кажется, что я почти ничего не ем.

Игла мелькал. Подраненный. С парой новых дырок. Неугомонный. Говорит быстро, тараторкой, что-то рассказывает и снова исчезает. Ругается, как черт.

Малыш с Давинчи ползали смотреть, где лежат тела наших бойцов, оставшихся на поле боя после штурма. Надо выносить.

Когда братья вернулись, выпили вместе кофе, поговорили о женщинах. Здесь почему-то редко говорят о женщинах. Война отнимает много сил.

Малыш спросил у Савы: «Какие женщины лучше: ингушки или чеченки?» Сава сказал, что лучше осетинки, потому что полностью выжимают. Малыш засмеялся. Говорит: «Я не про это, про красоту. Какие красивее?» Сава ответил, что все красивые.

Нашли с Савой пару автоматов. Почистили, привели в боеготовность. Простая жизнь простых солдат.

Хочется выжить. Сегодня поймал себя на мысли, что хочется выжить. Как это будет здорово, если я выживу!

27 июля, к вечеру

Повербанк так себе. Механическую ручку заколебёшься крутить, чтобы зарядить. Солнца мало. Ловишь луч, он быстро уходит. За полдня на пять процентов зарядил. Ладно, и это хлеб.

Телефон стараюсь не включать. Только если захочется с самим собой поговорить. Мне не хватает собеседника здесь. Равного себе. Равным себе могу быть только я. Вот и разговариваю сам с собой.

Один из симптомов шизофрении. Но есть нюанс. Шизофреники разговаривают сами с собой вслух. Я разговариваю сам с собой про себя. Чтобы никто не слышал. Значит, я всё ещё психически здоров. Но и здесь есть нюанс. Ха-ха-ха.

27 июля, вечер

На промзоне нашёл томик стихотворений Блока в жёлтой обложке. Даст Бог вернуться с боевого, почитаю. Со скуки по стихам. На первый круг брал с собой книжки

Долгаревой и Тепловой. На второй круг решил ничего не брать. Душа требовала отстраниться от литературного процесса, забыть на время о существовании поэзии, чтобы перестать смотреть на окружающее пространство через призму высоких нравственных идеалов. Меня пугало, что я во всём видел прекрасное. Даже в ужасающем хаосе войны мне виделись не разруха, не гибель, а перерождение, обновление. Романтичная натура и мальчишество способствовали тому. А мне хотелось реальной жизни. Снять наконец-таки розовые очки и увидеть собственными глазами происходящее. Собственными, живыми. Но вот в чём загвоздка. Отстранившись от поэзии, отбросив в сторону розовые очки, я так и не увидел того ужаса, о котором говорят напуганные войной люди. Мне нравится быть здесь. Чувствую себя нужным. Будто лечу со снежной горы на санках. Дух захватывает. Ветер бьёт в лицо. Сердце колотится от восторга. Вернусь, обязательно перечитаю Блока. Блок великий. Есть промысел Божий, что я нашёл книжку с его стихами. Открою наугад. Забавно будет прочитать первое попавшееся стихотворение. О чём будет оно? О чём? Хорошо бы о любви. Мне жутко не хватает любви.

28 июля, десять утра

Льёт дождь. Миномётный обстрел сменили грозовые раскаты. Вспышки молнии пробиваются сквозь щели. Порвёт нашу плотину, поплывём.

Сава и Давинчи с утра спорили, кто из них больше командир, притом что никто из них командиром быть не хочет. Мне проще, я в железной маске простого солдата. Никогда не любил любого проявления власти. Власть обременяет. В ней отсутствие свободы. А я всё-таки до мозга костей свободолюбивый человек.

Нахождение в обществе предполагает выстраивание иерархии. Борьбу за власть. Скорее всего, отсюда берут начало корни моей интровертности. Одиночка по природе не борется за власть или с нею. Он сам себе хозяин и слуга. Сам себе раб и рабовладелец.

Заканчиваются газ и бензин. Вернее, закончились. Рации потихонечку отмирают одна за другой. Солнца нет. Телефон не подзарядить. Будет сложно, если исчезнет возможность что-то записывать. Это последнее пристанище, которое помогает выжить.

На первом круге, когда было тяжело и парни начинали поднывать, цитировал вслух присягу: «С достоинством переносить тяготы и лишения воинской службы...» Это разряжало атмосферу. В ответ на цитату слышался смех.

Сейчас настолько велики тяготы и лишения, что никакого достоинства не хватит. Будет звучать как издевательство. Поэтому вслух не произношу. Повторяю про себя. Пользуюсь как личным (понятым только мне одному) заклинанием.

Сигареты есть. На неделю хватит. Внутренне спокоен.

28 июля, день

Дождь накрапывает. Платина держится. Шесть прилётов. РПГ. По тропе. Хохлы отрабатывают свои тридцать серебряников. Мы держимся. Держались и будем держаться. Не посрамим Отечества.

28 июля, полпятого

На секунду подумал, что война закончилась, и... снова началось. Это никогда не закончится. Войну надо принять, как неизменного спутника, с которым идёшь по жизни, теряя друзей, руки, ноги и, наконец, голову. Смирение и принятие — верные союзники.

28 июля, девять вечера

Плотина дала трещину, но мы успели перебраться чуть выше и немного спустить собравшуюся воду. Попускать кораблики, как в детстве. Чуть выше — больше комаров.

Дождь перестаёт. Не факт, что снова не начнётся. О сводках Гидрометцентра можно мечтать.

День относительно тихий. Работали РПГ с нашей стороны (зетовцы пускали), и то же самое со стороны нациков. «Ноги» принесли воду, бензин, газ. Могли обойтись и без таких подарков.

Пока есть сигареты, живётся достаточно легко в любых условиях. Когда сигареты закончатся, будем пытаться жить так же легко, чего бы нам это ни стоило.

Уже неделю в Кишках Дракона. Терпимо. Работаем.

Информационный голод смущает. Но я начинаю привыкать к нему. Уже месяц не знаю, что происходит в мире. На войне в том числе. Ограничен местом дислокации.

Знаю только то, что происходит у нас. У нас переменчивая движуха. Ощутимых побед и поражений нет. Хотя... неделю толком не знаю, что творится на базе. Мы на задании. Оторваны полностью. Рации для работы. Не спросишь: «Как там у вас дела, парни?»

Переживаю за новых друзей. Как они? Всё ли в порядке? Часто вспоминаю парней из первого круга. Особенно тех, кто нашёл в себе силы выйти на второй. Есть о чём думать. Поэтому скучать не приходится.

29 июля, тёмная ночь

Хохол, тикай! Отныне места тебе не будет на земле русской!

29 июля, утро относительное

Выглядывает солнце. Надеюсь, успеем подсушиться. Вторая ночь в луже мало вдохновляет.

За неделю, пока лазили по Кишкам Дракона, отросли ногти. Стали женского размера. Не ломаются. С кальцием, значит, у меня всё хорошо.

Сава просит по ночам дежурить с ним вместе. Но когда проходит его смена и наступает моя, жалуется на плохое самочувствие и сваливает. Во всём остальном — заботливый напарник. Чай сделает, воду принесёт, шоколад раздобудет. Ведёт себя как истинный брат. Правда, помогает со словами: «Живёшь ты с моей помощью по-королевски!» При этом лучший кусок себе оставляет. Вчера назвал его хитрым ингушем.

— Нет, — возмутился Сава, — я не хитрый, я — добрый и заботливый! Тебе самое вкусное остаётся!

По гороскопу он близнец. Прямо как мой родной брат. В манере поведения есть что-то общее. Постоянная игра в жертву.

Давинчи предложил сходить с ним вместе за погибшим бойцом. Опасности нет, боец получил ранение в бок и смог спуститься в коммуникационную трубу, которая защищает от снайперов и миномётов. Дойти не сложно. Но я отказался. Ноги от слабости дрожат. Не хочется быть обузой. Надо немного оправиться после сна в луже. Давинчи пойдёт с зетовцами.

Закидываю записи в телегу. Без отправки, потому что сети нет. Думал, сеть появится и записи уйдут. Сейчас глянул, оказывается, не все записи сохраняются. Хорошо, что я дублировал на телефоне в ворде и нумеровал. Даст Бог выжить, почитаю, что я тут понаписал.

29 июля, вечер, начало девятого

Приходится быть мастером на все руки, понимая, что руки не из того места растут. Делать вид, что всё умею, у меня неплохо получается.

Солдатской труд тяжёлый, не говорю о том, что опасный. Это и так понятно. Мало уметь нажимать пальцем на спусковой крючок. С такой мелочью любой справится. Надо уметь готовить, стирать, штопать. Мало разбираться в минах, гранатах и пулемётах. Надо уметь водить и ремонтировать машины, в том числе хотя бы лёгкую бронетехнику. Мало попадать точно в цель. Надо ещё освоить медицину. Электроэнергия, водоснабжение — лежат на плечах простого солдата.

На войне нет специальных служб, которые занимаются обслуживанием бойцов. Боец обслуживает себя сам. Привезти, разгрузить, расставить. Из ничего сделать двухъярусные кровати, сложить печку, нарубить дров. Табурет, стол, рукомойник, навес, парус для сбора дождевой воды.

Вырыть окоп, блиндаж, лисью нору, накрыть брёвнами, хвойными ветками, присыпать землёй. Всё на плечах простого солдата.

Написал про дрова и вспомнил историю из первого круга.

Взяли нас шестерых солдат перевезти доски, так скажем, из одного места в другое.

Мы, новобранцы, только прибыли на базу, толком ничего не понимали. На дворе декабрь месяц. На нас летние камуфляжи, резиновые сапоги. Многие без перчаток.

Сели в КамАЗ. Ну, дело же пустяковое: бросить в машину доски, а потом выгрузить их. Неладное что-то почувствовали, когда нас на этом КамАЗе возили туда-сюда часа три, будто забыв, что мы сидим в кузове.

В конце концов остановили, высадили, показали количество досок и скомандовали погрузку. Плохо разбираюсь в кубах, но мы загрузили машину полностью. Доверху. До тента оставалось сантиметров тридцать. Нам скомандовали в машину.

Ругаясь на чём свет стоит, голодные, холодные, уставшие, полезли в машину, протискиваясь между досок и тентом. Легли штабелями. Так нас возили ещё пару часов. Наконец машина остановилась. Мы вылезли и начали разгружать.

У Исай случилась истерика. Представьте себе гигантского парня с сорок седьмым размером ноги, который терпел это издевательство, а потом не выдержал и чуть не прихлопнул кулаком по темечку старшего, того, который ездил с нами, хорошо устроившись в кабине. Тогда Исай сказал: «Я пришёл сюда хохлов уму-разуму учить (выразился он жёстче, естественно), а не доски грузить!»

Фразу подхватило солдатские радио, и уже через неделю я услышал, как её переиначили. Теперь из уст в уста передавалось так: «Разъярённый Исай кричал: “Я спецназовец, а не дровосек!”».

Такая вот история. К слову пришлось. Но больше всего в ней напрягало меня не то, что солдат за людей не считают, а то, что наша работа смахивала на мародёрство. Я тогда бросил реплику, дескать, бог с ними, с трудностями. Лишь бы не воровство и мародёрство. А такое на войне случается, чего греха таить.

Мне тогда ответили, что доски для блиндажей. Но что-то слабо верилось. Особенно после того, как водитель КамАЗа, чеченец, сказал нам, новобранцам, что на этой войне надо быть немного хитрым.

«Немного хитрые» — настоящее зло этой войны. Они хуже зачуханного хохла, которого притащили под дулом автомата на фронт и научили жать на спусковой крючок. Но о плохом не буду. Выговорюсь в другой раз. Слишком болезненная тема. Для меня.

Начал за здоровье, кончил за упокой. Смеюсь. Хотел восхититься солдатом, а получилось как-то не очень.

Ну да ладно. В общем, солдатский труд — тяжёлый. Вот о чём я хотел. Остальное лишнее.

30 июля, скоро полдень

Неожиданно тихое утро. Редкие прилёты и выходы нашей арты. Ласковое солнце. Непоседливый ветерок. Воскресенье.

Начинают возникать и буравить мозг мысли о возвращении на базу по Тропе ярости. Так называют узенькую тропинку, ведущую к жёлтой сравнительно безопасной зоне.

Сложный путь длиной в 350–400 метров. Можно многое отдать, лишь бы реже выходить на Тропу ярости под миномётный и пулемётный обстрел нацистских формирований.

Когда у меня спрашивают: «Как дела?» Отвечаю: «Как на войне...» Ответ забавляет спрашивающего, и его рот кривится в доброжелательной улыбке.

К слову «вернёмся» обязательно добавляется «даст Бог».

30 июля, за полдень

Зетовцы. Поджарые, жилистые парни. Беззубые улыбки, впавшие щеки. Выносливые, как волки, быстрые. Ростом ниже среднего. Дыхание хриплое. Многим на вид под шестьдесят, но скорее около сорока, сорока пяти.

Среди них Вологда — высокий, мясистый, молодой — кажется белой вороной, попавшей в чужую стаю. Но его неприкрыто уважают. Потому что «пашет». Растерянный, уставший взгляд. Лишь иногда скользит в глазах злоба.

Увидел мышь. Бросил в неё камешком. Мышь не отреагировала. Второй, третий камень. Мышь занимается своими делами.

— Дрянь контуженная, — заключает Вологда, спрашивает у меня повербанк и, взяв его, уползает к генератору, чтобы поставить на зарядку.

Вологда отвечает за электроэнергию и еду. Местный повар, сославшись на температуру, запятисотился на базу. Вологда, ни слова не говоря, взял на себя его обязанности.

Вернулся с рюкзаком.

— Его хозяин, — кивнул на рюкзак, — погиб.

На рюкзаке выведено «Монолит». Рюкзак нашего подразделения. Нам такие выдавали на первой учебной базе. Тут же припоминаю рослого широкогрудого красавца с позывным Монолит. Он ушёл с учебной базы дней на 10–12 раньше меня.

Запомнились его блаженные глаза. В курилке наши взгляды случайно пересеклись. Больше ничего о нём не знаю. Близко не общались.

30 июля, вечер

Чтобы парни меньше ныли, говорю, что зимой было сложнее. Рассказываю. По моим рассказам кажется, что действительно было сложнее. Жути нагнать умею.

Кассетные прилетели. Только что. Бабахнуло по крышке гроба отменно. Забыл, о чём хотел написать.

31 июля, утро

Десять дней ползаем по Кишкам Дракона. Жизнь на карачках. Найти бы подушку для нытья, чтобы выплакаться. Не то место. Здесь такого днём с огнём не найти. Дня нет. Огня тоже. В груди что-то теплится? Теплится. Это худое, ни на что не годное сердце, нужное только мне.

Начинаем пованивать. Почистил зубы щёткой без воды и пасты. Вода с песком. Пройдётся по зубам, как наждачной бумагой. Сменил носки. Ногам легче, но не настолько, чтобы радоваться. Усталость дикая. Сигареты заканчиваются. Всё. Стоп. Поныл и будя.

31 июля, всё ещё утро

Сава растянулся на подстилке. Лежит, молится своему Богу. Мышь залезла к нему на грудь, сидит, умывается, лапками морду трёт. Сава выпучил глаза:

— Я живой, живой, а она уже пришла!

В Саве непонятно каким образом сочетаются трусость и отвага, жестокость и доброта душевная. Выплакал с утра пораньше мне в ухо:

— У меня сейчас ближе тебя никого нет!

— Крепись, брат Сава, Бог даст, ненадолго.

31 июля, отобедали-с

Хохлы собираются устроить движуху в нашем квадрате. Спокойно готовимся. Почистили автоматы, проверили магазины, протёрли каждый патрон. Разложили запасные магазины по огневым точкам, плюс ящики с дополнительным БК. Просмотрели готовность РПГ, «морковок». Перебрали гранаты, вставили запалы. Смахнули пыль с пулемёта. Зарядили. Подготовили ленты. Пообедали. Вологда вкусный суп смастерил. Жить можно.

31 июля, ночь

Задача выполнена. Можно было бы назад выдвигаться. Но обещают недельный хохлосрач, поэтому, скорее

всего, будем всё это время здесь торчать, чтобы участок не оголять.

В целом терпимо. Человек привыкает ко всему. Проверено. На личном опыте.

Удалось адаптироваться за первые пять дней. Потом жил по накатанной. Скучать не приходилось. Сейчас движухи будет поменьше, пока хохлы не пойдут. Встали на режим ожидания.

Мало информации. Её практически нет. Это осложняет. Не критически, конечно.

Попросили передать с «ногами» таблетки. Спазмалгон, если не ошибаюсь. Мышцы забиты. Бежать не сможем. А бежать нужно будет.

Последние дня три мало стреляют. Меньше, чем поначалу. Взрывы редкие. Привык, наверное, вот и не замечаю. Замечаю, только если совсем рядом ложатся. Рядом — два-три снаряда в день. Не больше.

Привык настолько, что организм расслабился и прошлой ночью снилась женщина. Сны с женщинами люблю. Чувствую себя здоровым и молодым парнем. Да-да, «называйте меня Огогош, потому что ещё о-го-го я!». Смеюсь. Звонко.

1 августа, приятное утро

Нашёл место, где можно безопасно распрямиться. Встал под робкий луч солнца. Пар изо рта идёт. Стою, пуская колечки, щелкаю челюстью.

Так в детстве: стащишь у взрослых сигарету, неуемло прикуришь и пускаешь дым, пытаешься нарисовать кружочек.

Сделал зарядку. Размял суставы. Поскрипел. Вернулся к Саве чай пить и слушать его ворчание. Пока тихо, дышишь полной грудью, не сдерживаясь.

1 августа, полдень

Унылое однообразие. Стрельбы почти нет. Тишина начинает напрягать. Думаешь, что затишье перед бурей, поэтому не можешь расслабиться. Сидишь сжатым в кулак.

На базе, когда стоял в карауле, ко мне подошёл местный калдырь с бутылкой, видимо, самогона. Бутылка без наклейки. Жидкость мутная, в белизну.

— Выпей, — говорит.

— Отойди от меня на три метра, — отвечаю.

Он настаивает:

— Выпей, выпей!

— Не пью.

— Парней угости!

— Непьющие парни... Отойди на три метра!

— Ну пожалуйста, выпей!

— Быстро ушёл, — перещёлкнул затвором.

Калдырь отскочил, упал на колени, поднял руки вверх, крепко сжимая бутылку, и заголосил:

— Слава России!

Потом встал и, еле волоча ноги, ретировался.

Никакой славы у России нет. Слава прошлого только. Сейчас мы тупим и не понимаем, что происходит вокруг. Говорю «мы», подразумевая себя.

В мирной жизни мне нравится тишина. Выползешь из своей норы на свет Божий, поскандалишь, а потом опять спрячешься и ловишь тишину. Долго-долго. Звенящую тишину. Здесь, если тишина затягивается, становится не по себе. Неуютно от медленно ползущей тишины, обволакивающей, туманящей разум.

1 августа, за полдень

Стоило произнести, что тишина задолбала, так началось. Огнище. Чуть глушануло. Земля ходуном ходит.

Сава ворчит, ругается, молится, а меня смех разбирает. Дебильная реакция.

2 августа, начало десятого вечера

Насыщенные сутки. Времени не было записывать.

Вчера вечером птичка сбросила яичко. Попала в бетонную плиту, которая прикрывала меня. Взрыв в полутора-двух метрах. Самого взрыва не слышал. Оглушило. Сначала увидел падающее яйцо, потом вспышку и после неё дым. Сава был позади. За долю секунды он отскочил метров на пять. Меня осыпало бетонной стружкой. Осколки прошли мимо. Боженька отвёл от меня беду. В ушах только до сих пор позванивает.

После прилётов грянул раскатистый гром. Вспышки молнии и проливной дождь. Бомбёжка прекратилась.

Ночью сообщили по радиации, что будут выводить команду. Под утро вышли. Перед дорогой съел таблетку пенталгина. Тело болело, а путь неблизкий. Таблетка помогла не чувствовать боль. Но дышалка у меня всё равно никакая. До хрипа. С горем пополам добежали. Ни единого выстрела. Спасибо дождю. Правда, по шею в грязи.

Прошли километра три, наверное, и остановились на отдых в заброшенном блиндаже. Вылезло солнце. Немного подсушили одежду. Эвакуационная машина боится близко подъезжать, после случая с Танцором. Ждали команду на выход к трассе. Часам к шести вечера сообщили, что можно выходить. Пешком три-четыре километра. Зелёная зона. Шли спокойно.

У ближайшего блокпоста нас подхватила эвакуационная машина и через минут пятнадцать-двадцать были уже на базе, у себя в домике.

Скинули одежду и пошли в баню. У нас на базе есть баня с парилкой. Одно удовольствие. Долго там не сидел,

потому что уставший. Но грязь с себя соскоблил, всю без остатка. Довольный, дальше некуда.

Вернувшись в домик, замочил одежду. Завтра с утра встану и стираю.

Настроение отличное. Я справился. Голову несколько раз отрубало, боялся сломаться. Физически мне тяжело. Очень. Правда, я об этом никому не говорю.

Спать!

3 августа, около девяти утра

Постирался. Купил берцы, перчатки. Месяц без перчаток проходил. Руки изуродовал. Уходя, покупал себе без пальцев. Когда приехали туда, куда приехали, отдал Костеку. Он уходил в первых рядах на Драконе. Своих у него не было.

Сава ещё стирается. Малыш и Давинчи пошли в магазин.

Как ни странно, утром тело не болело. Видимо, баня хорошо кости пропарила. Надо что-то с дыхалкой делать. Задыхаюсь. С проблемой боли помогают справиться таблетки. А что делать с дыхалкой, не знаю. Курить бросать желания нет. Бросить могу, по щелчку. Желания нет. Последнее удовольствие. Потому что.

Хочу газировку.

3 августа, около десяти утра

Открыл томик Александра Блока на стихотворении «Ну что же? Устало заломлены слабые руки...» О любви, о жизни и смерти. О вечности. Обо мне. Обо всех. О нас.

3 августа, утро

Ярус привёз воды. Нам первым. Заполнил все ёмкости. Он теперь водовозом работает на базе. Ему три недели

осталось до конца контракта. Нервного тика не заметил. Заходил Седой. Его в другую команду определили.

Здорово, когда тебя встречают на базе, как будто ты прошёл мыслимые и немыслимые круги ада. Парни знают, что такое БЗ. Встречают с радостью, что живые. Печалются, если кого-то двухсотит или трёхсотит. Трёхсотит — не очень печалются. Ну, если ранение так себе. Наоборот, завидуют, что боец отдохнёт в госпитале.

На базе отдыхать не дают даже после БЗ. Сразу в караул, в лес или на промзону. Денёк на стирку и магазины, а дальше — снова в путь — до седьмого пота. Покой нам только снится.

3 августа, в течение дня

— Привет, воин! — это Мартын увидел меня, идущего из магазина. — Как ты?

— Как на войне...

— Страшно было?

— Пипец как страшно! Писался и какался каждую секунду! Еле живым ноги унёс.

— Правда?

— Да! Руки до сих пор дрожат. И не только руки. Видишь, колени ходуном ходят, — говорю, делая пару танцевальных движений.

— Воин!

Мартын на Дракона не ходит. В комендачах отсиживается. От тюрьмы прячется или срок погашает. Точно не знаю. Всем говорит, что его по состоянию здоровья не пускают. Только он здоров как бык. На вид.

— Огогоша! — это Фома-два. Улыбается. — Рад тебя видеть живым и здоровым!

— Я тоже, — смеюсь.

— Ты, случайно, туалетной бумаги не купил? Меня поселили в дом с мусульманами. Бумаги не бывает.

— Купил два рулона.

— Дай один.

— Бери.

Увидел Сургута. Сургут боец, с нашего набора. Не помню, говорил о нём или нет. Мощный парень. Высокий, мускулистый, из работяг. Не красавец, но внешность приятная. Он до моего ухода берцы искал. Для БЗ. Я тогда пожалел и свои, купленные в Москве, не отдал. Они мне велики. Неудобными оказались.

На БЗ совесть меня заела. Самому ведь не нужны, а боевому товарищу не дал. Поэтому по возвращении первое, о чём заговорил с Сургутом, — берцы.

— Берцы нашёл себе?

— Нет, вот кеды купил, денег на большее нет.

— У меня на твою ногу как раз. Новые. Муха не совокуплялась!

Зашли ко мне во флигель. Сургут померил. Как раз.

— Сколько? — спрашивает.

— Это подарок. Облегчённые, ногу хорошо держат, подошва литая. Кожа крепкая.

— Скажи сколько, зп получу, отдам. Прямо крутые берцы! Нога в них хорошо сидит.

— Даст Бог вернёмся, счёт в ресторане оплатишь. Ок?

— Ок!

3 августа

Глянул некоторые записи. Публикую, не перечитывая. Т9 — подлец. Кто придумал его, тот желает смерти русскому языку. Если в слове ошибка, то смысл ещё можно уловить. Если над словом с ошибкой поработал Т9, то смыслу пиши пропало .

3 августа, к вечеру

Пока нас не было, в подразделении появились свои птичники. Опытные ребята. Не по первому кругу вышли. Как же, сцуко, медленно мы запрягаем!

Птичники должны были появиться полтора года назад по всей линии фронта. А мы всё строим крупногабаритную и дорогостоящую военную технику, которую потом на складах держим, боясь поцарапать.

Привели в порядок оружие, с которым бегали на Дракона. Запачкалось. Смеюсь. Продумали оборону своего участка на базе. От командования прошла инфа, что ДРГ рядом гуляет. Проспали на блокпостах.

Полистал свою телегу и ватсап. Там информация месячной давности. Разговоры, поцелуйчики, сердечки, дела какие-то... Вспомнил и подумал обо всех друзьях и об одной женщине особенно.

Бедненькая, она, наверное, плакает сейчас, беспокоясь за меня. Пока не могу выйти на связь, да и не хочу отвлекать себя, расслаблять. Закисну сразу. Тосковать начну. Думать не о том, о чём нужно думать.

Даст Бог вернуться, приеду и каждую слезинку поцелую.

4 августа, вторая половина дня

До часу дня занимались тактической медициной. Слышу курс, наверное, в сотый раз, и чем больше слышу, тем чаще туплю. Уже на второй учебной базе начал понимать.

Каждый инструктор толкует чуть по-своему, в результате путаешься, уходишь в себя и перестаёшь воспринимать (тем более усваивать) информацию.

Это как на курсах поваров. Один говорит, что нужно пять грамм соли, другой — шесть, третий — четыре, восьмой — двенадцать. Слушаешь, кладёшь по вкусу

и считаешь себя не способным к обучению, тупым поваром. Смеюсь.

Я никогда не был на курсах поваров! Но сравнение удачное, на мой отупевший взгляд. Смеюсь заливисто.

Отдохнуть после БЗ дали одни сутки. Хватило на то, чтобы постираться. Впереди снова полигон и БЗ. Дракон — зверь опасный, но мы его победим, и все принцессы мира будут нашими.

На занятиях по медицине назвали нас дерьмовыми (мягко сказать) штурмовиками. Выразились крепче. Не суть. Кто бы сомневался. Когда тебе полтос, то, как ни молодись, возраст берёт своё.

Выживаешь на внутренней силе, на упрямстве и гордости. Не гордыне, а гордости. Гордыня имеет разрушительную силу. Гордость — другое.

Гордость проявляется в терпении, в стойкости. В смирении. Гордость помогает не пасть духом, удержаться на ногах. Достоинно принять величие эпохи, даже если жернова происходящего перемалывают кости.

4 августа, вторая половина

Слабость. Руки трясутся. Не трясутся, дрожат. От слабости.

Малыш свалился с температурой.

Настроение скачет. От ровного, до упаднического. Жара. На меня жара плохо действует. Расклеиваюсь. Раздражаюсь на пустом месте. Пытаюсь спрятаться ото всех.

Придумываю себе дела, лишь бы уединиться и никого не видеть. Мой внутренний интроверт требует своего величественного одиночества, которого здесь нет. Никогда не бывает.

Просвета не вижу. Дыхание тяжёлое. Хочу есть, но есть ничего не могу.

Включил радио на телефоне. Послушать новости. Впервые за время отрыва от большой земли. Новости такие же, как были полтора месяца назад. То есть никакие.

4 августа, всё ещё вторая

Не ныть!

4 августа, вечер

На БЗ произошло нечто невероятное. Сразу хотел записать, но для начала решил переварить случившееся. Потому что это из разряда чудес, которых не бывает.

Заходили мы из полумрака в темноту после пробежки под пулемётным и миномётным обстрелом. Дыхание у меня закончилось. Казалось, ещё чуть-чуть — и сдохну, не принеся пользы Отечеству.

Запрыгнув в темноту, сел на бетонную плиту, положил рядом автомат и харкнул собравшейся у глотки мокротой. Парни, которых меняли, один за другим выскочили из темноты в полумрак — мы зашли, они вышли — и быстро исчезли из вида.

Отдышавшись, протянул правую руку к автомату. Его не было. На том месте, куда положил его, — рядом с собой, — его не было. Я пошарил левой рукой и наткнулся на чужой автомат.

«Понятно, — подумал, — кто-то из парней, которых меняли, прихватил мой автомат, а свой оставил мне. Вернусь на базу, разберёмся». Автомат был снят с предохранителя, а патрон загнан в ствол.

Я спокойно отстегнул магазин, перещёлкнул затвором. Пуля выскочила. Вставил её в магазин. Сделал пустой щелчок, поставил на предохранитель и присоединил магазин.

Две недели, пока выполняли поставленную задачу, думал о своём автомате. Где он, в чьих руках и как я его буду искать? Потеря личного оружия — сильнейшее нарушение.

Готовился ко всем небесным карам. Ругал себя, проклинал, ненавидел. Боже, я пережил переоценку себя! Я не был в те дни героем-добровольцем. Был законченным идиотом, который за автоматом уследить не может.

Когда выходили — из темноты в полумрак, произошла ещё более странная ситуация. Точно помню, что перед выходом проверил автомат. Он стоял на предохранителе. Из рук автомат не выпускал.

Я уверен, что в моих руках чужой автомат на предохранителе. Пробегаем красную зону, сбавляем ход ноги, я смотрю на автомат, а он снят с предохранителя. В моих руках чужой автомат, снятый с предохранителя. Начинаю подозревать, что сильно контузило. В голове одно, в реальности — другое.

Малыш кричит: «Я в темноте с кем-то поменялся автоматами! Выскочил с чужим...» Отвечаю: «Мой автомат прихватили парни, которых мы сменили, а сейчас я снова с кем-то поменялся автоматами. Я полный идиот и не понимаю, что происходит и как это происходит!»

Малыш посмотрел на автомат, который был у меня, и сказал, что это не его оружие, но он знает, что оно одного из зетовцев — поскольку подписано и на нём несколько зарубок.

Получалось, что у нас двоих чужие автоматы.

Малыш предложил обменяться. Я отдал ему тот, который был у меня, — зетовский, а он отдал мне свой, который по нашим предположениям был одного из парней, которые выскакивали из Кишки, когда мы заходили.

Пока сидели в блиндаже и ждали команды эвакуации, зетовцы принесли автомат Малыша, а свой забрали.

Давинчи спросил меня, как я теперь буду искать свой, зная, что он не подписан, дескать, номер помнишь? «Нет, — говорю, — номера не помню. Год 84-й и на ремне написано “Белый”, видимо, позывной бывшего владельца».

В голове моей крутилось нечто ужасное. Я думал, как и с какими словами буду подходить к командиру, чтобы доложить о случившемся и о том, что я полный идиот на букву «м», потому что прое... ну, понятно, потерял личное оружие.

«А где, — говорит Давинчи, — на ремне?» — «Вот здесь, — говорю, — на ремне, рядом с пряжкой». Снимаю с шеи автомат, показываю на пряжку и вижу надпись «Белый».

В этот момент я присел, потому что у меня в руках был мой автомат. Мой!

Казнь, суд и удар в челюсть от командира отменились в одну секунду. Настроение поднялось, вернулись силы. До эвакуационной машины я уже скакал на радостях вприпрыжку, а парни только удивлялись, откуда у меня столько нерастраченной энергии.

Явно ведь вмешалось божественное провидение.

5 августа, утро

Зимой было мучительно ждать парней, ушедших на Дракона. Сидели кружком, лузгали семечки, разговоры не шли. Одно переживание: как там наши? Летом ходим по кругу. Вернулся, чуть отдохнул — день-два — и начинается мучительное ожидание команды: «Твой выход, боец!»

5 августа, день

Подстригся.

Напряжённое состояние. Жара. Мысли не идут. Требуется абсолютная тишина.

5 августа, после ужина

Пошёл на ужин в таверну и встретил там Ахмеда. Редко туда хожу. Дома еда есть. А тут потянуло прям.

Иду, думаю, что месяц Ахмеда не видел. Соскучился. Он умеет заставить улыбнуться. Иду — и раз! Ахмед собственной персоной. Он вернулся от Дракона, когда я ушёл к нему. Поэтому не пересеклись. Наконец-то встретились. Обнялись по-братски. Сели ужинать.

Рассказал мне Ахмед о своих приключениях, посмеялись от души. Два раза, говорит, засыпало землёй, оба раза прощался с жизнью, но парни откапывали. То, как Ахмед рассказывает, надо слышать. Тонко, с юморком и простодушием. Всегда честен и открыт.

Ахмед немного похудел, но всё такой же боевой. Огонь!

6 августа, утро раннее

Вышел во двор. Курю, пью кофе. Проснулся Малыш. Сел рядом с книжкой. Книжка о загробной жизни. Открыл, читает. Переводит взгляд на меня:

— Мне нравится, что я начал читать. Это... как его... развивает мышление. Раньше... как его... читал взахлёб, а потом перестал. Сейчас уже третья или... как его... четвёртая книжка. Диалог ещё развивает.

Кивнул ему. Сколько сам книжек прочитал, а разговариваю с трудом. Бе да ме. Вслух фразы строить не умею. У меня разговоры в голове происходят. Я их редко озвучиваю.

— После последнего БЗ, — продолжил Малыш, — плохо отхожу. Тело... как его... ломит.

Снова кивнул в знак согласия. Я вчера начал приседаниями заниматься. Ноги подтянуть и дышалку привести в порядок. Пока не очень. После пятидесятого приседания задыхаюсь.

Утром и вечером хорошо себя чувствую. Жары нет. Днём превращаюсь в варёную муху. Солнце не радостно обжигает. Чистого воздуха мало. Дышать нечем.

Два дня назад ВОГом задело нашего снайпера. Эвакуация не понадобилась. Лёгкий. Осколки по ногам. Вроде сам выбрался, как мне сказали.

Для моей психофизики снайпером работать — самое то. Абсолютное одиночество. Быть незаметным — люблю больше всего на свете. Зрение подвело. Плохо вижу. Иначе пошёл бы в снайперы.

Зрение — моё слабое место. В детстве много читал. Испортил. Коммуналка. Семья в одной комнате. Ночью выключается свет, и спим. Когда спать не хотелось, брал фонарик, залезал под одеяло и читал. Был ещё случай, когда во дворе играли в хоккей и мне шайбой в глаз попало. Тоже сказало. Но я никому никогда не говорил, что плохо вижу.

После восьмого класса пошёл поступать в цирковое училище на отделение клоунады. Хотел стать клоуном. Таким, как Енгибаров. Или лучше. Тоньше и мощнее. Мне кажется, я был бы великим клоуном. Не взяли из-за проблем со зрением. Всему виной книжки или хоккей, в который играют настоящие мужчины. Смеюсь.

6 августа, после обеда

Малыш приготовил вкусный обед. Картошка, курица, морковь, лук, чеснок, щавель. Щавель с огорода.

Остальное куплено на солдатские гроши. В таверну солдаты не ходят. На мой взгляд, с ней глупая затея вышла. Одно дело приготовить еду на пять человек, а другое — на большое количество. Невозможно есть. Командиры, скорее всего, пытаются экономить. Пайки теперь не выдают. В результате солдаты питаются на свои.

С едой зимой было лучше, несмотря на то что, как нам говорили, Минобороны месяц не могло поставить нас на довольствие. Еду привозили постоянно. Хорошая тушёнка, конина, «ножки Буша» — были. Когда не хватало мяса, Калаш ходил на жирного зайца. Ош с Кочевником разделявали его и варили мясной супец.

Здесь зайцев нет. С мясом катастрофа. Для меня ситуация критична. Потому что по природе мясоед. Не могу жить (существовать) без мяса. Сладкого тоже мало. Единственное спасение — местные магазины и рынки. У кого есть деньги, будет сыт. Но деньги есть не у всех, потому что проблемы со связью. Интернета нет. Обналичить невозможно (возможно с трудом за 7–10 %), а рынок и магазины работают за наличные. Никак иначе.

Еда, одежда, экипировка — солдат покупает сам, при этом командиры помельче позволяют себе упрекать простого солдата в том, что он пришёл на войну срубить бабла. Верх невежества.

Никак не могу понять, почему нам выдают тяжелейшие каски или те, которые полегче, но времён Второй мировой, которые не держатся на голове и сползают на глаза, перекрывая обзор. Броня тяжёлая и неэффективная. Есть же лёгкая и прочная. Обувь ужасающая. Больные ноги у всех. Парни сами покупают ночники и теплаки. Сами!

Я не пишу о ситуации по всей линии фронта. Только о том, с чем сталкивался.

6 августа, к вечеру

Слушаю радио. Говорят о наших победах и потерях нацистов, дескать, взято такое-то количество опорников и уничтожена рота нацистов. Но сколько полегло наших парней за эти опорники и роту нацистов не говорят ни слова. Не понимаю. Я мало чего понимаю. Спрашиваю у Малыша:

— Почему так происходит?

— Не знаю. Я в госпитале после ранения давал подписку не говорить о наших потерях.

Он тоже не понимает. Это данность.

7 августа, утро

Вчера вечером думал, встану с утра, надену броню, возьму автомат и пробегусь, чтобы мышцы не застаивались.

На жаре нас никуда не водят (занятий на полигоне нет). Сидим по домам. За ноги переживаю. Могут не потянуть нагрузку «выхода». Поэтому занимаюсь приседаниями. В день по несколько подходов. Хотя бы так.

Утром встал — и тело ломит. Не до пробежки. Опять ограничился приседаниями. Стараюсь дисциплинировать себя. Но природная лень берёт своё.

7 августа, десять тридцать утра

Инстинкт самосохранения работает. Пересилил природную лень. Дал хорошую физическую нагрузку на тело. Принял холодный душ. Стало легко и спокойно.

Относительно спокойно. Мандраж есть. Боюсь не справиться с поставленными задачами. Мандраж не такой критичный. Тяжесть ответственности, не более того.

Бахает слишком близко к базе. Уши плохо воспринимают звук. Не могу разобрать — выход или заход. Прилёт, в смысле.

7 августа, после обеда

Поругался на таверну, и она тут же исправилась. Рутул — он заведует поварской частью — раздобыл где-то баранину. Сава пошёл ему помогать, и они на пару сварганили замечательный суп.

Второе брать не стал. Там сваявшаяся гречка, а дома Малыш, утратив веру в способности таверны, сделал ещё один обед. Места для него хватит. В моём узеньком животе.

7 августа, к ночи

Сверчки голосистые. Стрекочат во всё своё насекомье горло, радуются вечерней прохладе, зелёной траве, вкусной пище и тёплому дому.

Беззаботные. Не знают, что находятся вместе со мной на войне, где каждая секунда тишины ценится на вес золота. А может, и нет никаких сверчков? Это у меня в ушах стрекочет от пережитого и переживаемого.

Бовка и Жьяко на глаза не показываются. Давно. После возвращения не видел их. Свои дела у парней. некогда навещать меня.

Госпожа Ро так и осталась загадкой. Кто она? Чем занимается? Придумать могу. Но хочется немного всамделешнего, настоящего. Чтобы фантазии было от чего оттолкнуться.

8 августа, раннее утро

Уснуть долго не мог и проснулся рано. Сны странные снятся. Сумбурные, где всё перемешивается со всем. Утром тяжесть невероятная от них. Толковать невозможно, да и вряд ли перескажешь. Будто рассыпанная мозаика, пазлы от разных картинок. Не стыкуются между собой.

Сделал зарядку, разбудил тело. Парни потихоньку вылезают из своих нор. Хромающие, скрипящие. Двор наполняется стонами и вздохами. Мы не говорим о патриотизме, о чувстве Родины, о женщинах. Чаще о боли, которая здесь, как наваждение, преследует каждого.

Малыш с пробитыми ногами и животом, с вырезанными кишками. Тело усыпано ранами от осколков.

Контуженный Сава, который при каждом взрыве закрывает руками уши, потому что начинаются боли в голове. Колено перетянуто жгутом.

Молчаливый Давинчи никогда не говорит о том, как ему больно. Но глядя на него, легко представить демонов, грызущих его тело. Поначалу он был разговорчивее. Сейчас уходит в себя чаще.

Разговоры сводятся к работе. О том, как и что лучше приготовить на выход. Говорим о еде и сигаретах. Иногда о детях. С Давинчи. Сава и Малыш бездетные.

Литературы здесь нет. В том виде, в котором привыкли видеть её на большой земле. На страницах книг. Само существование здесь — это и есть литература. Её высшее проявление.

8 августа, 16:25

Солдатское радио принесло инфу о том, что Кубань просится назад, на основную базу, чтобы ходить на боевые.

На своём первом выходе он бросил оружие и отказался идти в Пасть к Дракону. Его отправляли на работы к автобату. Как раз там его видел, когда брал деньги для Китайца.

Радио говорит, что совесть замучила. Стыдно. Такое бывает. Мы не всегда знаем, как поведёт себя мозг в экстремальной ситуации. Отвага и горячее сердце вроде

у всех. Но происходит щелчок в голове — и может случиться всякое.

Ступор, отказывают ноги, сердце бешено колотится, дыхание сбивается так, что кажется, будто задыхаешься от недостатка воздуха. Трусостью вряд ли назовёшь. Мы не знаем себя, мы не знаем, как организм отреагирует на опасность.

Мы добровольцы. Не профессиональные бойцы с багажом в десяток войн, а простые люди, которые не смогли сидеть дома на диване, понимая, в какой опасности Отечество, будущее детей.

Мы вышли на войну с теми, кто торгует могилами наших предков.

9 августа, утро

Думаю о себе как о человеке, который находится дома и представляет себя солдатом, сидящим в окопе под миномётным обстрелом нацистов.

9 августа, всё ещё утро

Ровно неделю нам дали отдохнуть после похода на Дракона. Не дёргали на посты, работы и полигон. Нечто странное. Пугает. Были только занятия по тактической медицине.

Мы по большей части молчим. Редко разговариваем. Каждый в своих мыслях. Иногда перекинемся словом-двумя и опять погружаемся в себя. Внутри нас (меня — уж точно) ревёт море. Снаружи мы спокойные, слегка медлительные и ленивые.

Зарядку не делал. Общая атмосфера расслабила. Но я всё-таки найду силы хотя бы немного поприсесть, чтобы ноги не отмирали.

За ноги я меньше волнуюсь. Больше переживаю за дышалку. Что-то не то с лёгкими.

9 августа, к обеду

Правило трёх «нет» мешает высказываться о том, что происходит на нашем участке фронта. Нет, нет, нет. Жарко.

Сава сместил на кухне Рутула. Хитрый ингуш. Рутула перевели к нам. В команду пенсионеров, как пошутил Давинчи.

9 августа, после обеда

Чем сложнее ситуация на нашем участке фронта, тем проще темы, на которые пишу. Мои записи, скорее всего, тянут на триумф беззаботности и отвлечённости от войны. Но это кажущееся. В действительности я наполнен войной до краёв. Она опустошает меня. Хочет свалить, чтобы я безропотным агнцем пал на алтарь и сложил ручки. Меня просто так не возьмёшь. Ещё повоюю.

Сава приготовил в очередной раз отличное первое. На второе в очередной раз подал свалевшуюся гречку, которую никто не ест.

На обеде видел неунывающего дагестанца Костека. Жизнерадостные метр пятьдесят роста. На первой учебной базе он каждый день бегал по плацу в полном одиночестве. Над ним посмеивались. Сейчас он имеет право посмеяться над нами. Никому не хватает быстрых ног и крепкой дышалки.

Костек отметил, что я сильно похудел. Видел бы он меня осенью прошлого года. Восемьдесят пять кило живого веса. В нынешние дни не больше шестидесяти пяти.

Если в первый круг я скинул двенадцать кило, то за месяц второго к ним добавилось ещё столько же.

Костек, видимо, чтобы подбодрить меня, решил добавить к своей реплике то, что я в результате помолодел. Сам это чувствую. Глянул на себя в зеркало. Несмотря на впавшие щеки, морщины на лице разгладились. Лет пятнадцать минус. Вместе с ненужными килограммами. Добавилось бы вместо всего этого добра здоровье, я бы меньше переживал.

10 августа, раннее утро

У нас есть свой Ленин и свой Сталин. Парни с позывными. На первой учебной базе кто-то хотел назваться Путиным, но тамошние командиры позывной не одобрили.

Ленин и Сталин не похожи на своих прототипов. Если постараться, то можно, конечно, найти близкие, еле улавливаемые черты во внешности или свойстве характера. Если очень и очень постараться.

Ленин небольшого росточка. Худощавый, но жилистый. Движения быстрые. Глаз с надменной хитрецей. С удивлением смотрел на него, когда грузили тяжёлые снаряды. Ленин с лёгкостью поднимал их. Ни от каких работ не отлынивает. На Дракона пошёл в первых рядах. Обязателен, собран. Красноречия не хватает. Этим проигрывает реальному Ленину.

В первый день, когда только приехали на основную базу, Фома-два забыл свой автомат на летней кухне. Ленин так распереживался, что потом часа два чуть ли не слёзно просил боевого товарища лучше относиться к своему оружию: «Ну пожалуйста, не делай так больше, ну пожалуйста...»

Реальный Ленин блеснул бы ораторским искусством и выдал бы хорошо отточенную речь, услышав которую,

Фома-два никогда бы не выпустил из рук оружие. Он бы в обнимку с автоматом в баню бегал.

Сава жалуется на Сталина, что тот ходит и твердит одно и то же: «Надо на штурм, надо на штурм...» Сава не хочет на штурм. Они у нас по большей части без огневой поддержки и слишком сильно напоминают мясные. Да и пользы от них мало.

Берём опорник, и по нему начинают работать вражеские миномёты. Поэтому приходится оставлять забранные позиции, чтобы сохранить жизни. Закрепиться без больших потерь невозможно. У нациков свои опорники пристреляны. Даже если в одиночку зайдёшь и там будет с дюжины хохлов, то лучше не задерживаться. Нацикам всё равно, что в опорниках ещё есть немного своих. Они за одного русского с десятков хохлов могут положить. Известно ведь, до кого последнего воюем.

Хохлы закончатся, будем воевать до последнего поляка. Потом до последнего финна. А там, глядишь, страны Балтии подтянутся, и будем воевать до последнего прибалта. Война долгая. Дураков, которых бессовестный Запад гонит под русскую мясорубку, много.

Сава жалуется, Сталин не унимается. Реальный Сталин меньше бы уговаривал, а создал бы условия (политинтриги, кадровые перестановки, идеология) в подразделении, при которых сложно было бы не пойти на штурм.

Сталин среднего роста, взгляд цепкий. Собираемся на промзону. Я повесил за спину небольшой кожаный рюкзак, в который помещается бутылка воды и пара сникерсов. Специально брал с собой на войну. Для штурмов удобный. Не мешает. Сталин увидел рюкзак и тут же по-своему оценил: «Хорошая мародёрка!»

Мародёрками называют рюкзаки для мелких трофеев. Первый и единственный трофей, который решился

прихватить с собой, это книга стихотворений Блока. Больше я ни к чему в силу характера (не мной положено, не мной будет взято) никогда не притрагивался.

10 августа, три часа дня

Не выхожу из своего укромного убежища. Весь день. Флигель, как его называю, становится родным. Рассмотрел каждую трещинку на стене, каждую паутинку в углу, каждое пятнышко на потолке, оставленное просочившимся сквозь крышу дождём. Рацию выключил, чтобы суета военной жизни не проникала в моё жилище. Если вдруг понадобится, придут за мной. Иногда включаю радио. Слушаю, как по новостям наши доблестные берут один за другим опорники, вздыхаю. Выключаю и снова рассматриваю узоры жизни на стенах флигеля. Пытаюсь расслабиться. Не получается. Напряжение не спадает. Может, к лучшему. Расслабишься, и потом трудно будет собраться.

10 августа, вечер

На общем построении попросили замазать или стереть надписи на стенах в домах, если таковые оставляли. Ну, вроде таких: «Здесь был Вася, число, месяц, год».

Уделили особое внимание позывным. Ни в коем случае нигде. Понятия не имею, зачем такая предосторожность. Ладно, если чисто из порядочности, дескать, не надо гадить там, где живёте. Так ведь и не гадим. Везде порядок. Не для этого. Сделали акцент на позывных.

Я веду дневник в двух форматах. Закидываю в телегу и оставляю в облаке. Но пока сети нет, записи лежат в телефоне. Никуда не уходят. До конца срока службы (Боже милостивый, на тебя уповаю), если ничего такого

необычного не случится, то выставлять на всеобщее обозрение не планирую.

Во-первых, из чувства безопасности. Не только личной. Нашего подразделения в том числе. В записях может проскочить то, чего нельзя знать неприятелю. Пусть я стараюсь не писать лишнего, но лучше перебдеть.

Во-вторых, сети всё равно нет, и вряд ли она случится.

В-третьих... в-третьих, я пишу исключительно для себя. Это моя терапия. Мне так легче переносить «тяготы и лишения». Поэтому вообще не вижу смысла давать кому-то читать. Тут личное.

В телеге начал записывать потому, что там было привычнее, да и не додумался сразу, что на телефоне есть вордовский файл в облачной папке. Иногда подтормаживаю. Смеюсь.

11 августа, утро

Ночью сосед из мирняка выпил растворителя. Запой. Голосил, пока не рассвело. Утром Давинчи сказал, что выходим на Дракона. Вечером. Точка другая. Самое сердце поганого. Бежать ещё дальше.

Собрался. Менял линзы, дрожали руки. Один глаз нормально. Быстро получилось. Второй завозился. Не снял бывшую линзу и надел прямо на неё. Долго не понимал, почему плохо вижу. Снял, смотрю — две. Выдохнул. Старую выбросил, надел новую.

Кажется, испытываю страх.

11 августа, к полудню

Помкоменданта Бича говорит, что в Сердце Дракона, куда сегодня выходим, один двухсотый из молодых

с позывным на «с». Боже милостивый, спаси и сохрани. Только не Смайл! Он же совсем ребёнок!

11 августа, полдень

К смертельной опасности привыкнуть нельзя. Только кажется: чем дальше, тем проще. Думаешь, если организм с одним справился, то справится и с другим. Но это как спираль. Каждый новый круг сложнее предыдущего. Бросаться в пучину неизведанного легко, а вот делать шаг навстречу явной опасности... трудно. Мужество. Необходимо настоящее мужество. Сила и здоровье. Боженька милостивый, позволь совладать со всем.

11 августа, 15:30

Проливной дождь с грозой. Давинчи говорит, что надо сейчас идти. Можно проскочить без выстрела. Команды пока не было. Ждём. Машина близко не подвезёт.

Два варианта. Идти под дождём километров десять. Не идти, а плыть по грязи. Второй вариант: дойти до леса и ближайшего блиндажа. Переночевать и выдвинуться рывком на точку.

Оба варианта тяжёлые. В белом пальто не воюют. В любом случае выйдем по команде.

12 августа, полдень

Дождь не вовремя пролился. Размыл дороги. А когда вышли, прекратился. Двойное неудобство. Грязь и обстрел. Вышли вчетвером. Вместо Савы Рутул.

В начале пути думал, что сломаюсь. Дыхание подводило. В лесопосадке остановились у зетовцев. Вспотел сильно. По лицу струёй пот. Вытер его и случайно смахнул

линзу. Ослеп на один глаз. Запасные есть. Будет возможность, надену.

Зетовцы напоили нас кофеем, и будто второе дыхание открылось. С одним зетовцем (Фаза) махнулся касками на удачу. Он рассказал забавную историю про позывные.

— Один парень, — говорит Фаза, — назвался Нерпой. Я у него, — продолжает Фаза, — спрашиваю: «Тюлень?» Он отвечает: «Почему тюлень? Нерпа — это хищник по типу льва, пантеры, тигра!» «Понятно, — заключает Фаза, — тюлень...» Ухохотаться.

Посидели с зетовцами часок, отдышались и выдвинулись дальше. В последнем блиндаже посидели до утра и пошли на рывок. Я за два часа до рывка выпил по таблетке спазмалгона и пентальгина.

Пока шёл, опять задел палец на ноге о пенёк — шли в темноте. Грязь по колено. Канавы, воронки, поваленные деревья.

У Малыша отказали ноги. Он остановился посередине пути. До Сердца Дракона добежали втроём. Здесь наши. В том числе Китаец и Ленин. Парни полезли обниматься, увидев меня. Они крутые!

Смайл не на этом объекте. Бича что-то напутал. Да и не могу я поверить в то, что Смайл погиб. Здесь информации о нём нет. Узнаю по возвращении на базу. По всей видимости, в Сердце Дракона мы будем недели две.

По прибытии на точку сразу вышел на работу. Чуть отдышался — и вперёд.

13 августа, утро

Сутки на ногах. Днём наша арта и арта УкроРейха перекидывались снарядами. Над нами летало и свистело. Малопонятно, в какую сторону. Понимаешь по взрывам.

Если Сердце Дракона трясётся, значит, по нам. Если вдалеке бахает, значит, не по нам. По нам могут и наши беременными снарядами. Бывает.

Вечером мобики заметили нациков в ближайшей лесопосадке и передали по радиии. По тревоге заняли посты и огневые точки. Успел надеть линзу. Вроде обошлось.

Сердце Дракона — важный стратегический рубеж. Пока он под нами, Дракон не так буйствует.

Почувствовал недомогание. Под утро. Двое суток мокрый. Просушиться нет возможности.

Сегодня с утра подошло подкрепление.

Среди парней Костек, Прочерк и Сургут. Выпили чаю, поболтали, и сразу стало тепло и хорошо. Недомогание как рукой сняло.

13 августа, утро

Писать буду реже. Нет возможности заряжать телефон. А мы здесь надолго. Надо экономить заряд.

13 августа, около четырёх дня

Раньше здесь был повар, который из ничего делал вкусную пищу. Теперь повара нет. Еды тоже. Мы пришли с Рутулом. Он на базе на кухне работал какое-то время. Говорит: «Давайте приготовлю». «Ок», — отвечаю. Помыл ему посуду для готовки. Что только ни сделаешь, когда желудок скворчит. Рутул так себе готовит. Малыш лучше. Жаль, что он соскочил. Можно было бы рассчитывать на вкусную пищу. Теперь вряд ли, и всё же надеюсь.

13 августа, около пяти

Повар есть. Он спал. Долго спал. Не тот, которого все хвалили, другой. Но есть. Шанс хорошо поужинать

увеличился моментально. Позывной такой же, как у зетовца из лесопосадки, с которым я обменялся шлемаками.

Китаец, Ленин, Зима вышли.

13 августа, 17:00

Повар развёл костёр, чтобы приготовить еду, и задымил пространство. Здесь и без того дышать нечем.

Сердце Дракона изнутри жёлтое. Стены, потолок, трубы. Железные шкафы, которыми мы забаррикадированы, тоже жёлтого цвета. Грязно-жёлтого. Видимо, бывший хозяин с ума сходил от этого цвета. Скрывает ржавчину.

Я не люблю жёлтый цвет. Мне дурно от него и от того, что нет воздуха. На войне воздуха нет нигде. Каждые полчаса высмаркиваю тонны грязи. На зубах песок. Глаза, сколько ни протираю, запылены. Смотрю на мир сквозь дымку.

Здесь есть котёнок. Маленький. Наверное, милый. Брезгую дотрагиваться. Скорее всего, липкий от грязи, копти и жира. От мышей не спасает. Мал ещё.

Перед уходом на Дракона разбирал вещи во флигеле. В углу стоял пакет с вещами. Там были носки, майки... Всякая ерунда. Высыпал посмотреть. Вместе с вещами выпал шеврон с позывным Монолит. Погибший на штурме боец жил в моём флигеле.

14 августа, вторая половина

Ночь отработал, день отработал. Ещё до вечера буду работать. Надеюсь, следующей ночью отдохну.

Котёнок оказался трёхцветным. В темноте сразу не увидел. Он милый и совсем не липкий. Грязный, да, но я тоже грязный. Второй трёхцветный кот за последнее время. На счастье, говорят.

Котёнок сначала тыкался в меня на лёжке, а когда я ушёл на пост, прибежал ко мне. Скрасил целое утро. Мурлыкал, тёрся. Само воплощение нежности. Назвал его Трёшкой. Потому что три цвета: белый, рыжий, чёрный.

Завалил мешками на посту дыры от вражеской арты. Потом давал команду на выход зетовцев, которые сегодня кошмарили немцев. В Сердце Дракона нациков называют немцами. Дань традиции.

После того как откошмарили немцев, ждали, когда начнут кошмарить нас. Не дождались. Я уполз спать.

Ощущение, что мы находимся в средневековой крепости и нас осаждают германцы в рыцарских латах. Крестовосцы. А мы такие нормальные русские парни, которые защищают свои дома. Феерично.

Похоже, я температуру. У местного медика нет аспирина, что естественно. Температура — это гражданские проблемы. Спросил пару таблеток у Сургута. Он принёс. Говорит: «Для тебя что угодно достанем. Спрашивай».

По-моему, парни относятся ко мне хорошо. А я по древней привычке ищу даже в этом подвох.

Рутул отварил макароны с тушёнкой. Первый раз за четыре дня нормально поел. Две тарелки баланды (вчера и позавчера) не в счёт, то есть абсолютно. Их будто не было. Ещё с аппетитом съел пол-лимона. Не поморщился. Витамин С нужен.

15 августа, к полудню

Немцы до двенадцати ночи покошмарили нас чубатым танчиком, и стало тихо. Отключился до пяти утра. С утра в караул. До вечера.

Трёшка нашёл себе рыжего приятеля и проводит с ним время. Играются. Сфоткал их. Неожиданно наблюдать в хаосе войны беззаботных котят, которым нет дела до проблем человеческих.

Здесь бегают рыжий пёс. Мордой похож на лисицу. Это на него были обозлены Седой и Сава. Говорили, что его пристрелили. Но это не так. Зетовцы взяли его к себе и кормят нормальной пищей, чтобы он трупы по округе не обгладывал. Сжалились. Пёс в осколках и с перебитой лапой.

Мартын, по всей видимости, убыл домой. У него контракт закончился. Я на БЗ, поэтому не попрощались. Здесь, в Сердце Дракона, тоже есть парень с воровскими звёздами. На плечах и коленях. Но местный — боец. Он в группе быстрого реагирования.

Утро прошло спокойно. Мы занимаемся хозяйством и постами, немцы, наверное, тоже. Подходы к Сердцу заминированы. Надо только блюсти любые попытки штурмов. Чувствую себя здесь в большей безопасности, чем в Кишках. Но до расслабона далеко.

Таблетка аспирина помогла. Ноги не болят, значит, температуры нет.

Рутул планирует заниматься кухней и прочей хозяйственной суетой. Может, количество приёмов пищи увеличится. Дай-то Бог!

15 августа, 19:59

По нам не били. Весь день. Напрягает. Работала только наша арта. Радует.

Рутул, Костек, Нерпа и Немо (зетовец) показали пример отваги и выносливости. Рутул восхитил. Я думал, он повар-такой-повар, а он как рванул сегодня со словами «За Родину!», что я в осадок выпал.

Суть описывать не буду. Но если произойдёт задуманное, то мы на несколько десятков километров (гиперболизирую!) ушатаем линию фронта.

Говорю парням, что за такой героизм вам положены медали.

— Нам медалей не дают, — вздыхает Немо, растопырив глаза. Он похож на одноимённую рыбку из мультика.

— Мне медали не нужны. Вернуться бы живым, — говорит Рутул.

— Закрою контракт, куплю машину, вино и дури, поеду в горы, лягу и буду курить, — это мечтает Нерпа, а Костек просто смеётся.

Солдатские радио принесло инфу о том, что Китаец, Ленин и Зима, вернувшись с БЗ, поехали в город, напились и начали барагозить. Их поймали, скрутили, вернули на базу, навалили пряников и снова отправили на БЗ (на другую точку, не на ту, где я сейчас). Горе-Китаец. Ему одной истории с алкоголем было мало. Опять вляпался.

Пока писал, пару раз по нам шандарахнули натовские приспешники.

Арес (старший у зетовцев) беспокоится, что я больше всех занят:

— Тебя эксплуатируют!

— Меня? — смеюсь. — Парни за меня горой. Просто хочу быть нужным, поэтому пашу как проклятый.

— А я хочу домой. Дома уже семь лет не был.

16 августа, 11:36

По нам работал миномёт. Плотно. Зашкерились, переждали.

Трёшка полдня где-то шмандается. Я провёл время с Рыжим. Рыжий меня любит в отличие от Трёшки. Трёшка не любит. Оторву ему уши за это. Ласково оторву.

Разболелся зуб мудрости. Хотел его вырвать перед уходом на войну, да пожалел дурака. Оставил. Вот и расплачиваюсь теперь. Хорошо, что обезбол есть.

Немо рассказал о своих кентах и брате. Все либо Герои России, либо представлены к званию за немыслимые подвиги.

Кто-то в одиночку взял девяносто двух немцев в плен, кто-то разбомбил колонну бронетехники, а кто-то за четыре круга на войне заработал около пятидесяти лямов, с учётом денежных выплат за подбитые танки, птички, ранения и проч. Слушать приятно, даже если понимаешь, что Немо заливает.

Настроение среднее. Постоянная движуха не даёт зацикливаться на мыслях о смерти.

О доме и любимых людях думать не могу. Расклеюсь. Нехилый прилёт...

16 августа, 18:47

Время замедляется. На войне оно растягивается до невероятных размеров. Минута длится вечность. Неудобство дневника в том, что приходится отбивать числа. Они даже не шевелятся.

Так или иначе, лето на излёте. Скоро осень.

Рыжий не отходит от меня. Он огненно-рыжий. Цветом в осень. Красавец. Чище Трёшки, потому что постоянно лижется. И меня тоже облизывает.

Удалось поесть два раза. Два раза вчера и два раза сегодня. Двухразовое питание — это уже счастье.

Зетовцы рванули на эвакуацию. Вытаскивать погибших бойцов. Арес и Сава (позывной местного парня с воровскими звёздами). Их никто не просил. Сами. Сказали, что, кроме нас, никто не вытащит и нормально не похоронит.

С зетовцами удобно работать. Сильно развит инстинкт самосохранения. Подскажут, разъяснят, помогут.

Разложат по полочкам, если затупишь. Без крика и ругани. Без наезда. Грамотно.

Арес с благородной осанкой, подвижный, широкоплечий. По нему и не скажешь, что до войны сидел семь лет в камере четыре на два. Сава похож на быка из девяностых, когда ходит в спортивных штанах. Переодевшись по-боевому, смахивает на киборга из фантастических фильмов про звёздные войны.

17 августа, 11:11

Я работаю в одиночку, отдалённо от парней. По двенадцать (иногда больше) часов в сутки. Вчера около восьми вечера слышу Рутула:

— Дяха, вы покушали?

Он ко мне на «вы» обращается из уважения к возрасту. «Дяха», видимо, обращение у дагестанцев.

— Нет, — отвечаю.

Рутул принёс тарелку густого горохового супа с тушёнкой.

— Ешьте! Солдат должен по три раза в день питаться, по режиму, иначе он воевать не сможет.

Суп зашёл за милую душу. Поблагодарил.

— Добавку хотите? — поинтересовался Рутул.

— Не отказался бы.

Рутул принёс ещё одну тарелку. Она ушла вслед за первой с такой же скоростью.

— Чай будете? Сколько сахара?

— Ложку...

— Так мало?

— Сахар надо экономить. Хорошо, положи две.

— Дяха, пока я здесь, вы будете хорошо питаться! Как положено солдату, а не так, как здесь кормят.

17 августа, 11:22

В четыре утра рыжий пёс встал у клапана и начал истошно гавкать. Мы подскочили, как по тревоге. Пёс ни на кого здесь голоса не поднимает. С котами и кошками не дружит, но и не цапается. Значит, чужие пожаловали. Местный Фаза отработал ситуацию из пулемёта. Вслепую.

Когда-то гуси спасли Рим. Сегодня ночью рыжий пёс, которого парни приютили, обогрели и накормили, простив прегрешения, предупредил нас об опасности.

С четырёх утра на ногах. В районе десяти Рутул принёс гречку. Я отказался, сказав, что поем после одиннадцати, когда освобожусь на пару часиков. Побоялся, что в туалет прихватит, а в туалет ходить на войне — особое приключение. Иногда не ешь не потому, что не хочется или еды мало, а потому, что нет возможности сходить по-большому.

Сменился на пару часов. Поел. Гречка вкусная. Даже слишком.

Зуб ноет и в ушах свистит. В остальном — норма. Попробую отключиться на пару часов.

17 августа, 20:45

Рутул ушёл на войну, поспорив с приятелем. Поспорили на барашка. Хватит смелости — барашек Рутула, не хватит — приятеля. Домашним сообщил только после того, как подписал контракт.

— Дяха, вы где работали до войны?

— Нигде...

— Пенсионер?

— Нет.

— Я работал лифтёром. Строят новый дом, мы берём подряд и ставим там лифты. В одиннадцать дня

приходили, два часа работали, потом два часа обедали и снова два часа работали. Я вам оставляю телефон. Устрою вас на работу лифтьером. Ничего сложного. Нужно только гайки крутить.

18 августа, 12:27

Наши птички отвоёвывают воздушное пространство над Сердцем Дракона.

Практика показала, что если на один выстрел отвечать десятью, то количество обстрелов наших позиций снижается.

Рутул с утра принёс горячий суп с мясом. Повеяло теплом. Удивительное существо человек. В часы смертельной опасности способен наполнить пространство домашним уютом.

Сразу провалился в бездну воспоминаний. Больше всего думал о детях. Непутёвый попался им отец. Вечно страждущий, ищущий, бегущий, пропадающий.

Хочется сказать, несмотря на все выкрутасы, я очень сильно люблю своих детей. Думаю только о них. Без них моя жизнь со всеми её победами не имела бы никакого смысла.

Даст Бог вернуться, накажу старшему, чтобы внуков мне делал побыстрее. Внутренне готов к смирению, тишине и проявлению заботы. Буду кормить их, попки мыть и всячески развлекать.

18 августа, 16:09

О том, что затишье, писать не буду, потому что как только о нём пишу, тут же начинается буря. Бурю я люблю. Но здесь я не один, а кроме меня, её больше никто не любит.

На первом круге, помню, была передислокация с одного направления на другое. Привезли нас, разместились в блиндаже. Я зашёл и сказал: «Слишком хорошо, чтобы мы долго пробыли здесь...» На следующий день нас перекинули на другую позицию.

Ночь переспали в новом блиндаже, я встал, потянулся и сказал: «Слишком хорошо, чтобы мы долго пробыли здесь...» Не прошло и трёх дней, как снова перекинули нас на другую позицию.

Зашли в третий блиндаж, я осмотрелся, набрал в рот воздуха, чтобы в очередной раз произнести заветную фразу, но парни остановили — чуть ли не хором заорали: «Молчи, Огогош, молчи!» Я смолчал. Больше нас никуда не перекидывали.

Переброски — хлопотное занятие. На первом круге не было ничего более мучительно идиотского, чем бесконечные переезды с одной позиции на другую.

19 августа, семь утра

На Сердце Дракона зашёл Рамзан. Медик. Называет себя боевым (или военным) санитаром. Потому что постоянно гоняет на передок. Вытаскивает трёхсотых. Оказывает помощь лёгким. Говорит, устал на базе. Там одни нытики. Приходят в таверну и ноют, что мало мяса.

В этом месте я покраснел. Узнал себя. Только я никогда не ныл. Вслух. Про себя печалился, да, недоумевал. Вслух никогда не жаловался. Моё покраснение никто не заметил. Были в абсолютной темноте.

Рамзан в прошлом единоборец. Неплохой стрелок. Решил сгонять к нам, проведать. У нас пока, тьфу-тьфу-тьфу, раненых нет. Убитых тоже. Держимся. Наша арта хорошо помогает. Жужжание птичек стало радовать. Наши ведь.

Странный итог контрастступления немцев. Чем больше они наступают, тем дальше откатываются. Тешу себя надеждой, что к концу моего контракта (Боженька, сохрани мне жизнь!) на Сердце Дракона можно будет заходить прогулочным шагом.

19 августа, 19:13

Стрелковый бой. Мелкий. Так, чтобы покошмарить друг друга. Мы из крепости, они по крепости. У немцев ротация. Им надо отчитаться перед своими хозяевами за отстрелянные патроны.

Вышел Рамзан. В топовом шлемаке, в крутой броне, обвешанный магазинами. Автомат с примочками.

— Откуда, — говорит, — у вас тут пострелять можно? Да у вас неоткуда здесь стрелять!

Сказал и ушёл.

Сегодня Рутул, Немо и Зелёный геройствовали. Продолжали работу над начатым.

Рыжий с Трёшкой второй день не появляются. Печалька.

19 августа, 21:11

Один пленный. Сдался сам. Мальчишка. По виду домашний ребёнок. Правду говорят, когда хохол умнеет, он становится русским. Это был умный хохол, прибежавший к своим.

Мальчишка полз к нам, размахивая белой тряпкой. Немцы заметили его и открыли огонь на поражение. Мы прикрыли ответным. «Быстрее, быстрее, — кричим, — голову ниже пригни!» Мальчишка обделался от страха, но продолжал ползти. Глаза как у сумасшедшего, большие, неморгающие.

20 августа, 07:53

Ротация двух команд прошла без единого выстрела. Парни на Сердце Дракона зашли спокойно. Дембеля вышли. Им через пять дней домой. Новая команда принесла вкусняшек. Мне достался кусочек сникерса. По сладкому соскучился. Долго держал его под языком, смаковал.

Рутул в шесть утра налил тарелку горячего супа. Это блаженство. Кто бы мог подумать, что горячий суп в шесть утра может доставить столько удовольствия человеку не с похмелья, не со страшного бодуна, а вполне себе цельному и здоровому, полному веры в победу русского оружия.

Появилась Трёшка. Это девочка. Сразу не удосужился посмотреть. По характеру можно было понять. Ластится. Рыжего не было пока. Надеюсь, скоро придёт.

Давинчи говорит быть на фоксе, нас вроде тоже скоро сменят. «Да мы только зашли!» — смеюсь. «Мы уже здесь девять дней...» — ворчит. Я бы ещё дней на десять остался. Хоть какая-то движуха. Веселее, чем сидеть в располаге, мух на потолке считать и трястись от страха, ожидая, когда отправят на Дракона.

Наша арта радует. Боже, спаси и сохрани её, добавь меткости и свирепости каждому снаряду!

20 августа, к полудню

Набрался смелости, подошёл к Рамзану. Боялся услышать плохие новости о Смайле. Рамзан ближний медицинский круг. Он в курсе здоровья всех доблестных воинов подразделения. Можно сказать, что инфа из первых уст.

Бича, естественно, всё перепутал. Не двухсотый, а трёхсотый. Не Смайл, а Сёма. Осколком пробило локтевую артерию. Рядом оказался Зелёный. Командира пятёрки, Сергеича, поблизости не было. Молодые Смайл и Ковбой

замешкались. Зелёный быстро отреагировал. Перетянул Сёму, чтобы не «вытек». Сейчас парень в госпитале. Здоровью ничто не угрожает.

Выдохнул. Смайл в порядке.

Появился Рыжий. Сквозь пробоину в стене проникает солнце. Луч ложится округлым пятном на пол. Рыжий пролез, помяукал, сделал несколько прыжков в нашу с Трёшкой сторону. Трёшка подорвалась к нему. Метров за пять друг от друга они сбавили ход. Когда сблизились, потёрлись мордами, будто поцеловались, развернулись и медленно дошли до солнечного пятна, где улеглись рядышком и начали прихорашиваться — умываться.

20 августа, 12:42

Пианист (зетовец). Меняет меня на посту. Типаж тихого троечника. Ничем не приметный. Уж не знаю, каким боком он вляпался в историю войны, вернее, история его жизни срослась с местами не столь отдалёнными, а потом, как следствие, с войной, но, так или иначе, он здесь. Служит Отечеству. Пальцами правой руки перебирает, будто играет на пианино. Нервный тик. Или привычка, подобная тому, как некоторые дети в минуты волнения тербят пуговицу на рубашке. Во время прилётов пальцы замирают.

— Пианист — это потому что раньше играл на пианино?

— Нет.

Вопрос был глупый, если увидеть, как Пианист бесконечно перебирает пальцами. Скорее всего, лагерная погремуха стала позывным.

Спрашивает:

— Обед был, делали?

— Да. Не поел? Принести?

— Не надо за мной ухаживать!

— Пианист, это называется братская помощь, а не ухаживание, — смеюсь, — а с моей стороны вообще отеческая. У меня старший сын твой ровесник.

— Не надо.

Подхожу через час узнать, всё ли в порядке. Опять спрашивает:

— А чай горячий есть?

— Да.

— Принеси, пожалуйста, — краснеет и протягивает кружку.

Принёс. Поблагодарил фразой «от души».

20 августа, 18:01

Парни из союзников развлекались. Бросили на немецкую позицию пару гранат со слезоточивым газом. Нас не предупредили.

Сiju на посту, смотрю в дырку на немцев и чувствую горечь на языке. Думаю: «Что за хрень?» Потом глаза начали слезиться и щёки защипало. Передал по радиации, что нас травят.

Буквально через пару минут прибежал Арес. Принёс противогаз: «Надень, лицо не три. Газ пройдёт, протрёшь глаза влажной салфеткой».

Остатки газа с ветром до нас дотянуло.

21 августа, 09:15

На первом круге приучил себя к тому, что надо быть постоянно собранным, готовым в пять минут выйти по команде.

Сегодня в половине шестого утра на Сердце Дракона прибежали «ноги». Была команда снять нашу группу с объекта. Ротация.

Уже без пятнадцати шесть мы были на низком старте у клапана. Без пяти шесть стартанули, пробежали за пятнадцать минут красную зону, а по жёлтой пошли быстрым шагом. Вышли из жёлтой зоны к нашим блиндажам, минут пять отдохнули и пошли по зелёной.

Дождя накануне не было, поэтому машина подошла максимально близко. В результате к семи утра мы уже были на базе. Скорость впечатляющая. Тот отрезок пути, который мы обычно с привалами, прячась от миномётного и пулемётного обстрела, от снайперов и птичек, проходили за три часа, одолели за тридцать минут.

Спасибо нашей арте. За десять дней насыпала немцам так, что они теперь сами боятся нос высунуть из окопа, чтобы по нам, как по зайцам в тире, пострелять.

Два месяца на этом участке. Разительная разница. Теперь немцы в той ситуации, в которой были мы ещё каких-то две недели назад. Нынче у них то адище адское.

Вернувшись на базу, скинул с себя одежду и побежал в баню. Пропарился основательно. На базе появилась автоматическая стиральная машина. Поставил стирать вещи. Это райская жизнь, а не война.

Сегодня добегу до магазина. Сразу приготовлю «тревожный чемоданчик»: лекарства, сигареты, сникерсы. Надо быть готовым. Горжусь собой. Уступаю, конечно, нашим двадцатипятилетним жеребцами, но слабину не даю.

21 августа, вечер

Удалил записи, которые оставлял в телеге в ожидании сети.

21 августа, вечер

Странное возвращение. На базе изменилась атмосфера. Вижу обозлённых людей. Нет приветливых улыбок. Дикая напряжённость.

Дембеля перестали быть дембелями. Оказалось, что они подписывали два контракта. Сначала первый на три месяца. Потом товарищи из Минобороны сказали, что надо переписать контракт на четыре. Вышел указ о минимальном сроке службы. Парни переписали контракт, поставив срок четыре месяца.

На войне мозг солдата разжижается от постоянного адреналина и взрывов. Парни служили с полной уверенностью, что спустя три месяца поедут домой. Не тут-то было. Их не отпустили, что естественно. Вчера командир напомнил им, что остался месяц службы. Крыша съехала окончательно. Ситуация, по сути, смешная. Но дело, напому, происходит на войне.

Фома-два на постоянке в штабе. Прямо там и живёт. Хорошо устроился. Некоторые командиры поменялись. Куда девались старые — не знаю. Малоинтересно. Самый главный — остался. Он мне нравится. Подтянут, подвижен, спокоен. Из обычных штурмовиков, из самого низа до командира отряда дослужился. На передке, в отличие от штабных, бывает и в штурмы с нами ходит.

По базе долбанули из подствольника. ДРГ. Потерь нет. Прибежал испуганный Рутул, надел шлемак и броник. Сказал, что была команда всем сидеть по домам в полной боевой готовности.

Мы с Давинчи оделись и встали на огневые позиции, которые у нас приготовлены для охраны своего дома. Вдали слышались пулемётные и автоматные очереди. Вскоре база погрузилась в полную тишину.

Через полчаса Давинчи вышел со двора узнать обстановку. В броне и каске. На него посмотрели как на идиота,

типа: чего, испугался? Давинчи вернулся, выматерился и скинул с себя броню. Рутул паникёр. ДРГ поймали.

Напряжение в воздухе сильное. На Сердце Дракона чувствовал себя спокойнее. Хотя там стократно опаснее. Буквально в тридцати-пятидесяти метрах от немецких позиций. Под прицелом.

Днём сходил в магазин, закупился сигаретами и сникерсами. Зашёл в аптеку за таблетками и витаминами. Собрал рюкзак для выхода на Дракона. Лучше быть заранее готовым. Так легче. Мне.

22 августа, десять утра

Долго не мог уснуть. Гонял мысли о доме, о родных и близких, о любимых и не очень. До трёх ночи. В здешних условиях и в тех обстоятельствах, в которых нахожусь, для меня внове. Обычно ложусь и сразу вырубаясь. Дорога от Дракона до базы была лёгкой, видимо, не так устал.

Проспал до девяти. Сны не помню. Но что-то снилось. Вроде расслабился, внутреннего напряжения нет. Парни отмечают, что я самый спокойный среди них.

К нам в команду добавились Костек и Прочерк. Переехали в наш дом. Прочерк лёг на место Малыша, а Костек в гостиную на диван. В доме остался Сава. Он как бы не в нашей команде — на кухне кашеварит, но просит, чтобы не гнали его. Дескать, я вам сахар буду приносить, колбаску. Не хочет от нас уходить. С Давинчи они постоянно цапаются, но тут Сава как шёлковый стал. Когда свободен, придёт, поставит себе молитву на телефоне, слушает и бормочет что-то под нос. Прочерк спокойный работяга. Играет на телефоне в слова. Костек шумный. Разговаривает громко.

Давинчи вчера первый раз за последний месяц улыбнулся. Ходил хмурым раньше, вечно кипятился. Сейчас ровен. В глазах появилась искра жизни. Это произошло, когда к нам «бывший дембель» Змей забегал и говорил, что их обманывают и не увольняют. Я несколько раз подряд объяснял Змею, что никто не обманывает. «Вы, — говорю, — сами себя три месяца обманывали. Подписали контракт на четыре месяца, а жили в полной уверенности, что на дембель уйдёте через три». Объяснял по-мальчишески горячо. Давинчи не выдержал и остановил меня, тепло улыбнувшись: «Все всё поняли, Огогош!» Я в ответ тоже улыбнулся, замолчал и ушёл к себе во флигель.

Заходил Седой. Он сбрил бороду, голова обросла. Образ киношного абрека куда-то исчез. Стал похож на обычного человека. Рассказывал мне о том, как это страшно, когда по тебе из танка стреляют. Можно подумать, я не знаю и никогда в глаза танка не видел.

Парни договорились, что их отвезут в город, где можно обналичить с карты денег. У меня пока есть, да и тысяч двадцать раздал в долг. Вернут, надеюсь, и до конца контракта, если Бог позволит жить, хватит.

22 августа, полтретьего дня

Думал, дадут отдохнуть после похода на Дракона хотя бы пару дней. Вяло встретил утро, напился кофе, сделал пятьдесят приседаний, чтобы ноги не расслаблялись, выдохнул, и тут же вызвали по радейке грузить еду, а потом снаряды. Не так сложно, конечно. Ладно, проехали.

Загрузили грибы в «Урал», перекурили, и я пошёл к Саве в таверну поглощать обед. Съел две тарелки супа, набил живот, вернулся во флигель и лёг отдыхать. Света нет. Прекрасная половина дня рядового солдата доблестных русских войск.

По располаге снуют потерянные «бывшие дембеля», не знают, что им делать в сложившейся ситуации. У некоторых есть выписка из приказа, что они на три месяца. Но отпускать их не планируют.

Неразбериха с бумагами сильно отражается на боевом духе бойцов.

Штабным — статистика, нам — реальность. Надо понимать, что за каждой цифрой стоит человеческая жизнь — жизнь добровольца, верного защитника Отечества.

Лягу посплю немного. Надеюсь, сегодня больше никуда не дёргнут.

22 августа, 18:22

Днём попытался поспать, не получилось. Мысли буравят голову, не дают покоя. Мысли обычные, не сказал бы, что угнетающие. Так, о смысле жизни... чушь всякая, в общем. Просто их много, они наслаиваются друг на друга и не дают возможности расслабить голову, забыться.

Сообщили, что выводят трёх трёхсотых из Сердца Дракона. Что там случилось, непонятно. Лёгкие. Госпиталь. Либо накат был, либо посылали на спецзадание. Один двухсотый. Нашей группе сказали быть на фоксе. Скорее всего, завтра выйдем.

Война. Жаловаться не будешь. Это мой выбор. Иначе не мог.

23 августа, восемь утра

Удалось поспать, и вроде выспался. То, что ломит спину, не в счёт. К боли на войне привыкаешь и почти не реагируешь на неё. Ноги держат, и слава Создателю.

Спросил у Давинчи — он старший группы, поэтому в курсах событий, — выходим ли сегодня. «Не беги

впереди паровоза, — ответил, — мы только вернулись». Ночью ушла группа, в которой Сургут. Он тоже только вернулся. С нами.

Вчерашнее событие с потерей парней подкосило. Казалось бы, движемся в правильном направлении и в последнее время без существенных жертв во имя Отечества. Но... даже не хочется узнавать подробности.

Включил радио, слушаю. По радио у нас всё хорошо. Вот и буду жить с этой мыслью.

23 августа, обед

Рутула и Костека отвезли в город, где можно снять деньги с карточки. Парни сняли и шиканули. Рутул купил рыбу, овощей, зелень, чеснок. Костек прошёлся по сладостям плюс мороженное «киви».

С утра загрузили машину бутылками с водой и пустыми ящиками от оружия. Пришли домой, и Рутул начал кашеварить. Пожарил рыбу. Наивкуснейшую. Запах по всей базе. Костек нарезал овощей.

В гости зашли Бича и Сталин. Сели во дворике под навесом и плотно отобедали. Блаженство в чистом виде. Давно не ощущал такого мощного прилива жизненных сил.

— На БЗ пойдём, рыбу возьму, пожарю там, — говорит Рутул, — пусть немцы слюни пускают и завидуют.

23 августа, ужин

Очень смешно. Человек на войне, а только и делает, что о еде пишет. Не о залпе тысячи орудий, когда смешались кони, люди, а о вкусной и здоровой пище.

В общем, поужинали под пустой, ни к чему не обязывающий солдатский трёп. Харчо из банок. Добавили

картошки, чтобы погуще было. Харчо с картошкой — это что-то новенькое. Желудок принял с удовольствием.

День прошёл спокойно, бессобытийно. Тело отдохнуло. Сносно. Малыша и Савы нет, поэтому исчезли разговоры о том, что и у кого болит. Никто не кричит, не жалуется. Сава в таверне, Малыш у артиллеристов.

Созревает виноград на участке. Подходят сливы. Яблоки и груши в полном соку. Фруктами обеспечены. Чтобы так жил ещё лет сто-стописят!

У птичников пополнение. У нас его нет и пока не планируется. Вернее, скажу так, я ничего о нём не слышал. Говорят, наборы сейчас небольшие. Предположить не могу, с чем это связано. Либо сезонное, либо ещё что.

Положение на нашем направлении стабильно тяжёлое. Так сообщают по радио. Я оценки дать не могу, потому что многого не знаю. Вижу, дела идут лучше по сравнению с тем, что было два месяца назад.

Вопрос с дембелями не решён. Они до двадцать пятого числа в подвешенном состоянии. Хорошо бы парней отпустили. Устали они.

24 августа, 08:40

Чистим оружие.

По радио сообщили, что в авиакатастрофе погиб Пригожин — командир музыкантов. Просто так в авиакатастрофе такие люди не погибают. Не хочется гадать о причинах. Кто я такой, чтобы гадать?

Пригожин из тех полководцев, которыми должна гордиться Россия, и будет большим грехом для нас — детей Отечества, если его память не увековечим в бронзе. Больше сказать нечего.

24 августа, день

Ходили с Костеком в магазин. Речь зашла о Китайце и алкоголе на войне. Моя позиция категорична. Ни в каком виде и ни в каких дозах не приемлю. Костек говорит, что можно. Главное, вовремя лечь спать и не барагозить. Я со времён своей буйной молодости не понимаю, зачем пить, если потом не барагозить? Смеюсь.

Но шутки в сторону. На войне, повторяюсь, ни в каком виде и ни в каких дозах. На первом круге верная компания подобралась. Понимали. На втором случались косяки у парней, сколько ни говорил, что на войне пьяный солдат — мёртвый солдат.

Дело было в январе. Чудом обошлось без двухсотых. Командование закрывало одно из направлений. Была большая передислокация войск, и к нам в подразделение перевели человек тридцать. Срок службы парней подходил к концу. Отсюда, наверное, расслабон.

Парней расселили по баракам. Кого к нам, кого к другому взводу. Восемь человек поселили отдельно ото всех. Важное уточнение. Находясь с людьми, которые не пьют, удержались бы от соблазна. Но парни приехали инфицированными другим образом жизни на войне.

Сбегали в самоволку, взяли водки и нажрались. Слово за слово, пальцем по столу. Поссорились. Один схватил ручной пулемёт, выбежал на улицу и начал стрелять по бараку, в котором только что пил.

Его сняли короткой очередью из автомата, затрёхсотили. Шайнур и Айболит оказали горе-алкашу первую помощь. Спасли жизнь, в общем-то. Плечо и лёгкое были задеты.

Спустя полтора-два месяца, когда закрывали контракт в части, к нам подошёл паренёк и начал рассказывать о том, что получил ранение в бою. Мы спросили, дескать,

а где был, на каком направлении? Там-то. Опа, наше направление, наши позиции, но никто его не помнит. Задав несколько вопросов, выяснили, что это как раз тот самый, кого затрёхсотили на ферме.

Шайнур резюмировал: «Я горжусь тем, что мне удалось спасти жизнь человеку, ну а то, кем оказался этот человек, вопрос другой...»

Китаец сейчас роет окопы. Пробивает ходы на подступах к Сердцу Дракона. Тяжелейший труд. Мало сказать. Укрыться от обстрелов негде. Лисьи норы спасают. На один раз. Заваливает землёй. Можно не откопаться. Именно там, кстати, находится Ахмед. Опасный участок нашей обороны.

25 августа, семь утра

По ночам холодно стало. Утром не выползешь из норы голым, натянешь водолазку. При жаре чувствовал себя хуже. Сейчас легче. Выйдешь во двор, щёлкнешь подтяжками, вдохнёшь свежего воздуха — и вроде хорошо, ни тревоги на душе, ни суеты вокруг. Лишь изредка услышишь выходы нашей арты.

Вторым просыпается Прочерк. Прочерк из работяг, как многие тут. Сядет рядом, рассказывает о себе, о своей жизни на гражданке. Всегда спокойный, кажется, что невозмутимый, улыбчивый. Речь ровная, перемежается мусорными словами, но в ней ни грамма беспокойства.

Третьим подтягивается Давинчи. Молчаливый. С кружкой горячего кофе. Хлебосольные дагестанцы — Костек и Рутул — спят долго, поздно ложатся. Самые суетные, неусидчивые, всё время куда-то спешащие, потому везде опаздывающие.

Сегодня как бы последний день у как бы дембелей. Непонятно пока, отпустят или нет.

У Пятого после штурма проблемы со зрением и шейными позвонками. Голова поворачивается с трудом. В госпиталь ложиться отказался, боится, что лицензию (на оружие) заберут и на гражданке не сможет найти работу. Он работал в охране. Туда и собирается вернуться.

Кот-два с дырками в спине от осколков. Раны гноились поначалу. В госпиталь не положили. Лечился на ногах. Остались глубокие дырки.

Кот-два из тех, кто сам шутит и сам смеётся. Говорит, жена называла Беззубиком, теперь будет Дырявым называть. Ушёл на войну, когда начались проблемы с алкоголем. Прямо так и говорит: «Ушёл воевать, чтобы не спиться». Говорит и смеётся.

25 августа, 10:02

Дембеля уже не дембеля. Оставили. Во двор влетел Ветерок — весёлый хлопец из бывших дембелей — и схватил нож со стола.

Прочерк:

— Мы ещё не проснулись, а ты уже за нож схватился.

— У вас тут розы красивые растут!

Ветерок подошёл к кустовым розам, срезал цветок, вернул на стол нож и выбежал со словами «Нас оставили на месяц!».

— Наверное, в парикмахерскую побежал. Там красивая девчонка работает, — подумалось и сразу произнеслось вслух.

25 августа, 12:00

Выбрался с Калугой в город, в магазин. Купил машинку подстригать бороду. Разрослась. Усы в рот лезут, не дают

нормально поест. Борода в разные стороны, как у Нафани из мультика про домовёнка Кузю.

Калуга снова в комендантском взводе. Повторились проблемы с ногами. Бегать не может. Выглядит хорошо. Появился здоровый цвет лица. Алкогольная припухлость сошла.

На Сердце Дракона трёхсотые зетовцы: Немо, Сава со звёздами и Арес. Наши: Серый (мой поток), Скиф, Студент (второе ранение), Чистый (мой поток). Злой — двести.

26 августа, утро

Новое испытание в добавку ко всему прочему. Холод. Ночью при сильной влажности спальники с трудом помогают. Потеешь, вылезает из него во сне и замерзаешь. Лежишь как ледышка. Мокрый и холодный.

По радио с утра много поэзии, которая перемежается сводками с передка. Ловлю каждое слово о нашем направлении. Поймаю и сижу думаю о смысле моего бытования на войне под строки Ахматовой о любви, под рассказы о местах жизни великой поэтессы.

Сегодня вернусь к Блоку и почитаю. Несколько дней не открывал.

Вчера пересматривал эртэшную презентацию антологии «Поэзия русского лета». Она есть у меня скаченная на телефоне. Любовался светлыми лицами современных классиков. Всё-таки сильна земля русская истинными людьми, вставшими на защиту Отечества каждый на своём фронте. Они со мной, и тешу себя мыслью, что и я с ними.

Заделываем окна в доме. Они без стёкол. Если не перекинут на другое направление, то нам ещё — даст Бог — долго здесь жить.

Вчера вечером перед сном сделал запись: «Хочу на Дракона». Утром встал и удалил её. Человек слаб.

26 августа, 13:26

Немцы накрывают кассетными улицу с мирняком недалеко от нашей располагии. Храни Бог мирняк.

Костек напился. Еле уложили. Он мелкий, ему мало надо. Сосед из мирняка угостил, мать его. Тот, который чуть не сдох, когда растворителя глотнул.

Мы сидим ждём команды, в любой момент могут пять минут на сборы дать.

«Мы, — ноет спьяну Костек, — смертники». Мы не смертники. Мы защитники Отечества, и один из нас — слабовольный идиот, который не может отказаться, когда выпить предлагают.

26 августа, вечер

Покурю и спать лягу. Организм восстановился. Отдохнул. С завтрашнего дня зарядку начну делать и утомительные приседания. Расслабляться нельзя, если уж хочется выжить. Победить и выжить.

27 августа, 05:30

Зарядка отменяется. Через час уходим в лес танцевать с брёвнами для блиндажей.

27 августа, 20:33

Мы спецназ, а не дровосеки. Смеюсь заливисто. Два «Урала» накатов для блиндажей напилили и один «Урал»

дров. Для себя, в общем-то. Передок нам дровосеки не обезопасят. Сами, всё сами.

Ездили я, Давинчи, Прочерк, Костек. К Рутулу брат-близнец приехал. Дали ему выходной. Брат тоже служит. Его подразделение с боями двигалось в направлении к нашему. Соединились.

Пятым нам добавили «молодого». Четвёртый день на войне. Ничего не знает. Балабол ещё тот. На шевроне позывной Снежок. Но он сразу сказал, дескать, я не Снежок, а Фестиваль. Работал так себе. Больше говорил и шарился, делая вид, что помогает.

Парень начитанный. Загрузил мне мозг Стругацкими. С высшим образованием. На войну пошёл от скуки. Скучно было, сел в тюрьму. Освободился, заскучал, пошёл на войну. Такие люди не в кассу на войне. Он быстро начал выбешивать парней, которые не привыкли к бесконечной пустой говорильне и подростковым понтам из уст взрослого человека.

Устали смертельно. Завтра опять поедем. Надо ещё два «Урала» накатов. Погода хорошая. Не жарко. Это нас во многом спасло. На жаре мы бы сдохли, ничего не сделал.

Сейчас поужинаем и ляжем спать. Надо сил к утру набраться. На ужин макароны с тушёнкой, помидоры, огурцы, лук, чеснок. Всё покупное. У меня ещё есть запас сникерсов и кока-кола.

28 августа, 20:55

Два «Урала» накатов сделали плюс немного дров. Две пилы не выдержали накала. Полетели шестерёнки. Ездили вчетвером. Снежок соскочил. Его определили в комендантский взвод. Забыли взять нож, нечем было открыть тушёнку. Костек наточил ложку и ей открыл.

— Ты у нас сиделец, что такой опыт по наточке ложек имеешь? — спрашиваю.

— Если бы я был сидельцем, то вы бы у меня тут все стояльцами были! — парировал Костек.

Погода была жарче вчерашней, поэтому я под конец немного сдох. У Давинчи, наоборот, открылось второе дыхание. Кажется, ему нравится работать на лесоповале. Я не в большом восторге, но тут уж куда Родина пойдёт. Завтра, скорее всего, дома. Дадут отдохнуть.

К Рутулу брат оказывается не приезжал. Не смог доехать. Поэтому он встретил нас обиженным, дескать, чего меня не взяли, я же в вашей команде! Но он молодец. Пока нас не было, перемыл посуду, убрался в доме, натаскал воды. А Сава обалденный суп смастерил к нашему приходу.

В лесу растёт конопля. Её очень много. Прочерк сорвал куст и протянул Костеку:

— Держи, четыре года жизни! — имея в виду, что за этот куст могут посадить на четыре года.

— Не нужны мне такие четыре года! — закричал Костек.

Я с них смеялся весь день.

Видел Бовку и Жьяко. Сначала Бовка сёл мне на руку, хотел поздороваться. Но я его щелбаном сбил с руки. Боялся, что убью ненароком. Брёвна таскали. Бовка обиделся.

На перекуре сидел под кустом конопли, на котором был Жьяко. Он смотрел на меня с презрением. Не мог простить того, что обидел Бовку.

Потом нежданно-негаданно прилетела Госпожа Ро. Вот уж предела моему удивлению не было. Госпожа Ро не похожа на госпожу. Больше на принцессу. Она маленькая, с чёрными крылышками и золотыми пятнышками. Воистину королевское одеяние. Хороший день, хоть и тяжёлый.

Вернулись домой в начале восьмого. Когда ехали, остановились у магазина. Дал Давинчи денег и попросил купить стирального порошка и кофе. Давинчи предложил сходить в магазин вместе. На что я ответил, дескать, таким чумазым в магазин не пойду. Стволы деревьев внизу подпаленные. Мы не только потные, но и чёрные — в саже. На мою реплику Прочерк сказал, что сразу видно: Огогош — москвич. Я засмеялся и всё-таки решил сходить в магазин с Давинчи. Не все москвичи сволочи, как многие думают.

По возвращению встретили Пятого. Пятый старший у комендачей. Он ругался на Снежка. «Задолбал», — говорит. Понимаю. И нас за один день по полной программе. Есть ощущение, что парень приехал не на войну, а на базу отдыха. Ладно, хлебнёт и, может, въедет.

Передали, что Рамзан (военный санитар) трёхсотый на Сердце Дракона.

29 августа, 07:50

Солнышко ласковое, утреннее.

По радио объявили, что рванули пять тон взрывчатки под позициями немцев. Вручили два Георгиевских креста подрывникам. Если я правильно услышал. Жаль только не наградили и ничего не сказали про тех, кто взрывчатку закладывал. Это делали наши бойцы. Я недавно писал об их героизме.

Шестьсот метров по узким трубам до половины наполненным холодной водой, на карачках, с мешками взрывчатки. Несколько десятков заходов. Парни герои. Рутул, Немо, Костек, Нерпа, Зелёный, Чистый. Чистый сейчас в госпитале. Отличный молодой парень. Физически выносливый. Хотел перейти на «ноги». Работа наисложнейшая. Один раз Давинчи ползал. Назвал парней, которые

при мне закладывали взрывчатку, — первые полторы тонны. Потом нас сменили.

Поправка. Нет, объявили о том, что взорвали в другом месте. Нашу закладку пока не рванули. Ждём. И всё равно, когда объявили о пяти тоннах взрывчатки и о том, что наградили только подрывников, я подумал о тех, кто закладывал и остался неотмеченным.

Вторая поправка. Два бойца на тягаче завезли пять тонн взрывчатки и снесли позиции нацистов. Получили за подвиг Георгиевские кресты. Это совсем другая история. Но она не отменяет нашей.

Фронт сдвигается. Земля российская пусть медленно, но уверенно возвращается на Родину. Слышны выходы нашей арты. Прилётов нет. Тьфу-тьфу-тьфу.

Третья поправка (30.08). Дошла инфа, что неправильно рассчитали место закладки и предстоит перекаладывать. То есть необходимо перетащить назад полторы-две тонны взрывчатки (шестьсот метров под позициями немцев по узким трубам, наполненным водой), а потом всё это добро отнести на нужное место. Голову оторвать бы тому, кто ошибся в расчётах. Парни всё равно герои.

29 августа, 09:26

Виделся с Ахмедом. Его сняли с окопов. Дают возможность отдохнуть. Ахмед расстроился. «Меня, — говорит, — одного сняли. Если бы всю команду, я бы не расстроился». «Ахмед, — успокаиваю, — у тебя из нашего потока больше всех боевых, при том что самый сложный участок». «Нет, — говорит, — теперь у Князя больше, чем у меня. Я, — говорит, — на втором месте. Посчитал!» Ахмед неподражаемый. Грамоте не обучен, а считать умеет. Обожаю его.

29 августа, 16:12

Сава жалуется. Старается вкусно готовить, но никому не нравится. Сава жалуется постоянно. Видимо, боится, что его уберут с кухни и опять отправят на Дракона. Сава не хочет на Дракона. Сава болеет. Говорит, что отказывают ноги. Дыхалки нет. Не сгибаются и не разгибаются колени. Сердце не по-детски шалит. Колики в почках. Радикулит. Невроз. Запор и прочие радости военной жизни. Спрашивает у нас, что лучше приготовить на ужин. Костек отрезает:

— Готовь чего хочешь. Тебя всё равно с кухни не уберут, потому что больше нет такого идиота, который бы согласился там работать!

Я засмеялся. Костек:

— Я не прав, Огогош?

— Да, — отвечаю, — глядя на Саву и Добермана, желание работать поваром и банщиком сразу отпадает.

Доберман работает на бане. Тот ещё персонаж. Вечно печальный. Будто убитый изнутри. Полная противоположность своему позывному.

29 августа, вечер

Передал через Фому-два записку Ани. «Жив-здоров». Переживаю, что за меня могут волноваться. Начал переживать. Вдруг.

Оторвался от большой земли. За два месяца так и не решил послать от себя весточку. То возможности не было, то не хотелось людей беспокоить.

Не особо верится в то, что меня ещё кто-то помнит. Время такое, что инфопоток забивает пространство. Мирняку не продохнуть. В головах не хватает места, чтобы вместить, осознать и принять происходящее. Нет свободной полочки для частных историй.

Фома-два в штабе, там есть какая-то связь с большой землёй. Парни обычно туда ходят, чтобы позвонить домашним. У меня домашних нет. Звонить некому. Нет, конечно, есть, кому и куда позвонить. Просто я боюсь, что начну тосковать. Это может меня убить. Лишить сил.

Думал, думал, как снять с себя груз лишних переживаний, и решил написать записку Ани. Надеюсь, она меня поймёт и, если даст Бог выжить, не будет задавать вопрос: дескать, почему никому не звонил? Не могу я сейчас звонить и разговаривать с людьми, которые находятся на большой земле.

Попросил Фому-два сфоткать записку и отправить по ватсапу. Ещё не знаю, отправил или нет. Сложно отстраниться от мысли, что сделал что-то неправильное. Не надо было, наверное, ничего отправлять.

Живу с кашей в голове. Мне трудно с самим собой. Могу представить, как трудно со мной другим.

30 августа, семь утра

До трёх ночи не мог уснуть. Голову вконец расковыряли рассуждения о том, правильно я сделал, что послал на большую землю восточку о себе, или неправильно. Так можно с ума сойти раньше того, как на голову прилетит хрень какая свиная. Считаю, потратил время для сна непонятно на что.

30 августа, 09:07

Бича помкоманданта. Дедуля водитель уазика. Бича по рации:

— Дедуля, ты куда парней отвёз?

— На лесоповал, — отвечает.

— Парням в банк надо было, деньги с карточек снять.

У меня истерика. Представил себе лица парней, которые поехали при параде с карточками и паспортами в банк обналичить денег на прокорм, а приехали валить лес.

Дедуля жжёт. Мы непобедимы.

30 августа, час дня

Разбитое состояние. Ни с того ни с сего руки начали болеть и в груди давит, тяжело дышать. Вчера чувствовал себя хорошо. Последствия беспокойной ночи и мыслей о большой земле. Надо смириться с тем, что я такой человек. Умею на пустом месте накрутить себя. Когда знаешь свои недостатки, проще с ними совладать. Боженька, дай мне сил. Не подведу.

30 августа, вечер

Еврей развязал войну с русскими до последнего хохла. Нарочно не придумашь. «Мы не фашисты, ведь (нас на убой ведёт еврей) наш президент еврей!» — кричат хохлы. Это кем надо быть, чтобы не понимать происходящего?

Сами хохлы не решились развязать войну с русскими до последнего еврея. Потому что это антисемитизм. Неприличное поведение в современном обществе. Хохлы приличные. А то, что за шмат сала мамку родную (Россию!) продают, не имеет никакого отношения к определению рамок приличия. Не считается!

Война закончится новыми еврейскими погромами, когда хохлы поймут, за кого их тут держат, развернутся в правильную сторону и стройными рядами пойдут крошить жидов. Виноватыми снова назначат русских. Как обычно.

31 августа, 07:51

Давинчи проснулся. Парни поздно вчера легли. Я рано ушёл к себе во флигель. Проснулся и огорошил плохой новостью. У птичников трагедия. Трое трёхсотых. Один двести. Подробностей не знает. Надеюсь, солдатское радио, которое, как правило, изрядно преувеличивает случившееся. Не доверяю.

На нашем участке сравнительно спокойно. Работает арта.

Десятый день на базе. Пора уже выходить. Заплесневеем.

Китайца поставили командиром на окопах. Смайла давно не видел.

Холодает. Воздух осенний. Сжатый. Бархата не чувствуется.

31 августа, 09:52

Прошлого нет. Я не помню себя до войны. До сегодняшнего дня. Помню только какого-то беспокойного парня, вечно рефлексирующего, всего боящегося, прячущегося от людей. Себя не помню.

Всплывают в голове мутные картинки, просматриваю их, будто кино, широкоформатное, или сериал. Иногда захватывающее, утягивающее в полынью красок, сюжетов, ситуаций, иногда тягучее, как смола, монотонное, чёрно-белое. Порой романтическое, сентиментальное, порой жёсткое, похожее на немецкое порно. Кино не про меня. Меня в нём нет. Я всего лишь созерцатель.

Не сказал бы, что не нравится. Смотрю с любопытством. Так ребёнок разглядывает жука, упавшего на спину, дотрагивается палочкой, не переворачивает, наблюдает, как тот шевелит лапками, пытаюсь вернуться в естественное

положение, приподнимается на крепких усах, отталкиваясь от земли крылышками.

Моё прошлое похоже на этого жука. Настоящее — на ребёнка.

31 августа, 17:24

Завтра выходим на Сердце Дракона дней на десять. Дела делать. Увижу Трёшку и Рыжего. Они по мне явно не скучают. Там полно парней, любящих погладить элегантную мелочь. Хм-м-м... Подходит эпитет «элегантные» котятам? Переборщил, по-моему. Ладно, пусть будет.

Командир сказал, чтобы Саву от нас отселили в баню. Дескать, не пристало повару с боевой группой жить. Пусть тусуется с банщиком. А мы к Саве привыкли, да и еду он — хлеб, супы, мясо — нам приносит. Сава расстроится. Думаю, что по возвращении с БЗ нам его будет не хватать. Давинчи — точно. Не на ком оторваться, выпустить пар.

Выходим впятером (я, Давинчи, Прочерк, Костек, Рутул). Хорошо, что Рутул идёт, не отмазывается. Он в прошлый раз сказал, что на кухню ни ногой, она ему надоела. Поваром не хочет работать, в отличие от Савы. «Лучше, — говорит, — на боевые с вами ходить». Рутул отличный. Все отличные. Сава тоже.

1 сентября, 08:08

Экватор. Половина контракта, половина пути. Шанс выжить увеличился на пятьдесят процентов. Хотя, чего тут говорить, смерти достаточно одной тысячной процента, чтобы взять своё. Будем держаться.

К выходу готов. Впрочем, я всегда готов, как пионер. Организм мобилизован. Тело сжато в кулак, в груди

огонь, на губах ухмылка, в глазах лёгкая надменность. Нас так просто не одолеть.

Спал спокойно. Снилось чушь всякая из гражданской жизни. Про войну редко вижу сны. Мозг учится отстраиваться, отдыхать.

Дождя не ожидается. Фронт застыл. Лучший вариант для выхода. Не будем грязь месить. Количество нацистских птичек уменьшилось. Миномёты подавлены. Не повод расслабляться, и всё равно — спокойнее.

Сава ночью съехал от нас со словами: «Пусть Аллах накажет того, кто меня выгнал!» Сава думает, что во всём виноват Давинчи. Они часто цеплялись. Но Давинчи тут ни при чём. Распоряжение командира.

1 сентября, 12:10

Дошёл до штаба, хотел поздравить детей с Днём знаний. В кои-то веки появилось свободное время перед выходом, дошёл с решимостью позвонить, поговорить с большой землёй — и тут обломали. Сказали — с двух. Но с двух обычно свет до вечера отключают. Ладно, попробую за пару часов не растерять решимости и всё-таки позвонить. Дети — это святое.

1 сентября, 15:10

Пообедали в таверне. Готовить не стали.

Дозвонился до большой земли. Поговорил с дедушкой Святослава. Попросил передать от меня поздравления с началом учебного года. Надо искать возможность перекинуть ему деньги на парня. Осень. Сыну одежда нужна.

Сделал звонок М., больше всего боялся, что переживает за меня и, если позвоню, начнёт плакать. Обошлось.

М. обрадовалась. Сказала, что искали меня, потому что долго не проявлялся. Ещё сказала, что связала мне свитер.

Выдали на БЗ термобельё, перчатки, носки, трусы. Удивился. Раньше не выдавали. Сами покупали.

1 сентября, 19:18

Выходим в половине девятого. Сходили в таверну. Поели перед выходом. Сава приготовил перловку с тушёной.

В таверне встретил Фому-два. Он отправил записку Ани. Ани получила.

Вроде всех успокоил, кто мог за меня волноваться. Гора с плеч. Пусть дорога будет лёгкой, а Боженька милостивым.

Страха опять нет. Есть переживания.

Возвращаясь с таверны, пересёкся с Ахмедом. Ахмед по-прежнему улыбчивый, наполненный волнением. Ругает себя, что не такой прыткий, как наши молодые парни, которые делают с лёгкостью то, что он, старик, уже не может. Попытался успокоить ровно так же, как успокаиваю себя. Дескать, мы делаем больше, чем могли бы, и не меньше молодых. Лично я всегда на пределе. Он тоже. «Да, — подтвердил Ахмед, — мы не отстаём!»

1 сентября, 20:47 — 21:59

Нашей группе дали отбой. Выход перенесли на завтра. Главное, выпил таблетки — обезболивающие и от мышечных спазмов, — и тут же сообщили по рации, что сегодня выход отменяется. Завтра, значит, завтра. Что Боженька ни делает, всё к лучшему.

Недавно парни разгребали пустой дом — убирали мусор, чтобы можно было заселить пополнение, и нашли книги. Давинчи притащил целую сумку. Среди пустых

детективов и прочей дребедени увидел книги Ветхого Завета. Сборник, включающий Соломоновы притчи, Песнь Песней, Книгу Иова, Екклесиаст и Апокалипсис. Последняя, если я правильно помню, из Нового Завета. Притчи и Песнь Песней знаю почти наизусть.

Сел почитать Екклесиаста, которого, как мне казалось, начал забывать. Казалось. Нет, не начал. Помню каждую фразу. Только если раньше, когда читал в ранней молодости, Екклесиаст виделся мне мудрецом, то сейчас — ребёнком — готов оспорить почти все его изречения. Он представился мне подростком, страдающим от депрессии. Таким, на грани суицида.

Вот он пишет, дескать, что хотел от жизни, то и получил. Хотел стать мудрецом — стал. Но мудрость радости не принесла, и умру я, продолжает Екклесиаст, так же, как умирает человек неотягчённый умом и богатством.

Мудрец такого сказать не может. Подобные мысли выдают подростки в период полового созревания. Это они, получив пятёрку по музыке, могут решить, что достигли всего, чего хотели, и впасть в отчаяние, не понимая, куда двигаться дальше.

Мудрость — в первую голову — это смирение, приятие жизни такой, какая она есть, а не рефлексия и неудовлетворённость.

Мудрость — это удивляться каждому новому дню и проживать его по-новому, впервые, будто только-только народившимся.

Глаз может насытиться, а ухо наслушаться. Мои глаза и уши тому подтверждение. Не оттого ли я всё чаще и чаще ищу покоя — в тишине и темноте?

Радость радует, а горе огорчает. Радость не может огорчать, а горе радовать. Радость и горе не равны между собой, даже если и то и другое заканчивается.

Мудрость открывает новые горизонты, а Екклесиаст обозначает её тупиком в развитии человека.

Не может мудрец называть суетой и томлением духа, допустим, тягу к познаниям, любовь или труд человеческий.

Не равен человек животному, как считает Екклесиаст, хотя бы потому, что обладает воображением, которое помогает ему неустанно совершенствоваться, развиваться и множить труды свои. Не равен хотя бы потому, что почитает головой и сердцем Бога, а не ограничивается инстинктами выживания.

Человек и животное не равны между собой перед лицом смерти, а уж пред Господом Богом тем более, иначе не была бы дарована человеку возможность слушать и слышать Слово Божье.

Когда принимаешь суету сует как данное Богом, то не воспринимается она суетой сует, а становится Божьим провидением.

Есть над чем подумать. Пойду перекурю. Писать больше ничего сегодня не буду. Глаза устают. Необходим покой — тишина и темнота.

2 сентября, утро

Ночью был дождь. Парням, которые вышли вчера, — две команды, — туго пришлось.

На удивление быстро заснул и даже выпался. Думал, полночи буду ворочаться.

Хорошо бы дорогу чуть подсушило к вечеру — к нашему выходу, чтобы легче было дойти.

Понимаю, почему по радио сообщают исключительно о наших победах, ни слова не говоря о том, какой кровью они обходятся. Дело не в боязни паники, которая может

возникнуть у мирняка. Радио работает на дестабилизацию обстановки в среде противника, сеет страх. Оно разрушает психику нациков, что помогает доблестным русским воинам одерживать победы.

2 сентября, 11:23

Двое парней, о которых я писал в самом начале дневника (ещё в июле), дескать, прошла инфля, будто они попали в плен, погибли. Сибирь и Барс. Их нашли одноглазые. Парни по незнанию подошли близко к позициям немцев и попали под пулемёт. Были ранены. Смогли отбежать. Спрятаться. Вернуться не хватило сил. Умерли от потери крови.

2 сентября, 19:51

Зашли на Сердце. Как по маслу. Вернее, с вазелином. Смеюсь. Шёл в первой тройке с Костеком и Прочерком. Заводил Башкир. Это пятидесятидвухлетние «ноги». Вот же выносливость у человека! Мотается по красной зоне по несколько раз на дню.

Давинчи с Рутулом идут за нами. Пока ещё не зашли парни. Нехорошая стрельба. Видимо, пережидают.

Ковбоя задело пулемётом. Слегка. От госпитализации отказался. Смайл и Ленин переходят в разведку. Сургут и Китаец командиры пятёрок.

До десяти отдыхаю, потом работаю с местным Фазой. Здесь шумно. Много пальбы. Или уже отвык? На прошлом заходе к концу казалось, что вообще тишина была. Только наша арта гремела и птичники работали. Отвык, наверное. За неделю на базе можно отвыкнуть. Туда война редко доходит. Сейчас. Не то что пару месяцев назад.

3 сентября, 08:09

Здравствуй, чувство сиротства! Рад появлению твоему. У меня всё хорошо. Впрочем, как всегда. Грех жаловаться. До двенадцати ночи доблестные воины увлекались войной. Потом она им наскучила, и все завалились спать. Утро спокойное.

Трёшка и Рыжик заматерели. На меня не обращают внимания. Ходят задрав носы.

Смотрю, Трёшка присела, прыжок, и — упс! — мышка уже в зубах обвисла, не шелохнётся. Трёшка вальяжной походкой прошла мимо, унося добычу в укромный уголок.

Там, где в наше отсутствие произошла трагедия, нет стены. Завалено мешками. Башкир («ноги») рассказал, как выносили Злого и выводили трёхсотых. «Парни, — говорит, — стойкие».

Рамзан — боевой санитар — выходил последним. Того, что он ранен, никто сразу не понял. Он оказывал помощь боевым товарищам. Когда несли Злого, рассказал Башкир, по эвакуации работали миномёт и пулемёт нациков. Потом затихли. Раненых на ногах выводили под наблюдением птичек. Пальбы не было.

3 сентября, 14:29

Вышли на открытую местность. Наполнили двенадцать мешков землёй, которыми завалили дыру в помещении, где лежит взрывчатка. На всякий случай. От детонации. Не уверен, что поможет. Если сдетонирует, не будет Сердца Дракона от слова «вообще». Не будет Сердца вместе с теми, кто его охраняет.

Сталин трёхсотый. Задело ногу осколком от ВОГа. Ленин вывел раненного Сталина.

На обед плов. Еда здесь вкуснее той, что делают на базе. Не знаю почему. Вкуснее, и всё.

Работаю в ночь. Неудобный график. Днём здесь не поспишь — парни слоняются туда-сюда. Не самая большая проблема. Но мой внутренний интроверт будет недоволен.

Арес здесь. Отказался от госпитализации.

4 сентября, 06:03

Как героизм превращается в идиотизм?

... Бабахнуло сильно. Утренняя стрельба. Позже запишу.

4 сентября, 06:35

По «ногам» били, сволочи. «Ноги» зашли. Пятнадцать.

Так вот, как героизм превращается в идиотизм? Очень просто.

Сначала «ноги» заносили по красной зоне две тонны взрывчатки, потом парни закладывали взрывчатку под позиции немцев. Ползком по узким трубам, наполненным водой. Третий этап. Оказалось, что неправильно рассчитали и в том месте взрывать нельзя. Парни вытащили взрывчатку. Да, назад по узким трубам, наполненным водой. Но это ещё не предел человеческому идиотизму. Две тонны взрывчатки лежат на нашей позиции, которую постоянно обстреливают, и значит, взрывчатка может в любой момент сдетонировать. Погибнут все. Все без исключения. Решили опять занести её под немцев. Если уж сдетонирует, то лучше там. Смешно? Мне смешно. Смешно и страшно. Вот в такие моменты, когда понимаешь, что твоя жизнь в руках идиотов, начинаешь испытывать страх. Говорить на эту тему больше не хочется. Думать тоже. Иначе я загоню себя в угол, из которого потом не выберусь. А мне ещё нужны силы на победу и выживание.

Посмотрим на ситуацию с другой стороны. Если мы с лёгкостью создаём такие проблемы себе, то представляю, какие проблемы можем создать другим. Это правильная мысль, правильный подход к оценке ситуации.

4 сентября, 15:11

Мышь сгрызла запасной сникерс, тот, который держал на чёрный день. Меня, привыкшего разгадывать знаки судьбы, пытаюсь заглянуть в будущее, подобное происшествие вводит в ступор.

С одной стороны, можно предположить, что чёрный день отменён, а с другой — смерть будет мгновенной, не успею проголодаться.

Начали переносить взрывчатку назад в трубу, под позиции немцев. Если бы мирняк видел, что порой творят защитники Отечества, разуверился бы в победе русской армии окончательно.

От некоторого идиотизма наших доблестных у меня у самого волосы встают в позу лотоса. И всё же побеждают именно так, никак иначе.

5 сентября, 06:01

Немцы третий день активно бомбят позицию. Стрельба не затихает. К вечеру возникает напряжение. В постоянной боевой готовности. Ждём наката.

В моменты затишья парни собираются кружком за чашкой чая и травят байки. Рассказывают о гражданке и о том, что с ними случилось на войне. Рассказы не отличаются особой оригинальностью. Сводятся к тому, насколько близко бабахнуло. Бывшие в штурмах раз за разом пересказывают свои выходы, которые крепко засели в головах, не вытравить. Больше ни о чём говорить не могут.

Вывели формулу оптимального штурма: когда в атаку идут «молодые» парни, только прибывшие на войну и знакомые с ней исключительно по фильмам. Страх ещё не сожрал душу воина, накопленной усталости нет. «Молодые» полны азарта. Для них война пока ещё игра. Они незнакомы со смертью. Способны на киношный героизм. Правда, «мяса» после таких штурмов слишком много.

Сегодня из Сердца выходит местный Фаза. У него через пару недель заканчивается контракт. Пробыл здесь с самого начала, с того момента, как Сердце Дракона отвоевали у нацистов. Фаза худощавый, медлительный, но ровно до того момента, пока его не зацепишь. Взрывается моментально. Когда пальба нацистов начинает утомлять, Фаза подскакивает, заряжает подствольник и стреляет со словами «Да заткнитесь уже!».

За рыжим псом приглядывал Фаза, оберегал его от грубости доблестных воинов, подкармливал. Пёс будет скучать.

Через пару недель на Сердце Дракона изменится атмосфера. У зетовцев заканчиваются контракты, они разъедутся по домам. Наши дембеля тоже созревают. «Старичков» не останется. Кого закинут вместо зетовцев, пока неясно. Либо других таких же, но «молодых», либо остатки музыкантов, либо новых мобиков. В любом случае будут другие люди, будет всё по-другому.

5 сентября, 15:08

С утра вышли разведчики из команды Сталина. Пространство освободилось от бесконечного шума. Уж больно громкие они были, несмотря на то что разведчики. Место, где я отдыхаю, стало напоминать место, где можно отдыхать. Оно похоже на коридор.

Лежу я на двери, которая брошена на бетонный пол. На двери подстилка. Укрываюсь спальником. Голова на рюкзаке со сменным бельём, прихваченным с собой из располагии.

Справа обшарпанная жёлтая стена. Железобетон. Слева, в трёх метрах, такая же крепкая стена. Она не покрашена в жёлтый цвет, как всё здесь вокруг. Потолок метров шесть.

Некрашенная стена сверху пробита снарядом. В эту дырку проникает солнечный свет. Посередине коридора идёт железная труба метрового диаметра. Как раз напротив дырки от снаряда труба раскрыта розочкой. След от взрыва.

В розочку аккуратно уложены «морковки» для РПГ и прочая солдатская утварь: патроны, гранаты, снаряды.

На бетонном полу битые кирпичи, гильзы, бычки. Пыль страшная. Убираться бессмысленно. Хотя парни периодически пытаются навести порядок. Кто-то подметает. Но грязь сама собой нарастает в течение дня.

Фаза собаку с собой забрал. Вывел из Сердца несчастного пса.

5 сентября, 20:03

Ругаясь на чем свет стоит, Рутул занёс последний рюкзак с взрывчаткой в трубу под позиции немцев. Говорят, что к бессмысленному и беспощадному героизму приложил руку наш Сталин. Его идея и его планирование.

Настоящий Иосиф Виссарионович в гробу вертится от стыда, что человек с его именем создаёт проблемы простому солдату вместо того, чтобы помогать ему решать вопросы государственной важности. Да, считаю, что сейчас простой солдат стоит на защите государственности. На плечах простого солдата лежит судьба Отечества.

Шутки шутками, но это реальный идиотизм. Теперь будем ждать команды снова выносить взрывчатку. Это происходит на передовой. На самой передовой. В тридцати метрах от нацистских позиций.

У прихвостней Вашингтона традиция: во время ротации выпуливать патроны, опустошая магазины, чтобы отчитаться перед своими хозяевами. Создают видимость того, что воют. Уже понимаем: если устраивают беспорядочную стрельбу, значит, смена караула.

Сегодня днём Рыжий впервые за несколько дней залез ко мне на руки поурчать. Я так обрадовался, что в нос его чмокнул. А так он целыми днями либо дерётся с Трёшкой, либо охотится на мышей. Деловой. Понежиться времени не хватает.

6 сентября, 08:37

Рыжий в утреннем свете (синеватый осенний оттенок) кажется чёрным.

По ночам холодно. Ноги замерзают. Терпимо, но чувствуется надвигающаяся проблема, которую трудно будет решить. Костры здесь, чтобы согреться, нельзя жечь. Печки ставить тоже.

Пришла команда разведчиков, в которой Смайл. Парень за два месяца возмужал, обтесался. Неуклюжесть, угловатость ушли, будто не было. Подтянут, великолепен, прямо настоящий русский воин. Торс приобрёл отчётливую форму треугольника. Говорю: «Береги себя, ты обещал вернуться живым и здоровым». «Я стараюсь», — отвечает и улыбается во весь белозубый рот.

6 сентября, 18:04

Не хватает времени что-либо записывать. Движу-ха. Хочу оставить пометку о молодых воинах команды

Смайла. Сердце радуется, глядя на них. Не всё потеряно. На них одна надежда и опора. Моему поколению пора отойти в сторону. Мы уже не тянем.

Парни крепкие, спокойные, улыбчивые. За что ни возьмутся, всё у них получается. Быстро, легко. Пришли, бросили рюкзаки — и сразу за дело. Нам после пробежки по Тропе ярости полдня в себя приходиться надо. Для них тропа будто создана лишь для того, чтобы похвастаться: дескать, по нам пулемёт работал или ещё что. Герои.

6 сентября, 18:24

Выходим на Дракона. Снежок спрашивает (на Дракона ещё не ходил):

— А восьмидесятки туда прилетают?

— Да.

— А стодвадцатки?

— Да.

— А двухсотки?

— Нет.

— Странно!

7 сентября, 09:57

Двое суток толком не спал. Возможность была, но уснуть не мог. Сегодня в шесть утра сменился, дошёл до лежанки и в секунду вырубился.

Ночью было холодно. Нашёл валяющуюся куртку, надел, отработал. Утром ходит Арес. Потерял куртку. Говорю: «Посмотри, может, твоя». Отвечает: «Да, моя». Забрал. Надо искать новую куртку на ночь.

Арес мог бы сделать блестящую военную карьеру. В нём чувствуется ныне утерянное благородство русского

офицерства. Честь и достоинство. Продуманность действий. Требовательность и любовь к окружающим его солдатам. Отвага и доблесть. Отсутствие безрассудства.

7 сентября, 12:27

Рыба шмальнул наудачу из РПГ и попал в чубатый склад с БК. Всю ночь горело. Теперь долго у нас тишина будет.

Рыба зетовец. Небольшого росточка, крепенький, юркий. Молодой да ранний. Ёжиком чёрные волосы. Справа, чуть выше виска, заживающая рана. Сантиметров шесть. Глаза маленькие, затуманенный взгляд, будто смотрит в себя, оценивая каждый свой поступок.

Сходил с Пианистом за водой. Вода добывается из труб. В трубы она попадает из резервуаров, которые были наполнены ещё до войны. В трубе сделана дырка, в неё воткнут шланг. Несколько коротких вдохов, и вода начинает капать. Так называемый подсос. Как из бензобака, когда горючее сливаешь. За пару часов набирается общепитовский котёл.

Вода — жизнь. Здесь вода невкусная. Равно как и сама жизнь.

Еду можно кое-как в рюкзаках принести, дотащить. Воду не натаскаешь. Поэтому какой бы она ни была, главное, что она есть.

7 сентября, 17:33

Боевые будни. Поспал, поел. Рутул сварганил борщ. Из банок. Дома борщ не ем, готовить некому. А на Сердце Дракона он идёт за милую душу. Да и готовить его

быстро. Открыл банку, высыпал содержимое в кипящую воду, добавил тушёнку — и борщ готов.

Пока затишье, сделали ещё несколько огневых позиций на случай наката. Мешки с песком плюс бетонные плиты. Дёшево и сердито.

Хохлы (или кто там сидит за стенами? Поляки, негры, французы, немцы?) целый день молчат. Работала наша арта и прилетали самолётики. Бросали бомбочки. В остальном тишь, гладь и Божья благодать.

8 сентября, 12:18

Морозец. Вот вам и юг России. Бархатным сезоном не пахнет. Ночью продрог до костей. Поднималась температура. Ноги ломило. Когда поднимается температура, ноги ломит. Выпил полтаблетки аспирина. Целую пить не стал. У меня всего две таблетки. На всякий случай приберёг.

После ночной работы залез в тёплый спальник. Вроде согрелся. Леня ужасная. Слабость.

8 сентября, 16:51

Прилетало. РПГ. Упало рядом с взрывчаткой. Накануне мы её с Пианистом накрывали железными листами. Взрывчатку не задело. А ведь могло... Переложили. Столько возможностей глупо погибнуть, хоть иди учишься в школу высшей математики, чтобы сосчитать.

Парни рассказали. Сам не присутствовал, потому что бегал на Дракона. Месяц назад, когда увольнялись последние трёхмесячники, командир вручал медали. После вручения вызвал из строя Мартына и со словами «Носи и никогда не снимай» подарил ему шеврон с надписью «Тыловая крыса».

9 сентября, день

Придётся писать не про еду, а про холод, поскольку наболевшая за последние пару дней тема. Не понимаю, почему здесь так холодно. Должно быть тепло до октября как минимум.

Ночь прошла без происшествий. Утром завалился спать. Слышал движение нашей бронетехники. Точно, нашей. Нашу я по звуку отличаю. Будем брать город.

Город и его окрестности под нацистами. Он висит как аппендицит на линии фронта. Под землёй шахты и туннели в десятки километров. Такое взять сложно. Сердце Дракона внутри этого аппендикита. Поэтому такие проблемы, чтобы зайти на него. Два с лишним месяца назад из вышедшей пятёрки доходило два-три человека. Потери большие.

Сердце сдавать нельзя. Не думаю, что оно является ключом к открытию города. Я стараюсь не думать. Когда думаешь, работать некогда. Ключом не является, но Сердце — важный стратегический объект и удобный огневой рубеж, который помогает контролировать нацистов, выползающих из местных подземелий. Пока дела обстоят так, что мы контролируем их, а они контролируют нас. Перевеса нет ни в одну сторону.

Передали, что небо над Тропой ярости заполонили чубатые птички. Ротации не предвидится. Просили экономить еду. Экономим. Рутул приготовил гречку с тушёнкой. Добавил лечо. Вместо хлеба галеты с паштетом. Хлеб — редкое удовольствие. Холодно.

10 сентября, пять утра

Холодно. Зимой не было так холодно и была возможность погреться у костра или буржуйки. В осаждённой крепости огнём не побалуешься, если выжить хочешь.

Досок мало, да и те с трудом добываются. Приходится терпеть.

Отработали ночь с Пианистом спокойно. Немцы, наверное, тоже подмерзают. Но им чуть проще, они в земле. Мы в бетоне. Всё равно радостно, что им тоже хоть немного холодно.

Летом на первой учебной базе страдали от комаров. Такие злые и дурные комары только в Хохляндии бывают. В Подмосковье комары интеллигентнее. Также сволочи, но воспитанные сволочи. А в Хохляндии комары без башки. Хорошо ещё, что кусали не только нас — доблестных русских воинов, — но и свою чубатую родню. Придёт время, сделаем из Хохляндии Подмосковье. Тогда лично займусь воспитанием местных комаров.

Второй раз замечаю. Когда попадаю с базы, где относительно (относительно!) тихо, в самую сердцевину войны, пальба и взрывы поначалу напрягают. Потом они уходят в фоновый режим и Сердце Дракона кажется уютным и безопасным местечком. Холодно только. В остальном сносно. Держать круговую оборону двадцать четыре на семь не так страшно и почти не выматывает. Почти.

10 сентября, 14:41

Башкир («ноги») принёс еду и хорошую новость. На базу привезли «молодых». Пополнение прибыло. Будет полегче. С заходами на Сердце и выходами есть сложности. С одной стороны, спокойно, с другой — участились прилёты по тропе, да и птичек опять много.

Рыжий и Трёшка ночью болтались со мной на посту. Потом пропали. Сменился, пришёл отдохнуть, смотрю: спит парочка на моём месте. Пришлось изогнуться буквой Зю, чтобы не потревожить новобранцев.

Отдохнул после поста сносно. Нарубил дров. Дрова только для готовки. Принёс воду. Вода медленно идёт. Будто заканчивается. Печалька.

Разведка наша вышла. Они в этот заход погибших воинов забирали с поля боя. Немцы подозрительно молчат. Редкие РПГ, автоматные и пулемётные очереди по Сердцу. Арта нацистов не работает по нам уже несколько дней — тьфу, тьфу, тьфу.

Хочется в баньку. По щучьему велению, по моему хотению, Банька, приходи ко мне!

10 сентября, 19:57

Душевный вечер на работе.

Сева. Один из самых чистоплотных бойцов. У него с собой подписанные тарелка, кружка, ложка. Он их тщательно моет и убирает к себе в рюкзак после каждого приёма пищи. Общей посудой не пользуется.

Рядом с моим постом есть свободное пространство. Сева приходит в четыре вечера, делает зарядку (приседает, отжимается), чистит зубы. Он работает в ночь. Разговаривает мало. Голос у него вкрадчивый, тихий, интеллигентский. Говорит, если говорит, будто извиняется. Никогда не повышает тона. Если устаёт, ворчит себе что-то под нос. Парню около сорока. Детей нет. «Роковая женщина попалась, — сетует Сева, — потому и детей нет». Сделал зарядку, спросил, не надо ли принести чая. Я отказался. Он ушёл.

После Севы пришёл Пианист. Просто поболтать, или, как он выразился, пообщаться. Пришёл с чаем. Говорили о Великой Отечественной, о том, как туго было солдатам того времени, не то что нам. Разговаривали о древних цивилизациях, о войнах разных эпох. Потихоньку разговор перешёл на личные темы.

Пианист ушёл на войну за свою свободу. Чтобы вернуться домой не в двадцать восьмом, а в нынешнем, двадцать третьем. Кумир у него — Че Гевара. К слову, среди зетовцев огромное количество людей, болеющих Советским Союзом, его идеологией, которой им, как я понял, сейчас, да и все последние годы, не хватало.

Идеи нет, оттого и так много пустых людей — основной посыл мысли.

Сел Пианист четыре года назад. Непредумышленное. «Пришли, — говорит, — утром, когда кофе пил, надели наручники и увели. Так, — говорит, — чашка кофе и осталась дома стоять на столе».

Я слушал и смотрел на то, как Рыжий, поймав мышку, играет с ней. Отпустит из лапок, она побежит, он прыгнет, возьмёт в зубки, положит на прежнее место, пару раз ударит лапкой, чуть отойдёт и ждёт, когда мышка снова побежит.

Вслед за Пианистом подтянулся Демон. Отвязный хлопец. Парням не хватает душевных разговоров, поэтому частенько заглядывают ко мне излить душу. Демон завёл разговор о том, как он вернётся домой — ему осталось двадцать дней, как и Пианисту, — раскинет пальцы (тюрьма, война) — и все девчонки с района будут его. Они, заключил Демон, таких любят. Пианист послушал его, послушал и тихо ушёл. Демон продолжил о девчонках, пощёлкивая языком и закатывая глаза, не обратив внимания на уход Пианиста.

Появился Арес. Спросил таблетки от язвы, дескать, Кобра погибает, срочно нужно. У Демона как раз оказалась пара таблеток. Тоже язва. Поэтому держит всегда при себе на случай обострения. «Пойду отнесу таблетки», — сказал Демон и, оставив мне повербанк, чтобы я зарядил себе телефон, ушёл.

Полчаса тишины — немцы молчат, — и сменить меня пришли Сергеич с Мусульманином. Тоже дембеля. Им осталось две недели. Это парни из моего подразделения, те, которые уже второй раз дембеля. Они заступают на полночи, потом я с Пианистом меняю парней. Пожелал тихой работы и пошёл спать. На моей лежанке примостились котята. Подвинул, лёг рядом и записал сегодняшней вечер. Чай, повербанк есть, не жалко провести лишние полчаса с включённым телефоном.

11 сентября, двенадцать с копейками

Ночь выдалась тяжёлая. Как наложение, мало вчера поспал. Мысли о детях гонял, отключиться не мог. В результате появились лёгкая тревожность и раздражённость. А под утро, когда уже с ног валился, объявили боевую готовность. После отбоя тревоги упал. До вечера буду отдыхать. Если дадут. Надо быть в форме.

Десять дней на Драконе. Должны выводить. Пока молчат.

В ночной перестрелке Демон по темноте вместо ВОГа вогнал в подствольник фонарик и жахнул. Тут же представил мысли немцев: дескать, у русских патроны закончились, и они фонариками отстреливаются.

11 сентября, 14:46

Долго отдыхать не смог. Перенёс взрыватели. Неудобно стояли. Теперь лучше.

На Сердце прибежал Ковбой. Он тоже перешёл в разведку. «Не хочется, — говорит, — отставать от Смайла». Детский сад. Смеюсь. По-отечески смеюсь и горжусь нашими парнями.

12 сентября, шесть утра

Эй, я просил нормальную баньку, чтобы помыться, а не ту, где обливаешься собственным потом в бетонном холоде!

12 сентября, 19:58

Разведка, помимо своей основной работы, занимается эвакуацией. Выносят погибших с поля боя. На мой взгляд, самая тяжёлая работа. Психологически и физически.

Тащить на полусогнутых под постоянными обстрелами труп, у которого нет головы, или нога отваливается, или рука, или там каша вместо человека — занятие не из приятных. Надо аккуратно собрать в мешок или, если такое возможно, бросить на полевые носилки и перебежками от одной непростреливаемой зоны к другой.

Разговариваю сегодня об эвакуации с Ковбоем. Ковбой говорит, что психологически не так тяжело. Физически — да. Мне-то как раз физически было бы легче. Слава богу, как говорится, что меня на такую работу не ставят. Не потянул бы. Отказаться бы не смог — приказ есть приказ, но сомневаюсь, что справился бы с задачей.

Днём была тишина. Напряжённая. Ни одного выстрела. Пара-тройка прилётов — не в счёт. Ночь, наверное, опять бессонная будет. Последние три ночи тяжкие.

Днём хапанул апатии. Гонять буквы не мог. Казалось, что нет конца этой войне. Накопленная усталость даёт о себе знать.

13 сентября, 09:59

Осенний холод основательно наполняет пространство. Не думаю, что температура меньше плюс десяти градусов, но воспринимается как минусовая. Надел две

пары тёплых носков. Ноги промерзают. Летние спальные не спасают. Кому достался зимний, считай, повезло. Мне не повезло. Зато у меня котята. Они выросли. Меньше играют. Только спят и охотятся. Когда забираюсь поспать, беру их с собой в качестве грелки. Котят устраивает непыльная работёнка, которую им подкидываю, — греть меня. С двух боков подпирают и спят вместе со мной. На войне научился ровно спать, не ворочаясь, поэтому не боюсь, что раздавлю. Да и раздавить таких здоровяк уже невозможно. Сами кого хочешь.

13 сентября, 14:52

Когда замыкает от усталости и бессонных ночей, разговоры звучат приблизительно так.

Сергеич: Наши укропских птичников разобрали.

Луч: Давно говорю, не надо по птичкам работать.

Сергеич: Что ты говоришь?

Луч: Говорю, по птичкам не надо.

Сергеич: А я говорю, что птичников разобрали.

Луч: И я говорю, что надо не по птичкам.

Сергеич: Что ты говоришь?

Луч: Ты меня не слышишь!

Сергеич: Я тебя слышу. Птичников разобрали!

Луч: По птичкам не надо работать.

Сергеич: Зачем по птичкам работать?

Луч: По птичкам не надо, не понимаешь?

Сергеич: Чего не понимаю?

Луч: Что по птичкам не надо работать!

Сергеич: А по кому надо?

Луч: По птичкам!

Сергеич: Наши разобрали птичников...

Луч: Давно говорю, не надо по птичкам работать...

Валяюсь от смеха. Театр абсурда.

14 сентября, 11:17

Слышу электронный лай собаки. Это сигнал ротации у немцев. Смена на постах. Они выходят убивать русских под собачий лай.

Во второй половине дня, пока ещё не стемнело, ползу на свой участок войны в одиночку. На той стороне стены меня ждут. Там сидит мой немец, которого я никогда в глаза не видел. Он меня тоже никогда не видел. Если бы мы увидели друг друга, кто-то из нас был бы уже мёртв.

Немец сидит на возвышенности. Чтобы увидеть меня, ему необходимо подойти ближе к спуску и высунуть голову. Он этого не делает, потому что боится. Чтобы мне увидеть немца, нужно выйти из-за стены и подняться вверх, на возвышенность, где он сидит. Я этого не делаю, потому что не дурак.

Не хватает угла обзора. Траектория полёта пули каждого из нас проходит над головой противника. Его выстрел — сверху вниз — надо моей, а мой — снизу вверх — над его.

Мой немец знает, во сколько я прихожу. Он приветствует меня короткой очередью. Я ему отвечаю. После приветствия начинается наша война. Он пытается понять, в каком именно месте я нахожусь, и если уж не убить рикошетом или бетонными брызгами, то хотя бы напугать. В ответ я бью по возвышенности, за которой он прячется. Наша перестрелка похожа на разговор. Он задаёт тему, я подхватываю.

Не знаю, как он выглядит, но знаю, что он чувствует. Это понятно по характеру стрельбы. Знаю, когда он спокоен, когда нервничает, когда злится. Я умею нервировать. Он понимает это и нервничает ещё сильнее.

Вот он надменно стреляет, дескать, лови, русская свинья! Выстрел звонкий. Пуля попадает в железобетонные перекрытия. Я инстинктивно пригибаюсь и даю ответную

очередь: «Отсоси!» Он повторяет. С каждым новым выстрелом отрезок тишины уменьшается. «На, на, на-на, на-на-на, — стреляет он. — Посолою тебя и высушу, буду хрустеть тобой, как сухариком под кружку баварского пива!» «Трах-тах-тах», — смеюсь в ответ. Он не унимается: «Мои дети будут есть твоё сало!» — «Чувак, у меня нет сала, я худой, как плющ!» — «А если найду?» — «Ищи!»

Мы ползаем по разные стороны бетонной стены, стреляем в сторону друг друга, меняем позиции, опять стреляем. В это время парни, которые на отдыхе, пьют чай, смотрят фильмы по телефону, играют. Кто-то готовит дрова, кто-то идёт за водой. На нашу войну никто не обращает внимания. Наша война больше напоминает детскую игру, нежели кровопролитный бой.

Наконец мне надоедает возня. Я присаживаюсь на кусок трубы, лежащий на полу, закуриваю. Он стреляет, я не отвечаю. «Ты где?» — стреляет один раз, другой. Я молчу. Немец начинает беситься. Чувствую, как дрожит автомат у него в руках. Выстрелы неровные. То в одно место пальнёт, то в другое. Не отвечаю. Моё время заканчивается. Меня меняют. Пара-тройка часов на сон, еду, туалет — и я возвращаюсь к нему.

Стемнело. Вечером работаю с Пианистом. Пианист в нашей войне не участвует. Сидит в укрытии, за мешками с песком, курит, пьёт чай с баранками или спит.

Немец начинает. Он грозит повесить меня, четвертовать и колесовать. Он обещает вырезать всю мою родню, отыметь всех моих женщин и продать на органы всех моих детей. Я только смеюсь в ответ. Смех его пугает. Поэтому я всегда смеюсь. А Пианист похрапывает.

В пять утра светает. Слышу электронный лай собак. Моего оппонента, разгорячённого, злого, с капающей изо рта слюной, меняют. Он уходить не хочет, доплёвывает последний магазин, матерится и замолкает. «До вечера,

дурилка», — стреляю вдогонку, снова закуриваю, бужу Пианиста и жду конца смены.

14 сентября, 13:38

Сергеич наливает из котелка остатки борща. Решил доесть второй порцией.

Сергеич: Все поели?

Луч: Я не ел...

Сергеич: Не ел? Я же спросил перед тем, как налить себе, все ли поели. Там немного оставалось. Совсем чуть-чуть, тебе бы не хватило. Ну и почему ты промолчал? Я громко спросил. Спросил у всех. Думал, что поели, решил доесть остатки. Да тут по бокам только гуща налипшей была, остальное вода! Теперь ещё и котелок придётся мыть. Почему ты не сказал, что есть хочешь?

Луч: Я не хочу есть.

Сергеич: А есть надо. Хотя бы раз в день горячее. Надо было сказать, что не поел.

Луч: Я поел.

Сергеич: Поел? Ты же сказал, что не поел. Идиота из меня делаешь? Я спросил: «Поели?» Ты сказал, что нет, а теперь — да. Я так похудел, что с меня берцы соскакивают. Голодаю, с ума схожу, а мне ещё котелок мыть!

15 сентября, 12:10

Самое длинное БЗ и самое насыщенное. Для меня. Говорили, что идём на недельку. Пошла третья. По моим прикидкам, завтра должны забирать. Пока молчат. Информации нет.

Нашему потоку ещё ничего. Впереди долгий срок. А дембеля нервничают. Чем раньше снимут с объекта,

тем лучше. Последний аккорд, как говорится. Больше не потащат на боевое.

Многие, кто не по первому кругу, говорят, что тяжелейшая командировка выдалась. Но я предполагаю, кому-то сейчас ещё тяжелее.

Дождь накрапывает. Бежать безопаснее. Вернее, плыть. Только не май месяц на дворе, не июль и даже не август. Холодно.

15 сентября, 16:37

«Ноги» принесли инфу, что после 18-го поменяют. Хоть какая-то определённость. Ок, повоюем ещё.

15 сентября, 20:58

Жаловаться не хочется. Даже самому себе. Всё равно доброго слова не услышу. Даже от самого себя. Но тело жутко болит. Ломит ноги, руки. Погода. Опасаюсь пить обезбол круглосуточно. Посажу печень. Впрочем, она у меня и без обезбола сидит в раскоряку.

Ночь будет тяжёлая. В дождь работать сложно. Жужжащие уши могут не услышать за дождём начало наката. Есть немного времени вздремнуть, отдохнуть. Для хорошей работы мне нужен душевный покой, холодность и расчётливость.

Наши птички тоже не летают из-за дождя. Никто не предупредит, если пойдёт накат. На стрёме все парни, которые находятся на Сердце.

Неприятель за стенкой звал меня на вечерний променад. Решил не заморачиваться, побережь силы на ночное бдение. Они мне понадобятся.

За два с половиной месяца обстановка на нашем участке заметно улучшилась. Но до прогулочного шага ещё

далеко. Арта, миномёты по нам не работают. Почти не работают. Пулемёт и автоматная стрелкотня. РПГ бывает. Иногда ВОГи залетают. Вещь опасная, но не самая большая проблема, с учётом железобетонных перекрытий.

16 сентября, 09:56

По ночному дождю поменяли группу дембелей. Дембеля по второму разу. Такое только у нас бывает. Два раза подписывали контракт, два раза увольняются и только один раз будут дома.

Лил дождь. Тропу ярости дембеля прошли, скорее всего, без единого выстрела. Дальше у них дорога по окопам полтора километра. Окопы узкие, для перебежек. Во время дождя наполняются водой. Вода, грязь, дождь, осенний холод.

После окопов идёт дорога по бурелому. Если они не останутся на ночь в земляном блиндаже, то ноги переломают. Машина вряд ли подъедет близко. Значит, идти километра три — три с половиной.

Зато сейчас они уже на базе. Баня, еда и прочие радости жизни. А что самое главное, через неделю — домой.

Ночью вышел на пост, глядь, а там Ахмед сидит! Его группа поменяла дембелей. Вот это сюрприз! Также добавились мобики. Зашла большая группа молодых парней, которые поменяли зетовцев. Движуха, в общем.

В целом ночь прошла терпимо, хоть и напряжённо.

16 сентября, 11:32

Вышли почти все зетовцы. Не попрощался с Пианистом. Дремал. Пока остался Арес. Демона тоже видел. Ещё здесь. Капитаны покидают корабль последними. Сердце Дракона наполнилось мобиками. Неделя на то, чтобы

парни въехали в процесс, и молитвы Господу Богу, чтобы в эту неделю не случился накат.

Мобики в основном необстрелянные. Тяжёлые. Опыта мало. Надеюсь на молодость, которая помогает быстро сориентироваться.

Рутул учит парней убираться на кухне. Кухня — это слишком лестное название места, где мы готовим и перехватываем еду. Часть коридора с кострищем, обложенным кирпичами. На кирпичи положена решётка. Ночью греть воду нельзя. Маленький стол и пара стульев. Шкафчик для посуды. Из посуды — несколько жестяных тарелок и кружек. Иногда здесь можно увидеть ложки. В том числе чайные. Бетонная крошка, пыль — в наличии постоянно. Они везде. Мы ими питаемся, мы ими дышим. Не только ими. Ещё порохом.

16 сентября, 16:54

Мобики-мобики, да не простые мобики. Назову их «республиканские штрафники». Воюют, оказывается, не первый год. Большинство с ранениями. Документы утеряны, поэтому парни записаны в пятисотые. Истории у всех прям под копирку. Ранило, лежал в госпитале, выписался, военная часть переехала, ушёл домой, записали в дезертиры. Неведомо, на чьей стороне правда, но, так или иначе, они здесь — с нами. Почему решил, что необстрелянные? Просто. Они первый раз увидели РПГ. Им показали, как работает подствольник, так они, как малые дети, набросились на автомат — и давай разглядывать его, пробовать заряжать и стрелять. Наделали немцам шухер, в общем. Работать с ними будет весело. Лишь бы только без трагических финалов.

Республиканские штрафники хохлов-немцев-укропов называют фашистами. Без обиняков.

16 сентября, 18:07

Затрѣхотило «ноги», которые выводили дембелей. Тяжёлый. Снайпер. Помимо дождя и холода был ещё тяжелораненый, которого несли.

17 сентября, 11:01

Ахмед говорит, надо молиться. «Раньше, — говорит, — я не молился, а теперь молюсь и буду молиться, когда вернусь. Если человек молится не только в момент опасности, а всегда, то Бог ему помогает».

Дали напарником штрафника Дёму. Тридцати ещё нет. Был ранен под Камышевахой в прошлом году. Вырезали 24 сантиметра кишок. Документы утеряны. Бумаг о ранении нет. Не смог доказать ранение, угодил в штрафники.

Таких историй у республиканских штрафников много. У нас тоже говорят: «Если придёшь без бумаги, что у тебя нет ноги, значит, нога у тебя есть».

Засыпает на посту. Второй напарник, который засыпает на посту. Пианист похрапывал, а Дёма попёрдывает. Так и воюем.

17 сентября, 12:33

«Ноги», позывной Дик, по дороге в госпиталь скончался.

Рутула вывели. Только что. Остальных из нашей команды собираются выводить либо сегодня вечером, либо завтра утром. Надо успеть выровнять своё душевное состояние. Немного мандражирую.

На Сердце Дракона перебили трубу, откуда шла вода.

18 сентября, 00:28

На базе.

18 сентября, 10:05

Вышли из Сердца в четыре с копейками. Разбились на две группы. Одну повёл Двадцать пятый — Давинчи, Прочерк, вторую Башкир — я, Костек.

В который раз прохожу с Башкиром Тропу ярости и готов ему памятник поставить за бережное отношение к нам. Памятник при жизни, что естественно. Тропу прошли аккуратно, не напрягаясь (лукавлю!), перебежками в сложных местах. Вторая группа тоже чисто отработала выход. На нуле ждал Рутул, которого вывели раньше. «Дяха, — закричал Рутул, увидев меня, — я молился, чтобы вы прошли тропу спокойно!» Спасибо тебе, брат, тебе и твоим молитвам.

Заход и возвращение с боевого похожи на русские горки. Дух захватывает.

В лесопосадке на выходе встретили Хриплого (зетовец). Боец, о котором ходят легенды. Дело было при взятии Сердца штурмом. Брали его группой в тридцать человек. Среди парней был Хриплый. Отбили быстро. Потом случился ответный накат. Пришлось отойти. Хриплый выйти не смог. Заныкался в подвалах и в течение десяти дней жил там. Таскал еду у немцев, переоделся в их форму, ходил по ночам, как у себя дома. Через десять-двенадцать дней Сердце отбили. Взяли Хриплого в плен, думая, что это хохол. Мордой в пол, все дела, а он кричит: «Парни, я свой!» Хорошо, что рядом были бойцы, которые знали его. А так могло произойти всякое.

На базе, даже не умывшись, побежал в штаб. Надо было отправить деньги малышам-сыновьям. Они уже давно не малыши, конечно. Только для меня они такие же малолетние детишки, какими были десять и двадцать лет назад. В штабе есть возможность переправить деньги через мобильный банк. Кинул на карточки по пятьдесят тысяч на новые ноутбуки Святославу и Ванечке.

Сходил в баню и таверну. Помылся, поел. Встретил Ковбоя. Говорю, дескать, Доберман увольняется, поставят тебя на баню, и будешь тут сидеть. Ковбой не оценил шутки. Ответил, что разведчик, а разведчиков на баню не ставят.

Сава покормил. Доберман подогнал новый тактический рюкзак. Мой вконец развалился. На предыдущем заходе лямки не выдержали веса и порвались. В этот заход связывал рюкзак верёвками, чтобы содержимое не высыпалась по пути. Неудобно. Спина устаёт.

Сава дал картошки, лука и кабачковой игры. Дома есть конина и тушёнка. Сейчас Рутул замутит вкусный обед.

С едой теперь всё хорошо. Не чувствую недостатка в мясе. Откуда берётся, не знаю. То один что-то принесёт, то другой. Холодильник не пустует.

Костек по возвращении опять нахрюкался до свиней. Пил с Прочерком. Прочерк ещё ничего, а Костек в нулину. С утра взял у меня последние шесть тысяч, обещался принести сигарет, колу, сникерсы и салфетки — решил собрать рюкзак на следующее БЗ, — но принёс только две пачки влажных салфеток и себе пива. Я разозлился. Отобрал у него пиво и вылил его.

Надо искать деньги, чтобы подготовиться к следующему выходу.

18 сентября, 15:08

Придумывают командиров, чтобы создать проблем простому солдату, а не решить их. После выхода на Дракона решил сходить подстричься и поправить бороду. Машинка у меня есть. Можно было бы самому. Только захотелось, чтобы женские руки пошебуршили голову. Женского тепла не хватает. В общем, чтобы подстричься, мне теперь нужно найти коменданта. Нашёл. Комендант

отправил искать второго человека, которому тоже надо подстричься. Одному ходить нельзя. Нашёл. Потом снова икал коменданта, чтобы отпроситься двоим. Нашёл. Комендант попросил подойти за ответом через полчаса. Подождали. Потом искали его, чтобы снова отпроситься. Нашли. Убил три часа времени, чтобы пройти пятьдесят метров до дома, где женщина из мирняка стрижёт солдат. Подстригся. На всё удовольствие пять минут. Три часа плюс пять минут.

«Я ваш командир», — говорит мне новый комендант Руха. Руха из добровольцев. Такой же, как мы. Сколько себя помню, сидит задом на складе. Теперь поставлен комендантом. Командир, блин. Подумал: «Ты же, Руха, обслуживающий персонал. Должен следить за тем, чтобы солдат из боевой группы был сыт, одет и здоров. Твоя работа — заботиться о солдате, решать его проблемы. Какого же ты, сукин сын, лезешь в командиры?» Подумал, но не произнёс. «Я — старшина», — говорит Руха. «Ты — гнида позорная», — подумал я. Подумал, но не произнёс.

После подстрижки вызвали в штаб проверить оружие. Там запалили с перегаром Прочерка. Отчитали Давинчи и разоружили всю команду. Сидим дома.

Сегодня удалось связаться с родными и близкими, которые, как оказалось, переживали за меня. Успокоил. Поговорил с Ошем. У него два ранения. Вроде оправился. «Но война, — говорит, — для меня закончилась». Кочевник тоже с ранением. Из госпиталя вышел. Ему неделя осталась до конца контракта. Главное, живы. Мне важно было знать.

Хочется хотя бы пару дней отдохнуть, полежать в одиночестве. Тяжёлое БЗ было. Но парней запалили с алкоголем, поэтому вряд ли дадут отдых. Здесь приходится одному отвечать за всех, а всем за одного. Такова унылая солдатская доля.

18 сентября, к полуночи

Комендачи забрали Прочерка. Сидели с Давинчи, ждали его до поздней ночи. Не дождались. Печальная история. Напился до свиней один, а запалили того, кто выпил немного, — чисто помянуть Дика.

19 сентября, 10:53

Чувствую себя опозоренным. Униженным. Почти две-сти дней на войне. Ни одного замечания от командования. Выполнял, чего бы мне это ни стоило, все поставленные задачи, и вдруг приходят комендачи и разоружают меня, потому что от кого-то где-то учуяли запах алкоголя. Невыносимо.

19 сентября, 12:37

На Сердце Драконе занимался воспитанием немцев. Бытовые проблемы мало меня касались. Ну, дров порубить или сходить за водой. Не более. Поэтому некоторые вещи обходили стороной моё внимание.

Я думал, что трубу, из которой мы набирали питьевую воду, накрыло очередным пролётом. Оказалось, что там просто закончилась вода, которая шла из резервуара.

Нашли выход воды из другой трубы. Надо было продырявить её, чтобы вода бежала мелкой струйкой. Газпром (мой поток) выстрелил по трубе. Вход маленький, а выход — большой. Труба ржавая. Отвалился огромный кусок, и вода хлынула потоком. Дыра настолько крупная, что не смогли закрыть её. Теперь течёт постоянно и будет течь, пока не закончится в резервуаре. А без воды на Сердце будет очень тяжело.

Опять зуб мудрости расшалился. Со вчерашнего вечера покоя не даёт. С утра выпил уже две таблетки. Боль не проходит.

Давинчи так разнервничался из-за того, что Прочерка запалили с алкоголем и увели, что затемпературил. Ещё и сердце, говорит, схватывает. Давинчевское сердце, не драконье. Прочерк пока не возвращался. По всей видимости, в яму посадили.

19 сентября, 13:20

Вызвали к командиру Давинчи и Костека. Меня не дёр-гали. Минут через десять вернулся Прочерк. Ночь просидел в яме, а с утра получал пряники от командира. Костека не сдал. Грудь от пряников болит.

Вернулся Костек. Сказал командиру, что не пил. Обнюхали, поверили.

Вернулся Давинчи. С предупреждением. Ещё один залёт у нашей штурмовой группы — и пойдём на немцев одни, без поддержки. Давинчи выматерился и сказал: «Пусть дадут отдохнуть пару дней и отправляют куда угодно. Пуганые...»

19 сентября, 19:09

Прочерка отправили рыть блиндаж на нуле. Надеюсь, на этом наказания закончатся. Оружие нам пока ещё не отдали. Мне стыдно выходить со двора. Я на войне уже сто лет в обед, и меня разоружили, как долбанного пяти-сотого. Позор.

20 сентября, 10:42

При командирах вид у меня по Петру Первому — глуповатый. Мягко сказать. Особенно при штабных. Но я не

специально становлюсь таким. Только вижу какого-нибудь новоиспечённого, сразу тупею. Теряюсь. Блуждаю в собственных мыслях без желания возвратиться в мир обетованный.

Когда ходил сверять номер автомата, долго не мог разобраться, почему не вытаскивается боёк. Скинул крышку и тупо смотрел на содержимое, пару раз безрезультатно попытавшись его вытащить, — не снял с предохранителя, потому боёк не поддавался. Штабной смотрел на меня и удивлялся, должно быть: сержант из боевой группы не умеет разбирать автомат. Да, я бы сам впал в изумление, застань подобную картину. Он смотрел на меня, смотрел, а потом не выдержал: «Сержант, снимите с предохранителя!»

Рядом с командирами не справляюсь с элементарными задачами. Но мной можно рулить. Идеальная безропотная машина. Задача — выполнение задачи, задача — выполнение задачи. Лишь бы только командир был с головой и умел правильно руководить. Потому что если командир при виде меня тупого становится таким же, то делу швах.

Да, крик не переношу. То есть вообще. Могу в морду дать, когда на меня кричать начинают. Не взирая. Потом буду сожалеть, конечно, только это не меняет первичной реакции, потому что она неосознанная, на рефлекторном уровне.

Совершенно иначе, когда я один, вне доступа. Мой мозг работает лучше высокоскоростного компьютера. Чётко определяю задачи, распределяю силы и с лёгкостью решаю сложнейшие вопросы.

Мне тяжело работать в большом коллективе. Коллективной ответственности не переношу. Это происходит, скорее, от недоверия. Слишком часто ходил без вины

виноватым. Вот и сейчас разоружили за проступок, который бы в жизни никогда не совершил. Нечеловеческий стыд.

Могу работать на коллектив, но только находясь в своём чётко очерченном кругу, на территорию которого никто не заходит.

Оружие до сих пор не вернули. Съездили загрузили-разгрузили машину с водой. Без автоматов. Кастраты. Мне надо что-то делать, иначе я загрызу сам себя. Вернусь к приседаниям. Доведу количество до пятисот.

20 сентября, 17:09

Болезненное состояние из-за переживаний и зуба мудрости, который не даёт покоя. Опять ломота в суставах. Если бы зуб не беспокоил, я бы не переживал. Уже привык. Научился справляться. Но зуб... Это нечто. В боевых условиях невыносимо. Мозг отключается, ничего не соображаешь, силы покидают. Собраться не могу. Разобран полностью. Таблетки ем одну за другой. Не помогают. Аппетита нет. Плюс ко всем проблемам — стул потёк. От таблеток, наверное. Не до приседаний. Хорошо бы уснуть.

20 сентября, 18:29

Кажется, дневник начинает управлять моим сознанием. Стоило пожаловаться ему, как недомогание рукой сняло. Зуб перестал болеть. Будто заново родился. Только я бы не хотел превращать свой дневник в жилетку для нытья.

Давинчи предложил по-быстрому сварганить еду — макароны с тушёной, видимо заметив, что я со двора вообще перестал выходить, — мне стыдно без оружия

в таверну идти. Костек сбегал к Саве, взял макароны. Тушёнка у нас была. Гуманитарка парням приезжала, угостили.

Командир отряда на первом построении предупредил, что, если узнает о том, что кто-то барыжит гуманитаркой, расстреляет. На первом круге случилась дикая история. Нуб — молодой мальчишка, сирота — пробил гуманитарку из фонда «Омск — фронту». Привезли целую машину. Часть привезённых вещей Нуб раздал парням, а часть начал продавать. Своим же. Бабушки последнюю пенсию отдавали, чтобы помочь доблестным, а доблестные торгуют этой помощью. Есть в этом поступке запах загнивающего нутра.

Под конец контракта парни криво смотрели на Нуба. Но лицо не били. Сидим как-то с Ермаком, обсуждаем ситуацию. Он говорит, мол, если побьём, побежит к командиру и пожалуется. Старики бедного сироту отлупили. Вот и терпели. Ош связывался с фондом ветеранов СВО. Ему сказали, что «примут пассажира» по возвращении. Скорее всего, «не приняли», иначе бы знал. Подлость осталась ненаказанной. На втором круге — хвала командиру отряда — ничего подобного не происходило. Командир сам бы разобрался. Сирота — не сирота. Если подлец, то быть тебе битым.

Поели и совсем расцвёл. Через полчаса ещё раз поел.

Зашёл в гости Смайл. Меня пробило на шутку. Говорю ему, что пошли нехорошие слухи, будто у тебя депрессия, ты ни с кем общаться не хочешь, лежишь в дому на кровати, с головой накрывшись одеялом. «Ты, — говорю, — держись!» Смайл впал в недоумение. Застыл. Смотрит на меня и глазами хлопает. «Но я, — продолжаю, — на такие слова отвечаю, что ты разрабатываешь новый план по моментальному взятию Киева, Варшавы и Вашингтона». Смайл заулыбался.

21 сентября, 09:22

Настоящий вкус к жизни приходит на войне. Вдруг понимаешь, насколько дороги люди, окружавшие и окружающие тебя. Хочется бесконечно долго смотреть на них, слушать. Мелкая суэта, лёгкие проблемы — становятся самоценными. Казалось бы, незначительные события, ситуации, разговоры складываются в единое целое, становятся чем-то большим, космически огромным, необъятными. Прижимаешься к ним всем телом, всеми своими мыслями, будто котёнок, ластишься, ловишь дыхание над собой. Ты — часть вселенной. Крупица, щепотка, но всё же часть всего этого огромного, чистого, светлого мира.

21 сентября, 10:20

Переживаю за Сердце Дракона. Зетовцы вышли. Остались штрафники и наше подразделение. В своих уверен. Штрафники вызывают сомнение. Неорганизованная кучка парней, разрозненная, не умеющая жить и работать в составе одной команды.

Зетовцы привыкли существовать в общности людей с чётко распределёнными обязанностями. Так называемые блатные, которые на войне тащат груз командиров, не похожи на киношных блатных, бегающих с заточками и поигрывающих чётками. Это смелые парни, взявшие на себя ответственность за «мужиков», заботящиеся о них, организующие быт, пространство, ведение боевых действий и берущие на себя выполнение самых опасных задач.

У штрафников этого нет. Каждый сам за себя. Давинчи рассказал по возвращении. «Остался, — говорит, — у меня сникерс. Положил его на общий стол. Ну, — говорит, — думаю, парни, как это было принято раньше,

разрежут на десяток частей и съедят каждый по кусочку. Смотрю, — продолжает, — подскакивает к столу один из штрафников, хватает сникерс, разворачивает и запихивает его целиком себе в рот. Я, — говорит, — даже остолбенел от такого поворота. Слов не было, чтобы вслух оценить ситуацию». В этом поступке суть штрафников.

На первом круге в период затишья парни пытались сформировать нечто похожее на общность людей, живущих по лагерным законам, с которыми были знакомы по фильмам. Выстраивали иерархию, искали козлов отпущения, поигрывали пальцами и прочее. Понты, одним словом, детские понты. В мужском коллективе случаются подобные глупости.

В представлении обывателя, крутой лишь тот, кто меньше всего делает и больше всего командует, при том что умеет перекладывать ответственность за дурное командование на людей, которые входят в обойму его подчинения. Манера разговоров походила на штампованные разводки, когда каждый пытался выставить дураком своего собеседника. Результатом были интриги, мелочность, склоки, бабские сплетни за спиной. Ничего хорошего из этого не вышло.

Если первые два месяца мы ещё ходили на единую команду, то за последний месяц рассыпались. Да и сам я чуть было не потерял веру в людей, пришедших защищать Отечество. Вылезла вся грязь, которая таилась глубоко внутри. Хорошо ещё, что третий, последний, месяц контракта, когда это происходило, мы сидели на задах и, по сути, не участвовали в прямых столкновениях с немцами.

Зетовцы — идеальные воины. Сплочённые одной причиной выхода на тропу войны — свобода. При том что любви к Отечеству в них не меньше моего. Они умеют

самоорганизовываться и распределяться по тем способностям и возможностям, душевным и физическим, которыми обладает каждый из них. Слабого никогда не пошлют вперёд. Про мобиков ничего не скажу. С ними почти не сталкивался ни на первом круге, ни на втором.

С добриками, с нами, есть проблемы. Мы по разным причинам на войне, оттого бываем разобщены. Кто-то пошёл из-за денег, кто-то от скуки, кто-то был ведом чувством долга и любовью к Отечеству, а кто-то заблудился в дебрях жизни так, что видел войну как единственную возможность выхода из них. Такие сливаются в единое целое только в момент смертельной опасности. Но в случае послабления, разряженной ситуации, не таящей в себе ничего сложного и страшного, рассыпаются.

Кубань вышел на Дракона.

21 сентября, 15:55

Вернули оружие, будто оторванный член сызнава прирастили. Надо почистить, привести в должное состояние.

21 сентября, 21:15

Малыш на отдых с позиции артиллеристов приехал. Зашёл на чай. Рассказал, что наши миномётчики и птичники расширяются. Гуманитарщики помогают наращивать птичью мощь, а миномётчики планируют дорости до батареи.

Малыш работает по тем немцам, которые прямо напротив меня сидят — в тридцати метрах. Смеюсь, говорю: «Аккуратней работай, чтобы своего боевого товарища не задеть». «Учимся, — отвечает, — книжки привезли, читаем, наводим, стреляем. Сейчас, — добавляет, — свою

птичку запустим, чтобы не через третьи руки корректировать, и тогда вообще чётко будет».

Наши воины натовских академий не оканчивали. Учатся воевать не за школьными партами, а прямо на боевых позициях. Бесценные знания, полученные с потом и кровью.

Малыш большой, счастливый. «Доживу, — говорит, — до дембеля, заключу контракт и снова пойду, на год». Ноги у него плохо работают, дышалки нет, а с миномётами, говорит, справляется.

22 сентября, 06:43

Малыш показывал карту с размещением наших войск. Мне казалось, мы тут одни, как бедные родственники. Это не так. Позади нас развернулись с десятков других подразделений. Либо крутой замес готовится, либо ещё что неведомое простому солдату. Но в любом случае у меня будто спина в панцирь оделась. Теперь уверенности больше в том, что наш участок не пробьют и мы не подведём матушку Россию.

По карте увидел, что моя позиция на Сердце Дракона самая ближняя к хохлам. Появилась гордость за себя. Вот какой красавчег я! Иной бы испугался, а у меня гордость появилась, дескать, есть во мне польза Отечеству. Неисправим.

Прочерк, по-моему, догадывается, что я имею какое-то отношение к литературе. Говорит: «Если будешь писать о нас, то пиши правду». Только правда у каждого своя, да и не думаю, что моя война похожа на войну того же Прочерка.

Мы живём каждый в своей реальности, и войны у нас разные. Сколько человек на войне, столько и войн. Сотни тысяч войн с одной стороны и сотни тысяч — с другой.

Никому и в голову не придёт, что я, допустим, место, куда мы выходим на боевое, называю Сердцем Дракона. Скажи кому, так пальцем у виска покрутит, подумает, что совсем чокнулся.

Теперь постоянно троллю Костека. Он говорит: «Холодно сегодня...» — «А ты водочки выпей, согрейся!»; «У меня понос!» — «А ты водочки выпей, закрепит!»; «Уснуть не могу...» — «А ты водочки выпей!» Бедный Костек. У него теперь на всю жизнь аллергия на алкоголь. Хотя... вряд ли.

За кого думаю, так это за Китайца. Если вернётся с войны и бухать начнёт, всю свою жизнь в унитаз спустит. Дочка у него и жена, и, по всей видимости, он сильно любит их. Китаец человек хороший. В каком-то смысле благородный, по-мужицки благородный. Только без тормозов, когда дело до рюмки доходит. Прямо как я в своей безбашенной молодости.

У Китайца туберкулёз. Отвезли в госпиталь.

22 сентября, 09:27

Снова пополнение прибывает. Нас много, и мы в тельняшках. Без крутого замеса не обойдётся.

Дембелей отправили лес валить, чтобы не бухали под финал. С дембелями поехали Рутул и Костек. Ах-ха, они планировали сегодня обналичить денег и закупиться жрачкой, сигаретами и прочими прелестями солдатской жизни. Не судьба. Меня и Давинчи пока не трогают.

22 сентября, 12:58

Тарелок в таверне не хватает. Отнёс стопку Саве. Пусть хорошенько накормит «молодых».

Грецкие орехи начинают осыпаться. В Москве дорогие, редко балую себя, а здесь на дороге валяются никому не

нужные. Подошёл к дереву, задрал голову, крикнул: «Хочу орех!» — и посыпалось. Один, другой, третий... будто не солдат я, а волшебник.

Орехи в зелёной кожуре. Она открывается, делясь на четыре части, и грецкий орех вываливается. Вкус не такой, как в магазинах. Неожиданный. Нежный. Орех во рту тает, связывает язык. Вкус детства, аптеки, йода, разбитой коленки. Интересное сочетание.

Включил радио и попал на передачу, где родные посылают приветы своим любимым солдатам. Слезы на глазах. Ещё чуть-чуть — и ревмя зареву. Хорошо, что меня никто не видит.

Сколько любви принесла война, сколько любви! Люди никогда так не любили, как любят сейчас. Война разбудила любовь, затихорившуюся глубоко внутри каждого из нас. Как же нам не хватало её. Пришлось кинуть на покорёженный от бесконечных обстрелов алтарь сотни тысяч человеческих жизней, чтобы вспомнить, для чего мы рождены. Для любви.

22 сентября, 17:30

Хрень в том, что я действительно хочу вернуться на Сердце Дракона. Мне скучно в располаге. Всё ли со мной в порядке?

Опять сделал запись такую же, как в прошлый раз по возвращении с БЗ, а завтра, наверное, так же, как в прошлый раз, сотру. Нет, не буду стирать.

23 сентября, 06:27

Вечером переселили в наш домик Бабая (дембель) и Князя (мой поток). Освободили жильё для пополнения. Бабай и Князь работали на окопах. На мой взгляд,

самый сложный участок. Для понимания сложности: до позиций немцев пятьдесят-сто метров. Группа роет окопы, блиндажи, оборудует огневые точки для пулемётчиков и штурмовиков, а так же пробивает путь для «ног» и для захода на наши позиции парней из обороны. Туда отправляют, как правило, залётчиков, чтобы дурь из головы выбить. Бабай и Князь залётчиками не были. Просто карта легла так. Работали на окопах вместе с Ахмедом. Бабай — старший группы.

У Князя после сорока пяти дней на окопах варикоз. Начальная стадия. Отвезли в госпиталь. Он пробыл там пару дней. Говорит, что врачи ничего не делали. Спросили, дескать, как себя чувствуешь. Ответил, что хорошо. На этом лечение закончилось. Командир переведёт его в комендантский взвод. Князь в полицаи не хочет. Но тут уже деваться некуда. Есть опасность тромба. На постах на базе месяц простоит, а по возвращении на большую землю полечится.

Князю тридцать пять. Трое детей. Физически хорошо сложен. Черты лица резкие. Скуластый. Вспыльчивый.

Вспыльчивость — основная черта характера наших парней. Этим отличаюсь от них. С виду совершенно спокоен. Хотя Ковбой тоже достаточно спокоен, даже немного флегматичен, и Смайл, кстати, все свои негативные эмоции превращает в улыбку.

Князь поругался на Ахмеда. Рассказал, что тот рыл лисьи норы в песке, поэтому его при бомбёжках засыпало, а Князю приходилось откапывать. Ахмед, такой Ахмед. Пастух, не воин. Но то, что он здесь, на войне, и то, что в момент опасности он добровольно пошёл защищать Отечество, — делает его большим героем. Правда, Князю этого не объяснить, потому что вместо того, чтобы рыть окопы, ему частенько приходилось откапывать Ахмеда.

Когда отправлял сообщения с общего телефона Петру Лундстрему, Аничке и Аруте, барышня Князя бесконечно звонила и писала: «Не молчи, ответь, не молчи!» Видимо, не знала, что телефон общий. Пришлось ответить за Князя. Сказал, что он жив-здоров, в строю, чтобы не волновалась. Потом рассказал об этом Князю. «Сходи, — говорю, — напиши ей». Князь отмахнулся, дескать, надоела. Женщины даже на войне могут добить своей заботой. Смеюсь. По-доброму смеюсь. С поклоном и уважением к нашим заботливым женщинам.

Зашёл в домик к парням. Там теперь по углам вещи, рюкзаки, сумки, чемоданы. Говорю Бабаю: «Никогда не видел в доме столько вещей!» «А фигли, — отвечает, — дембель заехал...»

23 сентября, 10:44

С пополнением прибыли чеченцы. Давинчи привёл одного из них познакомиться. Рослый парень с густой чёрной бородой а-ля Яковлев из фильма про Ивана Васильевича, который менял профессию.

Чеченец поздоровался, кивнул на шеврон с позывным Азазель и добавил: «Компьютер выбрал!» Раньше был у музыкантов. Прошёл Африку. Охранял шахту с алмазами. «Замес, — говорит, — один раз только был, да и то, — говорит, — не замес, а так. Приехали на мотиках четырнадцатилетние негритосики с автоматами, перевязанными верёвкой и проволокой. Мы их отловили, пряников надавали и отпустили. Негритосики знают по-русски только “Дяденька”, “Не убивать!”, “Заставлять!”, “Я любить русский!”. Чего, — говорит, — с них взять? Пинками по задницам отогнали. Автоматы отобрали, они плачут: “Дяденька, автомат отдать!”».

Азазель приехал к нам в подразделение две недели назад. Всё это время торчал на базе автоботов. Крутил гайки. «Какой-то полковник, — говорит, — ходил надо мной: “Там подкрути, там”. Я его послал: “Здесь нет полковников, только командир. Хочешь быть полковником, иди к мобикам”».

Азазель попросился от автоботов к нам, на передний край. Хочет либо к миномётчикам, либо на высоту с пулемётом работать. Первого чеченца вижу с желанием пойти на передок. Не везло мне с ними. Попадались раньше мягкотелые. Начинал разочаровываться.

На первом круге у нас были чеченцы. Так они чисто тикток войска. Прибегали после штурмов и фотографировались на фоне опорников, которые добровольцы брали.

Азазель стоял у винограда, срывал ягоды и ел. Давинчи показал ему место, где ягоды вкуснее и слаще. «Люблю кислые. Вино люблю. Правда, — сказал, — нам нельзя. Ягоды поем...»

Его отец в Первую чеченскую воевал против России. «Глупый, — говорит, — да простит меня Всевышний. Чечня не выживет без России, сожрут её».

23 сентября, 19:12

Давинчи отправили на вторую базу к автоботам. На сохранение. На БЗ больше не пойдёт. Командир вызвал его, поблагодарил за хорошую работу и сказал, чтобы собирался. Давинчи пришёл ко мне: «Теперь ты, Огогош, старший группы, а я всё, на отдых». Посидели с ним, поболтали немного, обнялись по-братски и попрощались. Давинчи выдохнул.

Из «старичков» осталось двое: Костек и я. Прочерк на окопах, копает. Залётчик. Мне в группу добавили троих

«молодых». Чик, Комерс и Шакай. Группа по-новой укомплектована.

В пять вечера прибежал с большими глазами Костек: «Мы на БЗ, собираемся!» — «Команды, — говорю, — не было». — «Ты без рации, передали через меня!» Ок. Костека отправил в магазин за куревом, а сам с парнями потихонечку начал собираться. Вспомнил утреннюю запись в дневнике. Как по заказу.

«Молодые» ко мне обращаются «командир»: дескать, командир, а что лучше брать? А как одеться? Командир то, командир сё. С умным видом посоветовал брать минимум, одеться тепло. Рассказал в двух словах о том, где мы будем. Молиться, сказал, — можно, бояться — нужно, а вот паниковать — нельзя. Собрались.

Костек принёс сигарет и сникерсов. Упаковались. Повёл парней за аптечками и пайком. Аптечки выдали. Стою жду паёк. Не дают. Говорю: «Давайте паёк». Руха: «Тебе есть нечего?» — «Мы на БЗ». — «Чья группа?» — «Моя». Руха перекрестил нас, дескать, не повезло, сочувствую, а потом, увидев, что я нахмурился, произнёс: «Я пошутил...» Человек, сидящий задом на солдатских пайках, не знает, что так шутить нельзя. Ладно, проехали. В общем, пока дали моей группе отбой. Можно было без шуток. Похоже, у меня аллергия на людей с мозгами прапорщиков.

Вернулись с парнями в домик. Костек закашеварил ужин. Будем есть и знакомиться.

23 сентября, 20:19

Днём заходил в штаб, где дежурит Калуга. Калуга пожаловался, что устал в комендачах сидеть, хочет на Дракона. «Но, — говорит, — я не добегу. Это, — говорит, — будет дорога в один конец». «Так нельзя, — возмутился, — дорогу осилит бегущий. Просто берёшь и бежишь».

После смены Калуга пошёл к командиру и попросился на БЗ.

Сидим в домике с Князем обсуждаем его поступок. Они с одного района. Знакомы с гражданки. Родня Калуги ругает Князя, поскольку думает, что это он вытащил Калугу на войну.

Князь не хочет, чтобы Калугу брали на БЗ, говорит: «Случись с ним что, меня живьём закопают. Калуга ложками ест соль, чтобы отёчность ног не спадала и чтобы не отправили на Дракона, а здесь его перемкнуло, и он решил сам попроситься, — Князь ругается. — Сидел бы, — говорит, — на попе ровно и сидел. Вот чего он?»

Цирк, а не люди.

Бабай лежал рядом, слушал нас и не выдержал: «Князь, не переживай за него! Он ещё нос тебе утрёт! Вернётся домой в орденах и медалях. Будет ходить по раёну гоголем-моголем, не подступишься».

24 сентября, 06:17

Не понимаю своего состояния. Либо слишком спокоен, либо слишком взволнован. Вроде расслаблен и в то же время напряжён. Месяц будет тяжёлым, потому что тосковать по дому начинаю. Чрезмерно.

Мир на войне меняется каждую секунду. Ждёшь чего угодно.

Хм... мир на войне. Интересное сочетание.

Спал хорошо. Выспался.

Скучаю по своим любимым малышам. По друзьям скучаю. По родным. По женской нежности. По дивану своему скучаю тоже, по тёплой ванне, по берёзовой роще. У меня дома под окнами берёзовая роща, сказочная. Столько тёплого, весёлого, хорошего связано с ней. Сейчас она

потускнела. Через недельку завьётся багряным пламенем, потом оголится, а под финал года накинёт на себя пуховое одеяло, чтобы спрятаться от зимнего холода.

24 сентября, 16:42

В девять утра прозвучала команда: «Десять минут на сборы по боевому». Вчера уже были собраны. Сразу выскочили.

Мозги прапорщика начал пугать, дескать, с двух ночи бомбят Сердце, вот-вот накат пойдёт. Не слышал я, чтобы бомбили как-то по-особому. Обычно. Так бомбят каждый день и каждую ночь. Мозги прапорщика под это дело насовал нам лишнее БК. Загрузил чрезмерно.

Встретил Ленина. Ленин увидел, что иду без плит. Скривил рот. Я похлопал его по плечу:

— Жизнь одна, и прожить её надо с высоко поднятой головой.

Второй выход без плит. Нужна скорость, а не липовая защита. Скорость спасает. Плиты — нет.

Машина подъехала близко. Быстро дошли до нуля. Погода сносная. Ни холодно, ни жарко.

Сказали пока разместиться в блиндаже и ждать ноги. Велел парням скинуть в блиндаже лишний груз. Нам ещё бежать не пойми под каким огнём. На точке БК много, а лишний вес — это ещё один шаг в сторону смерти.

25 сентября, 12:12

Телефон перед выходом не успел зарядить. Повербанк не взял. Включать телефон и записывать буду реже.

До трёх ночи сидели в блиндаже. Замёрзли. Толком ничего не ели, потому что горелки с собой не брали и не знали, на какую точку идём.

В три часа ночи поступила команда, что идём дальше, на Драконьи Кишки. Я там был в свой первый выход.

Ночь — коли глаза. Дошли до перевалочного места. Немцы начали накрывать кассетными тропу. Дали нам проводника из союзников — хромого, больного, который только-только начал работать ногами. Напрягся. Костек отказался идти с ним и по темноте. Я подумал и сказал, что пойдём либо все, либо никто не пойдёт. Передали по рации командиру, что ждём на перевале затишья.

Чуть рассвело. Через час увидел Иглу. Он выходил из Кишок. Спросил у него: «Как тропа?» «Пулемёт, — ответил, — не работает, и птичек нет». Я выдохнул, кивнул проводнику, дескать, надо выдвигаться, и мы побежали.

Зашли хорошо, без особенных приключений, но только заскочили в Кишки Дракона, тут же по входу прилетела кассета. Посыпался горох. Бух, бу-бу-бу-бу-бу...

Из Кишок вышли зетовцы. Передали по радейке, что еле дошли до жёлтой зоны. Накрывало. Потерь нет.

На Кишках много парней. Позиция расширилась. Добавились две огневые точки. Пока отдыхаем, ждём, когда распределят.

25 сентября, 16:58

Переместились группой из четырёх человек на свою позицию. Пятый из группы, Комерс, будет работать «ногами». Заботиться о доставке продуктов, БК и воды.

Кишки у Дракона длинные. Здесь, на точке, несколько парней из другого подразделения. Мы пришли как усиление на небольшой Отросток от основной Кишки. О задачах и боевых действиях не пишу. Правило трёх «нет».

Поселились в бетонной трубе, устроили себе лежанки для отдыха. Костек улёгся и начал считать дни до конца нашего контракта. Я стараюсь не думать о доме.

Тяжелее всего на выполнении этого боевого задания будет Чику. Он под метр девяноста ростом. Легче всего Костеку, потому что он до метра пятидесяти не дотягивает. Нет, дотягивает. Говорит, что метр пятьдесят пять.

26 сентября, 07:32

Помню, что Бог не даёт переживаний и трудностей больше, чем человек способен вынести. Помню, и всё равно невыносимо тяжело. Каждый новый день приносит нестерпимую боль. Парни откалываются, ломаются, пятисятся. А я стою, как истукан, на своём и ненавижу себя за мысли, что устал, не справляюсь, надо сломаться, чтобы выжить. Нет, я не ломаюсь. Жить сломанным не смогу.

Два дня почти не ем. Еда есть. Не ем, потому что существует реальная проблема туалета. На отростке по-маленькому ходим в баночку и через дырочки аккуратно выливаем. Чтобы сходить по-большому, надо перебежать метров десять по обстреливаемой территории. Выбор невелик. Либо меньше ешь, либо больше рискуешь.

Спим на камнях, которые сложены в мешок. Не так жёстко, как на бетоне. Спальник есть один, летний. Мыши наглые. Впрочем, мыши везде наглые. Говорят, тут бродит по ночам выдра. Пока не видел. Солнце пробивается только в одну пятикопеечную щель. Нормального солнца дней десять не увижу.

Бомбёжки не страшны, накатывает тоже. По ряду причин. Озвучивать не буду даже дневнику. Но не расслабляемся. Напрягает, что немцы стали усиленно бить по тропе.

Боженька милостивый, сжался.

26 сентября, 11:05

Давинчи мог сломаться. Был на грани. Пылил в последнее время слишком уж много. То ходит молчит, то

внезапно взрывается. После того как его откомандировали на базу в город, куда отправляют в основном пятисотых, была мысль, что сломался. Я ведь не слышал его разговора с командиром, да и когда пришёл ко мне сказать, что его снимают с боевых, смотрел на меня виноватыми глазами. Но причин для виноватых глаз пруд пруди. Не только из-за того, что запятисотился. Может, он так досвиданькается, дескать, прости за всё, в чём был и не был виноват. Вполне. В общем, мне бы не хотелось когда-нибудь узнать, что Давинчи слился.

26 сентября, 16:32

Мы сегодня молодцы. Группа отлично поработала. Хорошо, что у нас есть малюсенький Костек, который в любую трубу пролезть может и сделать там всё, что нужно группе.

С утра было плохое настроение. После работы настроение поднялось по десятибалльной шкале на твёрдую восьмёрочку. Минус два балла на самокритичность.

Чика с собой не брали. Он слишком крупный для выполнения задачи. Оставили на рации. Да и ночью кому-то надо будет подежурить, пока мы отдыхаем.

Вернулись на точку в целости и сохранности. Проголодались. Костек тут же слопал банку тушёнки. Я решил подождать, когда местный повар, Ра, сделает что-нибудь съедобное.

На всякий случай выпил таблетку. Спина может поплыть. Остальное в норме.

27 сентября, 08:34

Как ни странно, тело не так сильно болит после вчерашних нагрузок. Удивительно.

Вечером с Томасом (зетовец) — старшим на позиции — дежурили, смотрели кино и играли в слова. Томас показывал ролики и фотки, на которых он с друзьями и сослуживцами.

Томас с самого начала на Отростке. Участвовал в весенних штурмах Сердца. Потом разведывал прилегающую территорию. Здесь окапывался, ставил огневые точки. Отсюда кошмарил и продолжает кошмарить немецкие позиции. Сейчас ему дают усиление, потому что появилась возможность выставить наблюдательный пункт недалеко от его владений. Надо только оборудовать.

У Томаса здесь, на позиции, есть повербанк. Поэтому сейчас пойду кину телефон на зарядку и ещё что-нибудь напишу.

Дополнение. Дополз до банки, она села. Зарядить телефон не удалось. Попозже придумаем чего-нибудь. Надо будет сползать на Кишки Дракона. Там генератор стоит.

Настроение ровное.

27 сентября, 10:32

Томас достал запасную банку, чуть зарядился. Утро спокойное. Относительно. На войне вся жизнь относительна. Трудно что-то сказать или написать без этого слова.

Чик увидел, что я периодически включаю телефон и ковыряюсь не в игрушках и фильмах, как многие, а в вордовских файлах.

— Книгу пишешь, командир?

Чик называет меня командиром. Редко по позывному. Тут люди привыкли к такому обращению и начали ко мне обращаться так же. Хотя я, в общем-то, никакой не командир. Всего лишь старший группы.

— Нет, — ответил, — просто слова гоняю.

Книгу... Хм... Даст Бог выжить и вернуться, можно будет из всего этого сделать книгу. «Дневник добровольца». Обмозгую.

Костек задрал голову к бетонной крышке и мечтательно произнёс:

— Двадцать седьмое сентября... Вот бы побыстрее было двадцать седьмое октября...

— А что мне от этого? Я мечтаю о восьмом. О восьмом октября, — сказал Ра, — у меня в этот день заканчивается контракт.

Каждый думает о своём дне. Я тоже о своём. Вернёмся и будем скучать о времени, проведённом на войне. Здесь случаются совершенно райские минуты, когда кажется, будто на землю спустился мир и больше никто никогда ни в кого не выстрелит. Солдат — самый миролюбивый человек на свете.

— Соберёмся, — говорит Ра, — огородимся ото всех мешками и будем спокойно жить. Кто не хочет войны, милости просим, кто хочет, тот пусть идёт по другую сторону мешков и там стреляет.

27 сентября, 17:34

Сегодня молодцы в два раза больше вчерашнего. Вышел на точку один подготовить место, чтобы парни подтянулись и сразу приступили к выполнению поставленной задачи. Спокойно, размеренно, ничуть не напрягаясь. Сделал, что планировал, минут за тридцать, смотрю, парни ползут. Далеко в трубе замерцали фонарики. Доползли, обмолвились парой фраз и приступили. Четырёх часов хватило на выполнение.

После трудов праведных вернулись в Отросток. Довольные и счастливые. Вскипятили чайничек, разлили по кружке кофе. Одно удовольствие. Есть жизнь на войне.

С молодыми приятно работать. Они не ноют. В присутствии меня, по крайней мере. Видят, что я на позитиве, улыбочив и прост и сами делаются такими. Было бы смешно, если бы двадцатипяти-тридцатилетние парни начали скулить рядом с пятидесятилетним мужчиной, который трудится наравне с ними и не жалуется.

Чика с собой не берём, он работает на рации, бегают за едой и водой. Там, где мы ползаем, он будет мешать — слишком высокий. А человек на рации всё равно нужен.

Сейчас приготовим ужин, наедемся от пуза и выйдем на ночное бдение. Ни минуты покоя, и это прекрасно.

28 сентября, 08:25

Сны разгадывать не умею. На гражданке, если снилось что-то невероятное, лез в интернет читать сонники. Разные сонники одни и те же сны трактуют по-разному. Доверия нет. Есть любопытство. Мозг человека так устроен, что хочется заглянуть в будущее.

Снилась авиакатастрофа. Мы со старшим сыном сидим дома. Интерьер напоминает дачу в деревне Челобитьево. Было у нас когда-то там полдома плюс несколько соток. В небе взрыв — и обломки самолёта падают прямо на наш участок.

Кто-то из домашних — отчётливо не помню кто, но точно женщина — хватает шланг и начинает поливать горящие обломки, похожие на диван. Я слышу плач новорождённого. Мы со старшим сыном кидаемся к дымящемуся дивану и вытаскиваем из него младенца.

Младенец с пуповиной, в слизи. Глаза большие. Он-кряхтит у меня на руках, перебирает ножками, ручками.

Я говорю старшему: дескать, подарок небес, будем воспитывать. Старший, Ванечка, смотрит на меня преданными глазами и кивает головой.

28 сентября, 09:09

Сбегал по большим делам. Перевёл дух.

Берёшь зелёный мусорный пакет и немного влажных салфеток. Пробираешься к выходу и слушаешь, не летает ли птичка. Солнце слепит глаза. Тихо. Слышны только дальние прилёты. Птички нет. Выбегаешь на свежий воздух и метров семь бежишь до трубы, где доблестные русские воины делают большие дела. Ныряешь в неё. Проходишь вглубь десять метров от края, на всякий случай, чтобы не задело ВОГом или ещё чем. Достоешь пакет, снимаешь штаны, засовываешь пятую точку в пакет, пыжишься и переводишь дух. Затем протираешь пятую точку салфетками, кидаешь их в пакет, завязываешь. Дальше с облегчённым видом надеваешь штаны и пробираешься к концу трубы. Присаживаешься на корточки, слушаешь. Птички нет. Выныриваешь из трубы и бежишь к Отростку. По дороге отшвыриваешь пакет с отходами жизнедеятельности куда-нибудь подальше. Всё. Ты свободен.

28 сентября, 16:25

Не буду каждый день писать дневнику, что парни молодцы. Он об этом и так хорошо знает.

Сегодня без обезболи. Организм сам тащит.

Час назад был шум у входа в Отросток. Шум слышали, но никого не видели. Дай Бог, чтобы просто заяц прошмыгнул. Парни напряглись. Инфу передали по радейке. Шуманули.

Комерс — сломана рука, порван трицепс. Прилёт. На Сердце Дракона один триста. Из молодых. Осколок от кассетной.

29 сентября, 09:03

Ночь напряжённая. Много стреляли. Но я спал спокойно. Уверенности придала кошка, вдруг откуда ни возьмись появившаяся вчера вечером в Отростке. Опять трёхцветная. Приносящая удачу.

Вышел на ночное бдение. По ногам что-то скользнуло. Подумал, мышь или крыса. Смотрю — Трёшка. Обалдел. Это нереально. От Отростка до Сердца метров четыреста-пятьсот по прямой. По моим прикидкам. Трёшка не смогла бы пройти. Да и привыкла она к Сердцу, бежать через поле не стала бы.

Ночь, ничего не видно. Осветил кошку фонариком. Нет не Трёшка. Трёхцветная, но не моя Трёшка. К тому же с пузиком, ждёт котят. Для Трёшки ещё рано. И всё же удача как трёхцветная кошка преследует меня по пятам. Лишь бы не сглазить. Тьфу-тьфу-тьфу.

Движение, которое было у входа в Отросток, скорее всего, от неё.

В два ночи передали по радейке, что опять замечено движение около нас.

— Томас, шумани из граника.

— Я не Томас, а Томаш. Ночью шуметь не буду, спалим позицию.

Томаш, который был раньше Томасом, перевернулся на другой бок и размеренно засопел.

Проснулся около семи, сгонял по-маленькому. Подзарядил телефон. Втроём — Я, Костек, Томаш — выпили по кружке кофе с сигаретой. Подтянулся местный Кот. Остальные пока спят.

Сию, пью кофе, курю и вспоминаю, как я каждое утро выползал на балкон с чашечкой кофе, закуривал сигарету и смотрел на лес, и мне казалось, что это не лес вовсе, а зелёное море под ногами.

Сегодня снова попробую без обезбола обойтись. Через пару часов полезем по трубам и норам к точке, где выполняем своё боевое задание.

29 сентября, 16:51

Пробились к солнцу. Осталось немного почистить — и задачу можно считать выполненной. Из интересного и смешного ничего не происходило. Боевые будни. Устал больше, чем вчера, позавчера и позапозавчера. Вернулся в Отросток и выпил таблетку обезбола. Еле дополз. Пообедаем, отдохну часок, и начнутся ночные бдения.

30 сентября, 09:16

За неделю на Отростке молодые парни превращаются в стариков. Дохают, передвигаются не спеша, кряхтят, охают и ахают. Бетон высасывает жизненную энергию. Неунывающий Костек поднывает.

На наших позициях — не только на Отростке, везде — проходят большие ротации. Одни подразделения меняют другие. Суматоха. Новые тяжело въезжают в условия, отчётливо не понимая, куда попали и что нужно делать. Объяснить невозможно. Работаешь по обстоятельствам.

Томаш вслед за молодыми начал обращаться ко мне «командир». Так, наверное, сподручнее, чем Огогош.

Холод собачий, особенно под утро.

— Костек, даст бог вернуться с БЗ, никакого алкоголя.

— Хорошо.

— Учую запах, прострелю коленные чашечки.

— Хорошо. Правда, прострелишь, сможешь?

— Не смогу, брат Костек.

— Я не подведу тебя, командир.

— Посмотрим.

— С сегодняшнего дня время начинает работать на нас, — продолжает разговор Костек, имея в виду, что до конца контракта остался месяц.

— В нашем возрасте время всегда работает против нас.

— Почему?

— Стареем.

На тропе включают РЭБ, но он быстро садится. Заряжается долго.

30 сентября, 12:21

Устроили себе выходной. Не знаю зачем. Понятно, что язык набок, пыль, грязь, еда скудная, солнца нет, холод и парни выматываются. Только в такой обстановке не отдохнёшь.

— Устал, — говорю.

— Это ты мне? — спрашивает Костек.

— Нет, себе. Впервые за несколько месяцев произношу вслух.

Оглядываешься назад, и кажется, что время летит с невероятной скоростью. Три четверти пути пройдено. Но стоит задуматься о том, что ещё месяц впереди, кажется, что оно не двигается. Стоит перед тобой усмехающимся истуканом и дразнится. Время — оно такое. Чувство времени.

30 сентября, 17:00

Передали по радейке: «В укрытие. На вас наводят...»
Перешли в крепкую трубу. Сидим. Слышу вопрос:

— Давно на войне, командир?

— Седьмой месяц, — отвечаю.

— Контракт закончится и снова пойдёте?

— Скорее всего, нет. Надо уступить дорогу молодым.

— Не нужна нам такая дорога. Воюйте в своё удовольствие, командир, сколько душа пожелает.

Хорошая шутка. Рассмеялся. Снова затихли. Слушаем прилёты. Пять минут, десять, пятнадцать тишины. Один не выдерживает. Со словами «Да пошли они...» идёт к месту, где у нас расположена условная кухня, и ставит на газ воду. За ним подтягиваются остальные.

Боевую готовность объявляют часто, но никогда этой команды не отменяют.

30 сентября, к полуночи

На ночном бдении с Элпэка. Элпэка из «молодых» штрафников, но сам не понимает, как попал к ним. Добровольно подписал контракт, чтобы племянника не забрали на войну. Три судимости, но опять же, говорит, что чистый.

Мимо нас пробирается Костек сходить по-маленькому. Идёт и ворчит, что страшно, по нам работает немецкий снайпер. Посоветовал не сильно высовывать из Отростка свою загогулину.

— Снайпер действительно работает? — спрашивает Элпэка.

— Иногда. Смерть не из приятных. Выходишь ночью в туалет, и тебя снимают. В том смысле, что убивают. Лежишь мёртвый с высунутой загогулиной, а из консервной банки вытекают отходы твоей жизнедеятельности.

— Да уж, — кивает Элпэка.

— На первом круге у нас во взводе добровольцев Пионер был. Пионер — позывной. Так вот, пошёл он как-то

на дальняк, и вдруг тревогу объявили, прилёты один за другим.

За мешками с песком послышалось журчание Костека.

— После тревоги, — продолжаю, — вбегает в барак Пионер и рассказывает: дескать, сижу, мысли гоняю — и тут ба-бах. Нормальный человек испугался бы, а он подумал, как это будет ужасно, если погибнет не в бою, а вот здесь, на очке.

— Был в бегах, — подхватывает туалетную тему Элпэка, — залез в дом к одному барыге, вскрыл сейф, а там ружья и водка. Ну, выпил, вышел на улицу пострелять. Прицелился в туалетную будку и нажал на курок. Патрон с грохотом пробил деревянную стенку и тут же из туалета вывалился какой-то бич с голым задом. Оказалось, пока хозяин в отъезде, он дом сторожил. Снежок тропинку запорошил, я и не увидел следы. Долго, наверное, там сидел, тоже мысли гонял.

Да, я им про защитников Отечества, а они мне про бичей и барыг.

Костек благополучно доделал свои маленькие дела и быстро прошмыгнул мимо нас.

1 октября, 07:47

Октябрь уж наступил... Никакой романтики под землёй в нынешнем октябре. Ни багрянца, ни румянца. Только пыль и грязь.

Под землёй быстро ногти отрастают. Перед выходом подстригал, но торчат, как у вурдалака, уже.

Парни нескромно посапывают. Двое на посту. Сделал кофе. Хотелось в одиночестве с сигареткой выпить. Пью, мыши скребут по углам. Кошка один раз появилась и ушла. Долго не задержалась. Видимо, искала место окотиться. Здесь не понравилось. Пошла дальше.

Скоро парни проснутся, и выдвинемся совершать геройские поступки во славу Отечества. Работа хоть и пыльная у нас, зато благородная — очищать родную землю от поганого. Мир неизбежен. После победы.

1 октября, 16:33

Задача выполнена. Переходим в режим ожидания «ног». Тот случай, когда хочется посидеть на позициях подольше, потому что время катится к концу контракта, и чем дольше мы будем находиться на боевом, тем больше (но это не факт!) будем отдыхать, и это значит, что ещё одного выхода на Дракона не будет. К тому же сейчас относительное затишье, а у меня относительная усталость от всего. Смеюсь.

Дошли слухи, что на днях встречаются большие политики порешать проблему войны, да и выборы у всех на носу. К выборам, как правило, войны затихают. Но по мне, добрая война лучше гнилого мира. Гнилой мир оборачивается в ожесточённое кровопролитие. Затяжное, страшное, болезненное для мирняка. Солдаты рассчитывают на то, что главнокомандующий в очередной раз не даст заднюю. Это уже будет означать настоящее предательство.

Сидим тихо, никого пока не трогаем. Чаёвничаем и бутербродничаем. Готовить никто не хочет, обленились под финал БЗ. Раздражения нет. Общего. Лично у меня есть подозрительное отношение к тишине. На войне тишина подлая. Не знаешь, чего ожидать. Но об этом я уже говорил дневнику. В остальном порядок.

1 октября, 19:39

Томаша вызвали по радейке в Кишки Дракона.

Понял, на кого похож повар (позывной Ра). На Будду. Лицо гладкое, взгляд просветлённый, сидит перед кастрюлей на ящике патронов, руки ладонями вверх на расставленных коленях, будто медитирует. Фонарик на лбу красный горит, как родинка. Его спрашиваешь: «О чём задумался?» Отвечает, взорвавшись: «Я же вас не спрашиваю, о чём думаете вы! Мне нет дела до этого!» Потом резко успокаивается, уходит в себя и снова сидит перед кастрюлей, медитирует.

В харчо из банки добавили рис и тушёнку. Получился плов. Неплохой.

Томаш вернулся из Кишок. Встревоженный. Поручили заминировать поляну перед нашей позицией. Минёров у нас нет. Но это ещё полбеды. От нашей позиции до позиции немцев буквально метров пятьдесят. Открытое пространство. Снимет любой, даже малоопытный стрелок. Как два пальца...

Передали, что нас оставят, скорее всего, до восьмого числа. Хм...

Пришла инфа, что Снежка отправили на городскую базу старшим по территории. Старшим по территории называется тот, кто общие туалеты убирает. Оружие у него отобрали.

2 октября, 14:53

Проснулся и разрыдался, как ребёнок.

Входишь в трубу диаметром метр двадцать. Проходишь сорок гусиных шагов и поворачиваешь в трубу тем же диаметром и длиной в двести пятьдесят гусиных шагов. В конце первой трубы у нас оборудована условная кухня, где стоит горелка, газ, кружки и пустые пачки от дошика, которые заменяют нам тарелки. По этой трубе справа и слева, на расстоянии полутора метров, мешки

с битым бетоном, защищающие от осколков в том случае, если случаются прилёты по входу в Отросток.

В начале длинной трубы мы спим. Ряд мешков с битым бетоном, поверх спальник, под головой рюкзак.

Проснулся и зарыдал. Мне приснились дед, мама и бабушка. Царство им Небесное. Приснилась вся моя некогда большая семья. Дяди, тёти, братья и сестры. Короткий отрывок врезался в память.

У деда большие ноги, и мы идём с ним из одной клиники в другую. Дед коренастый, низкого роста, седовласый белорус с густыми бровями. Он опирается на меня. Я крепко стою на ногах и веду его. Асфальтированная дорога ведёт вниз. Асфальт старый, побитый. Мелькнуло в голове, что надо бы взгреть коммунальщиков за то, что дорога от одной клиники до другой — плохая. Мама спустилась, стоит внизу, ждёт нас.

Нет, предки меня не звали к себе в мир иной, я просто помогал им.

Наша большая дружная семья. До середины восьмидесятых годов мы каждые выходные собирались за огромным столом, ели, пили, пели песни, разговаривали, играли в лото. Дети разыгрывали представления, взрослые хохотали, хлопали и угощали нас вкусностями.

К концу восьмидесятых годов семья посыпалась. В гости друг к другу стали реже ездить. Почти не общались. Редкие встречи, да и те на похоронах, короткие реплики, дескать, пора бы оставшимся пока ещё живым возобновить традицию. Дети детей и внуков выросли, а мы всё никак. Никак не соберёмся.

Проснулся, вытер слезы влажной салфеткой и закурил.

Через полчаса мы выдвинулись в конец Отростка, где оборудован наблюдательный пункт. Мы прошли гуськом двести пятьдесят шагов, снова повернули в трубу с тем же диаметром, ещё сорок гусиных шагов. Далее труба

сужается до восьмидесяти сантиметров. Она не длинная. Метров десять. После неё взорванная металлическая труба, которая расположена внутри холма. Проползли сквозь отверстие в ней. Дальше идёт лаз со ступеньками, метра четыре вверх, к вершине холма. Оттуда видно многое. До неприятеля можно доплюнуть.

Мы знаем, сколько немцев сидит на линии перед нами, когда ротация, какой у них боекомплект, где они спят, что едят, куда ходят в туалет. О нас они не знают ничего.

Даст Бог вернуться с войны, постараюсь склеить семью. Буду чаще собирать оставшихся. Возьму под крыло разбежавшихся по городам и весям детей. Надо чтобы мы были вместе, чувствовали плечо друг друга.

Я знаю, за что воюю, знаю, почему ушёл на войну. Хочется вернуть нашу некогда великую страну, некогда большую семью. Ведь моя вина в том, что прежний мир — добрый, чистый, светлый — рухнул, тоже есть.

2 октября, 20:01

Томаш и Ра завтра выходят из Отростка. Местный Кот сегодня утром вышел. Остаётся моя команда и три человека из штрафников: две Бороды плюс Элпэка. Говорят, что пришлют усиление в три человека. Тоже из штрафников. Нам пока замены нет. Ротации не предвидится. Людей не хватает. Людей много, и всё равно не хватает.

Солдатское радио передало, что в нашем подразделении семь человек двести. Снайпер при заходе на Сердце Дракона. Заходили ночью. Дурная практика. Перед этим Дик, двести, «ноги», тоже ночью шёл. Второй раз можно было не рисковать. Зачем?

Позывных пока не знаю. Просто молюсь за всех наших парней. Семь человек. Больно в груди. Пусть солдатское радио соврёт или преувеличит в очередной раз.

Костек сказал, что больше на БЗ не пойдёт. Я ему ответил, что мы ещё не вернулись и когда вернёмся, если вернёмся, неизвестно.

Томаш один сползал, поставил растяжку и полтора кило взрывчатки. Через час взорвалась растяжка. Взрывчатка стоит. Заяц задел или мышь. Может, кошка. Зайцев здесь не видел. Завтра сползает посмотрит, что там не так. Минёр...

Костек мусульманин. Отрезал кусок сала и съел его. На слова «Какой же ты мусульманин, если сало ешь?» сказал: «Главное в жизни верующего человека — никого не обидеть. За то, что я сало съел, перед Всевышним отвечать буду, а не перед вами».

3 октября, 10:34

Мыслей нет. Слов нет. Одна молитва в голове.

Боже милостивый, спаси и сохрани. Дай сил, терпения, стойкости, мужества.

Костек начал жаловаться на почки и боль при мочеиспускании. Скорее всего, камни.

Ещё бы неделю нас не трогали. Работа есть, много работы. Накидывают. Правда, начинаем лениться, медленнее дела идут. Но ведь идут!

Обстановка стабильно напряжённая, как всегда.

3 октября, 16:22

По радейке голоса:

— Проверь там, Томаш и Ра дошли?

— Томаш и Ра дома.

— А нас когда выведут?

— Нас — этого кого?

— По голосу не узнаешь, что ли?

- Тебя выведут одиннадцатого.
- Почему так поздно?
- У тебя морда страшная.
- У тебя лучше, что ли?
- Так меня и выведут двенадцатого, ах-ха!

3 октября, 21:19

Томаш вышел. Я перешёл спать на его лежанку. Она основательнее, и теперь у меня два спальника. Мой — летний и Томаша — зимний. Летний постелил на мешки. Не так больно будет. Зимним укроюсь. Ра оставил мне свой бушлат. Можно считать, что теплом обеспечен.

Пару раз забегала трёхцветная беременная кошка. Покормили. Нашу еду — бурдистику (это когда в кастрюлю кидают всё, что имеется под рукой, и варят) не ест, но с удовольствием слопала паштет из консервной банки. Гурманка.

Вызвали сапёра, чтобы нормально заминировали поляну. Томаш не успел. Сам я не рискнул и своих парней не пустил. Нужен профи.

День прошёл тихо. Проводили ребят, гоняли чай, разговаривали ни о чем. Мешками для трупов закрыли трубу, в которой отдыхаем, чтобы теплее было. Мешки крепкие, непродуваемые. Теперь уютнее.

Нас на Отростке осталось немного. Мне так больше нравится. Хуже, когда задами друг о друга трёмся, не протолкнуться. На завтра наметили объём работы, обговорили, обсудили. Проснёмся, выйдем.

4 октября, 09:44

На новой лежанке спал как у Христа за пазухой. Теплее, и острые углы камней не так сильно впиваются в бока.

Новый день, новая жизнь. На войне каждый новый день можно считать днём рождения.

Обезбол закончился. Надо искать таблетки. Боюсь, без них не потяну. С ними руки вместе с ногами отказывают, а уж без них...

Новостей никаких. Стабильно напряжённо. Стреляем чуть меньше.

С утра пораньше выскочили пошуметь из РПГ, но почему-то не выстрелило. Либо порох отсырел, либо мы отупели. Скорее всего, второе. Но первого тоже нельзя исключать.

Передвигаюсь с трудом. Вида не показываю. Костек говорит, что моя борода совсем белой стала. Голова тоже. Что поделаешь, даст Бог вернуться с войны, буду блондином щеголять в лакированных штиблетах. Не худший вариант.

4 октября 15:55

Хорошо отработали, хорошо отъели пузо. Элпэка борщец сварил. Утром хуже себя чувствую, чем ближе к вечеру, после хорошо проделанной работы.

Элпэка с нами не ходил. Взяли Чика попробовать. Не тянет он. Крупненький. Больше нытья, чем пользы. Наверх поднимался с Костеком. Он при хорошем настроении. Костек в хорошем настроении и Костек в плохом настроении — два разных человека. Когда Костек в духе, одно удовольствие с ним в паре работать. Но это, наверное, у всех так. Я тоже невыносим, если встаю не с той ноги. Правда, здесь слабину себе не даю. Стараюсь держаться так, чтобы никто не заметил, как мне тяжело.

Долго ли, коротко ли, а ведь мы в Отростке одиннадцатый день. Выходили всего на недельку.

Сигареты у меня закончились, лекарства тоже. Не думал, что задержимся. Мало брал.

Положа руку на сердце, могу сказать, что мне на выходах нравится больше. Время быстрее идёт. Постоянно что-то происходит. В распоряге на пятый день места себе не нахожу, дурные мысли в голову лезут.

4 октября, тёмная и холодная ночь

К вечеру вытащили наушники наверх и подключили радио, чтобы послушать о встрече больших политиков. Встречи не было. Понятно. Воюем дальше. Без проблем.

«Ноги» не принесли бензин. Генератор молчит второй день. Рации сели, повербанки тоже. Мы без связи. Осталось немного заряда на телефоне. Ночной фонарик включить не можем, поэтому зажгли блиндажную свечку. Заметно потеплело.

С ужином не заморачивались, поели вермишель из бич-пакетов. Я открыл свиную тушёнку и вывалил себе в тарелку половину банки. Вкусно, невероятно. Нашёл в кармане запылённую конфетку. Съел с чаем.

Разговор Чика и Элпэка. Чик спрашивает:

— Элпэка, ты чай или кофе пьёшь?

— Чай.

— Оставь мне на пару глотков.

— Чай без сахара.

— Неважно.

— Без заварки.

— Неважно.

— Без воды...

— ?

Элпэка, отправляясь на ночное бдение, повторяет за мной: «Пойду Родине послужу...» Обычно с такими словами я ухожу на пост.

5 октября, 09:03

Большой блиндажной свечки хватает на пять-шесть часов. Фонарики не включаем, бережём энергию. Нам ещё ползать под землёй.

При ротациях одного подразделения на другое бардак полный. Парни не распределены по участкам, за которые отвечают, а те, которые уже распределены, не понимают не только того, как вести боевые действия, но и то, как организовать быт. Организованный быт — основная опора солдата.

Генератор молчит третьи сутки. Не могут понять, кто должен принести нам бензин. Хорошо ещё, успел на последнем издыхании банки подзарядить себе телефон.

5 октября, 20:53

День прошёл плодотворно. Дали команду рыть подземный ход от пункта наблюдения до остатков бетонного забора, которым окружено Сердце Дракона. Двадцать метров. По моим прикидкам — это около двадцати тонн земли. Рыть — не проблема. Проблема — куда девать землю. Наверх не вынести. Любое изменение ландшафта будет отмечено чубатыми птичками и отрехтовано яйцами — ВОГа́ми. Трубы внизу уже забиты мешками с землёй. Подземных туннелей много. Парни роют ходы, блиндажи, ставят огневые точки и аккуратно по бокам труб складывают в мешках землю. Не знаю, как будем решать проблему. Надеюсь, что-нибудь придумаем. Наш с Костеком дембельский аккорд. Если сказали рыть, значит, будем рыть. Штурмовики, ах-ха. Больше никаких серьёзных заданий не было. Лазая по трубам, называем себя черепашками-ниндзя. Эти парни досуг проводили в таких же трубах. О том, когда мою группу выведут, пока молчат.

Под вечер объявили боевую готовность. Опять замечено скопление немцев недалеко от наших позиций. Рация плохо заряжена, банку раздобыли. Прорвёмся.

Немцы по ночам не штурмуют. У нас. Не знаю, как на других участках фронта. Обычно выползают в районе четырёх-пяти утра.

6 октября, 14:42

Ночь тихая, утро тихое. Прорыли метра полтора подземного хода. Пришёл до меня разведчик из бывших музыкантов. Позывной сложный. Не запомнил. Назову его Рубероид.

Мы с Костеком копали, а парни, Шакай и Борода, ниже в трубе собирали накопанную землю и разносили в мешках по трубам. Слышу, зовут меня: «Командир, командир, запах пошёл по трубам!» Парни подумали, что немцы пустили по трубам газ, чтобы нас отравить.

Спустился к парням, принял. Пахнет одеколоном. Слышим, ползёт кто-то к нам. Осветили трубу, свой. Крикнул пароль. Подполз ближе, назвался Рубероидом и сказал, что исследует трубы. Разведчик, в общем. Зачем разведчику поливать себя одеколоном перед выходом на задание? Вопрос нерешённый. На войне огромное количество странных людей. Тем не менее все эти странные люди — герои.

«Пришёл до меня» — не по-русски, по-местному. Да и не шёл он, а полз. Ходить здесь невозможно. Так вот, сели мы с Рубероидом разглядывать карту, пытаюсь понять, зачем нужен подземный ход, когда ниже есть труба восьмидесятка, идущая до коллектора, из которого можно безопасно выскочить за бетонные перекрытия и оказаться прямо перед немецкими позициями.

Решил остановить работу и дать парням отдохнуть. Они уже тринадцать дней пашут без отдыха. С утра до ночи. А ночью на постах. Разведчик сказал, что командир в отпуске, поэтому неразбериха с ротацией. Его зам, похоже, даже не в курсе, где мы и какие задачи выполняем. Забавно. Передний край, война, а жизнь как в Советской армии в мирное время. Копайте отсюда и до обеда. Смеюсь.

6 октября, 20:16

Костек собирается голым бежать по Тропе ярости, когда команду на ротацию дадут. В голого, говорит, стрелять никто не будет. «До трусов разденешься?» — спрашиваю. «Нет, — отвечает, — до гола, полностью разденусь». «Кроссовки не снимай, — даю совет, — чтобы ноги не поранить». Кино и немцы. Представил маленького кумыка с калашом в руках, который нагишом в кроссовках бежит под птичками мимо вражеских позиций. Будущая звезда ютуба.

Костек считает дни до конца контракта. Меня это подбешивает. Когда дни считаешь, время идёт медленнее.

Вернёмся, даст Бог, в распорягу, пойду к парикмахерше и признаюсь ей в любви. Мне срочно нужно признаться кому-то в любви. Чувствую себя мертвецом, если долго никому не признаюсь в любви. Не хочу быть мертвецом. Хочу быть живым. Парикмахерша не в моём вкусе, правда, но это не такая большая проблема. У меня хорошо развито воображение, и я могу представить её какой угодно (и кем угодно, вплоть до моей реально любимой женщины). Просто мне нужно выплеснуть нерастраченную энергию любви, чтобы она не закисала и не превращалась в ненависть. С ненавистью на войне делать нечего. Убьют сразу.

Мыши съели наушники. Радио не будет. Рации нет. Бензина тоже. Генератор молчит. Дождь накрапывает. Пьём чай и разговариваем о мирной жизни. Один был фермером, другой вором, третий дальнобойщиком, четвёртый студентом. Я только слушаю. О себе ничего не говорю. Теперь мы все как один — доблестные русские воины.

7 октября, 10:54

Сегодня едет домой поток, в котором Рутул и Сава. Через двенадцать дней едет домой поток, в котором Давинчи и Малыш.

Плохо себя чувствую. Целый день буду отдыхать. Холодно.

7 октября, 17:38

Проспал до двух. Выспался. Плотно поели с парнями. Разговоры, анекдоты, истории. Спокойный день. Разок жажнули по немцам из РПГ. По нам почти не били. Укрепили Отросток. Накрыли мешками для трупов дыры. От дождей. Засыпали мешки камнями — для маскировки. Вечером будем чаёвничать, а ночью — бдеть.

Решили завтра идти капать. Только в другую сторону, к разбитым блиндажам, чтобы посмотреть, что там есть, — оружие или вдруг наши павшие. Хотя по картам, там не было наших блиндажей. Скорее всего, немецкие. Посмотрим. Всё равно о ротации пока не слыхать. Новых команд не поступает. А делать что-то надо.

7 октября, 23:57

Напечатал у себя в тг-канале:

«Если вы читаете эти строки, значит, со мной всё в порядке. Вернулся с передовой и нашёл возможность

скинуть восточку. Контракт заканчивается. На боевое больше не отправят. Надеюсь. Немного устал. В остальном — норма.

Этот контракт начинал с караульного в комендантском взводе, а заканчиваю командиром боевой группы штурмового подразделения.

Даст Бог, вернусь в Москву в первых числах ноября. Вернусь с книгой (с книгой в телефоне). Старался не забывать о том, что я всё ещё литератор, несмотря на то что приходится быть доблестным русским воином.

Пока нет уверенности в том, что книгу стоит отдавать на читательский суд. И дело не в том, что писалась она буквально на ходу, в окопах, в коротких перерывах между боями и потому не дотягивает до какого-то небесного художественного уровня. Книга с перебором откровенная, а война ещё не закончена. Важен принцип: не навредить. Главное, что книга есть, а когда она будет напечатана — уже не имеет значения.

Проза. «Дневник добровольца». Почти десять авторских листов. Стихи, к сожалению, не шли. Были, но мало.

В «Дневнике...» записывал мысли, события, рассказывал о солдатском быте, о боевых товарищах, о хороших и плохих людях, с которыми встречался на войне. Это моя история моей войны. Иногда смешная, чаще трагическая.

Поначалу заводил дневник как некую терапию. Он помогал молчать. (На войне надо быть молчаливым.) Потом привык к нему, и дневник превратился в доброго собеседника, всё понимающего, умеющего слушать и прощать.

В «Дневнике...» мало войны, много любви. Только в той жизни, которой живу сейчас, войны больше. Уверяю вас. Безжалостной и беспощадной. Любви совсем нет. В жизни любви нет, но она есть в моём сердце, как раз там, где нет войны.

В «Дневнике...» нет ни одного топонима. Избегал упоминать позывные командиров. Не описывал сути боевых заданий, на которые выходил. Объектам, где приходилось бывать, придумывал смешные или романтические названия. В зависимости от настроения. Тому есть причина. В случае моей гибели телефон мог оказаться в руках неприятеля и навредить моим товарищам.

Вот вроде и всё. Зачем я вам об этом написал? Чтобы знали. Я жив. Несмотря ни на что. Я не предал ни вас, ни себя, ни нашего Отечества, ни своей любимой русской литературы. Мои дети могут гордиться мной».

Вернусь с боевого, отправлю. Мыслями я уже на большой земле. Тяжёлый месяц. Психологически. Постоянно думаю о доме.

8 октября, 14:32

Не мог уснуть до трёх ночи. Мысли не дают покоя. Крутился на камнях, вертелся так, что протёр дырку в камуфляже. На боку. Встал в районе семи. Выпили кофе с Элпэка.

Парни начали к девяти подтягиваться к нам. Обсудили то, что появились проблемы с бензином и рацией. Эти проблемы нами не решаемы. Доставки нет. «Ноги» не справляются. Продумали план сегодняшней работы. Решили прокопать ход до лисьей норы, которую давно заметили, но заглядывать туда не решались. Вдруг заминирована.

В районе одиннадцати вышли, а к часу дня уже прокопали ход под землёй до норы, где нашли ящик с патронами для пулемёта. Крупнокалиберного. Полностью заряженная лента. Ящик с американской маркировкой, но лента, похоже, наша. Завтра перенесём в Отросток.

Попросил Костека влезть в нору и пошебуршить там землю — вдруг пулемёт найдём. Костек залез целиком, одни ноги торчат. Лежит, не двигается. Испугался,

подумал, что с ним что-то случилось. Позвал. Не отзывается. Слышу, Костек начал как бы сам с собой разговаривать. Всё, решил, с ума спятил. Рядом жахнуло. Наверное, с испуга фляга потекла.

Подёргал Костека за ноги. Он развернулся. Смотрю, а у него в руках телефон. Парень, оказывается, залез в нору и снимал там себя. Я расхохотался и назвал его чёртовым блогером. Дал команду на выход, и к двум часам дня мы уже вернулись в Отросток. Перекусили.

8 октября, 21:11

Перекусили, отдохнули часок, занялись наведением порядка в Отростке.

Ветер и дождь то затихнут, то снова усилятся.

В Отросток вода не проходит. Заранее затыкали все возможные и невозможные дыры. Герметичненько сидим.

Вечером покошмарили немцев из РПГ и стрелковым. Ответки почему-то не было.

Переходим в статус ночного бдения.

Дежавю. Каждый новый день похож на предыдущий. Стабильное положение.

Бензин принесли. Генератор урчит, как гигантская кошка.

9 октября, 13:42

Сплю плохо, работаю хорошо. Мокрый, грязный, уставший. Прямо как рыжий, честный, влюблённый. Фильм такой был. В детстве. Помню только название.

Вчера вечером с парнями смотрели что-то американское. Чушь полная. Мужик пристегнул себя к женщине наручниками и застрелился. Женщина потом полфильма таскалась с его трупом, пытаюсь отстегнуться. Так и мы таскаемся с окраиной Российской империи, которая

назвалась Украиной и торгует подаренной нами государственностью. Украина пристёгнута к нам корнями. Она добровольно пустила себе пулю в лоб и теперь трупом путается у нас под ногами. Корни не отрубить. Выход один. Перестать считать её окраиной и сделать частью Российской империи.

Украины нет. Есть одна неделимая Россия. За неё и стоим.

9 октября, 21:25

«Помните, что вы герои, — говорю парням, — и вам будет легче...» Они помнят и улыбаются, когда иные плачут от боли и страха.

10 октября, 10:31

Рамзан (боевой санитар) как-то сказал, что если человек падает от изнеможения, значит, он потратил всего лишь третью часть своей жизненной энергии. Останется запас в целых две трети, то есть в два раза больше истраченного. Слова Рамзана вспоминал, когда валился с ног от усталости. Поднимался и снова бежал, шёл, полз.

Группу из Кишки Дракона сменили. Значит, скоро придёт замена нам. Получилось самое длинное БЗ, несмотря на то что задачу выполнили в первую неделю. Всё остальное время самостоятельно искали себе работу, ставили задачи и выполняли их. На войне — это нормально, обычное дело. И всё же хочется сказать, что парни моей группы — молодцы. Почти не ныли. Со всем справлялись.

Время болезненно замедляется. Кто хочет почувствовать на своём языке жвачку минут, должен непременно сходить на войну. Здесь время не движется, следовательно, люди живут дольше. Такой вот парадокс войны.

10 октября, 16:01

Психически совершенно здоров. У меня чистое сознание, внутренний покой. Есть даже некоторая ленивость, присущая мне в мирной жизни. Но откуда это острое ощущение того, что я пишу то, что уже было сто раз мной написано? Говорю, что проговорено, и думаю, что думано-передумано? Надо будет перечитать дневник в другой обстановке. На базе. Может быть, это не ощущение, а реальность. Неужели я сейчас так пуст, что сознание само гоняет старые мысли, будто крутит заезженную пластинку, чтобы я не считал себя спятившим с ума?

Передали, что Князя назначили старшиной. Хорошая новость. Мозги прапорщика дембельнулись. Больше никаких новостей. Чик убежал в Кишки за водой. Может, принесёт какую-нибудь интересную инфу и моя голова перестанет циклиться. Отсутствие информации раздражает. Думать становится не о чем, а думать я люблю.

10 октября, почти ночь

Чик ничего интересного, кроме воды, не принёс. Вокруг нас будто всё замерло. Слышны только автоматные и пулемётные очереди, которые как бы говорят о том, что где-то кипит жизнь.

Парни рано легли. Сижу в одиночестве «на ушах». Должен был с Элпэка, но он плохо себя чувствует, и я отпустил его спать. Дневник уже в курсе, что я люблю одиночество. Повторяться не буду.

Голова, смени пластинку!

11 октября, 18:24

Закончились газ, еда, сигареты. Сообщения с нулём нет. Поставок нет. Рыжего и Трёшки нет. Холод собачий.

11 октября, 18:24

Я справляюсь. Не факт, что парни справятся и не начнут ныть. Если такое случится, то нахлынет чувство вины за происходящее. Чувство вины я не переношу.

Основное: газ, чай, сахар. Их нет. Нет ничего. Съели три банки ветчины на шестерых за целый день и запили холодной водой. По половине кружки.

«Ноги» говорят, что Тропа ярости под огнём. Не смогли выйти сегодня за подарками. Подарками называют здесь рюкзаки с едой и прочей надобностью, которые доносят до точки сброса «ноги», бегущие из зелёной зоны. Сама точка сброса находится в жёлтой зоне. Забирают оттуда наши «ноги», которые бегают исключительно по красной зоне.

Заранее никто не позаботился, и ситуация стала критической. Надеюсь, завтра утром по серости подарки доставят.

Днём отрубился на часа полтора. Приснилось, что мы вернулись с БЗ и нам должны сделать укол. Но укол в грязное тело не колют, поэтому попросили раздеться и лечь на скамейки. Я спросил: «До трусов?» Женщина врач ответила: «До ягодниц!» Чик и Шакай первыми разделись и легли.

Пришли женщины и начали тереть им спину. Женщины обычные. Сорокалетние тумбочки, ничего сексуального. Но помню довольное лицо Чика. Он был похож на Смайла. На Смайла в первый день моего с ним знакомства в пункте приёма добровольцев. Улыбчивый и волосатый. На волосах лежала мыльная пена. Чик улыбался белозубой улыбкой Смайла.

Я тоже разделся. Замотал полотенцем яркую часть тела. Ко мне подошла женщина и спросила: «Готов?» Кивнул головой. Она поманила меня рукой, и мы вместе вышли на улицу. «Вот, — сказала женщина в белом халате, — видишь лампочки?» На улице висела гирлянда,

будто город готовился к новогоднему празднику. Снега не было. Я отчётливо помню дорогу, выложенную брусчаткой. Я опять кивнул женщине, дескать, лампочки вижу. Она продолжила: «Пойдёшь по дороге, отсчитаешь тридцать лампочек. За тридцатой лампочкой будет дверь. За этой дверью заряжают телефоны, но тебе туда ходить нельзя. Там работают наши конкуренты». В этот момент я проснулся. Рядом жажнуло. Попытался снова уснуть, чтобы досмотреть сон до того момента, как меня начнут тереть мочалкой. Не получилось.

Элпэка сказал, что прилётом разорвало провод. Связь между Кишками Дракона и его Печенью идёт через нас по проводам. Стоит тапик. У нас самих только рация, которая на холоде быстро разряжается. Но это не суть. Я выскочил на улицу по проводам. Нашёл разрыв. Зубами оголил провода и скрутил их. Вернулся в Отросток. Крикнул по рации, чтобы проверили связь. Связь появилась.

12 октября, 09:52

Чик ушёл за подарками. Надеемся, что газ передали. Второй день на холоде без горячего будет ягодками. Цветочки были вчера.

В Отростке минусовая температура. Бетон. Мы в летней камуфле. Не до войны. Что-либо делать вряд ли сможем. Ждём проводника, чтобы вернуться на базу. Ждём уже давно. Неделю.

12 октября, 13:22

Чик вернулся пустой. «Ноги» не смогли выйти за подарками. Немцы тропу ебулят.

«Ебулят» — местное слово. Чаще всего употребляемое на моём участке фронта. Впервые здесь услышал. По контексту его значение понятно.

С Чиком передали одну маленькую блиндажную свечку, две банки паштета и полбуханки хлеба. На шестерых.

Протянем. Есть надежда, что к вечеру будет потише и подарки дойдут до нас.

Поставили запасную банку под фонарик, чтобы свет был. До вечера должно хватить. Вечером, если газа не будет, вскипятим воду на блиндажной свечке.

Элпэка ушёл с Рубероидом (в действительности он Урбани, но Рубероид мне больше нравится) разведывать ещё одну немецкую позицию, которая сейчас пустует и находится в серой зоне между нами и бывшими «хозяевами».

Настроение среднее. Жутко хочется помыться. Тёплая баня — предел моих сегодняшних мечтаний.

Костек скукожился, стал ещё меньше. Отдал ему часть своего паштета. Чик и Шахай держатся хорошо.

12 октября, 16:39

Элпэка залетел в Отросток довольный. Где можно было бы закрепиться в серой зоне, не нашёл, зато надыбил треть газового баллона и огромный кусок сыра. Баллон выпросил у парней в Кишке, а сыр, как сказал, передали именно мне по позициям. Позывной передавшего забыл.

Это божественное провидение. Я ведь не жаловался. Но кто-то подумал, что мне может быть тяжело, и передал — оторвал от себя — кусок сыра. Бог есть.

Мы с парнями тут же вскипятили воду, сделали чай и запили им вкуснейший сыр от неизвестного моего боевого товарища, который, даже находясь вдали и в такой же, скорее всего, тяжелейшей ситуации, вспоминал, переживал, волновался за меня.

До слёз. Когда-то шутя комментировал такими словами чужие понравившиеся стихи. Теперь не шучу. Плачу, плачу от счастья, что у меня есть настоящие друзья. Настоящие.

12 октября, 19:55

Бегая по трубам, расцарапал спину. Выйди сейчас на пляж, мужики посмотрят, присвистнут и подумают, что я шикарно провёл время.

Подарки есть. Принесли. Еда по мелочи. Газа в подарках нет. Банки на холоде сели. Аккумуляторы на рациях тоже. Ночь будет тёмной. Глухой и тёмной.

13 октября, 14:47

Чик сходил до Кишки за газом, надеясь, что принесли. Не принесли. Бензин вроде есть, закинули. Свет будет, что не скажешь о горячей кружке чая. Пьём холодный кофе. Армейский. Готовится так. В бутылку с холодной водой засыпается растворимый кофе. Бутылка плотно закрывается крышкой и взбалтывается до тех пор, пока всё кофе не разойдётся. Периодически крышка открывается и выпускается кислород. Получается кофе с пенкой. Как капучино. Только холодный и без молока.

Костек отдыхает. Устал. Элпэка попробовал выбраться с Рубероидом до серой зоны. Не получилось. Немцы ебулят. Мы с Шакаем сползали до Печени Дракона. Освободили её от мешков с землёй, из которых соорудили небольшой дот чуть выходящий из земли. Там удобно будет и безопасно складывать землю, которая набирается у штрафников, копающих кротовую нору до блиндажа из Драконьего Глаза, открытого нами полторы недели назад.

Пока переносили мешки, вспотел. Насквозь. В Отростке холодно. Согреться нечем. Чуть знобит. Не критически. Хочется горячего.

13 октября, 21:23

Дневник, сколько раз надо повторить, что газа нет? Слышишь меня? Газа нет. Обычно, если я тебе на что-то

жаловался, ситуация исправлялась. Что происходит? Почему не реагируешь?

Вторая половина дня прошла спокойно. Разговаривали, курили — сигареты есть, опять разговаривали и курили. Вчерашний газ ушёл на приготовление обеда. Ели недоваренную крупу. На остатках блиндажной свечи вскипятили пару кружек воды.

Передали, что двоих из «ног» затрёхсотило, причём именно тех, кто хорошо знал тропу до Отростка. Видимо, будут (или они уже уже начались) проблемы с выводом моей группы. По сути, выйти должны были самое позднее неделю назад. До сих пор здесь.

Не знаю, как снаружи, солнца не видели три недели, но под землёй, в бетонных трубах пар изо рта идёт.

Таких длинных и крепких ногтей у меня в жизни никогда не было.

Мышей пруд пруди. Трубы ими кишат. Они ходят по нам, не стесняясь. Залезают в спальники, штанины, капюшоны и копошатся там, как у себя дома.

14 октября, 12:05

Ничего существенного. Газа по-прежнему нет. Дата ротации неизвестна. Грязь отваливается кусками. Глаза не видят, уши не слышат. До конца контракта чуть больше двух недель. Бъём рекорды. Даже залётчики так долго не сидели на передке после выполнения поставленной задачи. Вылез наверх. Наверху тепло. Солнце. Бабье лето, наверное.

14 октября, 16:44

Докричался по рации до Солнечного сплетения Дракона — места, куда сходится информация с переднего края. — Как обстоят дела с газом? — спрашиваю.

— В целом в России или в нашем убожестве? — вопросом на вопрос ответил Сова, в тот момент находившийся на связи.

— В России с газом, брат, всё хорошо, и мне это известно. Что с газом в нашем?

— Обещают. Обещают закинуть.

— Принято, брат, — закончил связь и подумал, что у нас обещанного три года ждут.

Парни повесили маленькое зеркальце рядом с рацией. Свет от неё скользнул по моему лицу. Я увидел своё отражение и улыбнулся. Выгляжу не так страшно. Только зубы, передние зубы почернели.

15 октября, 07:36

Ночью случайно смахнул долгоиграющую линзу. Попытался расстроиться из-за этого, но ничего не получилось. Уснул часа в два ночи. Проснулся в пять на пост. Почистил руки, надел линзу и приступил к утреннему бдению. Ничего не происходит. Вот и хорошо.

Мыслями уже дома. Это печалит. С трудом концентрируюсь на нынешних проблемах и задачах. Начинает пугать путь на базу. Появляется страх тропы. Раньше его не было. Боялся только того, что не вытяну. Сейчас новое состояние. Столько пройдено, и погибнуть на последнем отрезке будет... Как бы это сказать? Неловко, что ли. Матом не хочется ругаться. Прозвучало бы точнее. Ладно, Бог даст, выберусь.

Знобит.

15 октября, 12:19

Есть хорошие новости. Нет, фронт мы не прорвали. К сожалению. Всего лишь нам принесли газ. Два баллончика. Если разумно пользоваться, на четыре-пять дней

хватит. К газу добавились печеньки и бичики. Тушёнка у нас ещё оставалась на запасе. Планируем горячий обед.

Рубероид, который Урбани, разведка новую тропу. Она в три раза длиннее, но совершенно безопасная. По его словам. Посмотрим, что будет на деле.

Передали инфу, что одну из групп сегодня-завтра выведут. Либо мою, либо группу Совы, сидящую в Солнечном. Думаю, что Совы. Он зашёл на день раньше нас. Так или иначе, процесс сдвинулся с мёртвой точки. Воевать в неведение и с мыслями о том, что о тебе все забыли, врагу не посоветовал бы. Будем на фоксе, как говорил Давинчи.

Выругался на Костека в мать. Не разбудил напарника и ночью дежурил в одну яичную голову. «Он спал как младенец!» — заявил в своё оправдание. Устал от его дебильных шуток. Матюкнулся. Костек обиделся и сказал, что больше со мной не разговаривает. Я, конечно, не прав. Надо быть сдержаннее. И всё же...

Парни вышли поправить вход в Отросток. Их засекла птичка. Успели уйти, но по входу начали активно работать. Четыре яйца прилетело. Одно не взорвалось.

15 октября, 20:03

Вспомнил. О тропе, которую якобы разведывал Урбани, говорили ещё месяца три назад. Ей никогда не пользовались. Почему, не знаю. Скорее всего, потому, что не такая уж безопасная, плюс длиннее.

В обороне. Боевая готовность.

В темноте почувствовал, что кто-то прошёлся по моей ноге. Мышь или крыса? Нога машинально дёрнулась. Услышал лёгкий тупой шлепок. Опустил голову, смотрю, трёхцветная. Случайно заехал ей по мордочке. Убежала.

Непонятно, кто хуже: комары или мыши. Мыши обнагтели дальше некуда. В спальник пролезают и бегают по мне.

В детстве рассказали историю о том, как мужичонка уснул на сеновале с открытым ртом. Мышь залезла ему прямо в глотку и он задохнулся. С такой историей в голове трудно уснуть. Смерть не из героических. На похоронах люди смеяться будут.

16 октября, 11:34

За последние трое суток спал всего восемь часов. С утра вырубил. Два часа проспал мёртвым сном, ничего вокруг не замечая. Проснулся — и вроде нормально.

Пришли подарки. Три баллончика с газом, сладкое и еда по мелочи. Жизнь налаживается, несмотря на напряжённую обстановку.

Костек заявил, что ему на всех наплевать и он пришёл на войну заработать денег. Так у меня не стало ещё одного боевого товарища. Какое всё-таки слабое существо — человек и как дёшево он ценит свою жизнь. Умирать за деньги — пошлее ничего не придумаешь. Не по себе стало. Руки опускаются оттого, что встречаешь на войне подобное. Пытаюсь убедить себя, что заявка Костека от накопленной усталости, проявление детской истерии, а не то, что он чувствует на самом деле.

16 октября, 15:49

Выпили по кружке кофе. Расширили Глаз. Отработали немецкие позиции. Ещё раз отработали. Ещё. Сварили обед. Наелись. Пьём чай.

Дополнение на 18:18.

Пошёл дождь. Птички улетели. Пулемёты замолчали. «Ноги» побежали. Принесли много вкусняшек. Поужинали. Выпили по кружке чая.

Перешли на ночные бдения с короткими перерывами на сон.

Обычный день простых русских воинов.

Из приключений. Штрафник оставил позицию и побежал по трубам в сторону немцев. Поймали. Дальше скучно и неинтересно.

Подключили тапик. Теперь круглосуточно на связи, независимо от батареек в рации. В курсе всех междусобойчиков на нашем участке фронта.

17 октября, 07:38

Ночью вспотел. По всей видимости, накануне вечером поднималась температура. Лёгкие заболевания — простуда и пр. — не замечаешь за одной острой болью по всему телу.

Урбани связался по тапику. Просил держаться ещё дней пять. Потом выведут. Выводить, наверное, он будет. Спросил, что нужно. Вроде ничего не нужно и нужно много чего. Газ, чай, сладкое. Запросил ещё «морковок». Заканчиваются.

БЗ получилось масштабное. Тридцать дней безвылазно на самой маковке точки соприкосновения. Седьмого октября записал «привет» подписчикам тг-канала, думал, восьмого выйдем. Как бы не так. Впредь наука, бежать впереди паровоза не рекомендуется. Смеюсь.

С утра успели покошмарить немцев. За кружкой кофе обсудили наличие тапика и нашли в этом огромное количество новых проблем. Теперь все кому не лень звонят и спрашивают про обстановку. Добавилась каждодневная команда «Боевая готовность номер один». Обстановка стабильная. Готовность номер один постоянная.

17 октября, 21:25

На Сердце Дракона ранило одного из штрафников. Осколок в бочину под броню. Элпэка пошёл выводить его на ноль по ночи.

18 октября, 06:14

В голове обывателя война приравнена к способности убивать, а в голове солдата — к умению выживать.

— Огогош, в конце Отростка виден свет! У нас гости?

— Рассветает, Костек.

Поток Давинчи разлетается по домам. Мой поток становится дембельским. Вчера Сургут вышел на БЗ, а я ещё тут. Дембелям на войне тяжелее, чем «молодым». Больше ответственности, больше нагрузки. На всё это накладываются мысли о доме, о родных и близких. Я бы не прочь отработать до самого талого, как говорится, лишь бы дали помыться, поесть нормально и пару дней поспать.

Элпэка вернулся. На обратном пути задело осколком. Мелкий, под коленку.

Доберман — банщик, уволившийся пару недель назад, — напился и подрался. Ему порвали селезёнку. Умер в больнице.

18 октября, 21:34

Без происшествий. Передали, что Сову затрѣхотило на выходе с БЗ. По всей видимости, неосторожное обращение с оружием. Не поставил на предохранитель, когда бежал. Задело ногу. Насколько серьёзно, пока не знаю.

Мы занимались мелкими делами. Перенесли БК из Кишки Дракона в Отросток и Драконий глаз. Немного покошмарили немцев, а немцы нас. Доели последнюю банку тушёнки (цыплёнок) на шестерых.

Элпэка притащил с ноля пряников и конфет. Чаепитие было знатное. Больше поделиться нечем. Разве что холодом. Холода у нас много. Вода по ночам замерзает. Только холод никому не нужен. Не поделишься.

Желудок расстроился. Я старался его не обижать, давал, что мог, но он всё равно расстроился. Выпил две таблетки активированного угля. Больше ничего нет. Может, поможет. Помню, как Саву три месяца назад от угля закупоривало. На целую неделю. Мне такое не помешает.

19 октября, 23:35

Не записывал целый день, потому что физически не мог. Попробую по порядку. Постараюсь последовательно. Пока силы есть.

Вчера вечером Чик болтанул, что мы уже скоро месяц (если быть точным, двадцать шесть дней) на БЗ — бьём дракона, но у нас ничего страшного не происходит. То есть мы целы и невредимы. Попросил его сплунуть и больше таких вещей на войне не говорить.

Ночью плохо спал. Это не впервой. Не столь важно. В пять утра мне нужно было выйти на пост, но Костек, увидев моё болезненное состояние, предложил часок за меня отдежурить. Действительно плохо себя чувствовал, поэтому не отказался. Костек заботливо накрыл меня вторым спальником и ушёл на пост. Через час вернулся, разбудил, спросил о моём состоянии. Ответил, что в норме.

Отработал «на ушах» два часа.

«На ушах» — это значит, что врага видеть не можешь, но сидишь и слушаешь тишину. При посторонних или непонятных звуках поднимается тревога, парни подскакивают, и мы работаем. Дежурство прошло тихо. После меня заступал Шакай. Трудяга татарин. В мирной жизни дальнобойщик. Умный, крепкий, спокойный парень.

Мы поменялись. Пошёл вздремнуть ещё пару часиков, а Шакай остался сидеть «на ушах». Часов в девять Чик отправился за водой на Кишки Дракона.

В районе десяти утра прогремел взрыв. Подумал, что ударило восьмидесяткой или стодвадцаткой по месту, под которым отдыхал подраненный Элпэка.

Элпэка спит метрах в десяти от поста, а я прямо за постом. Спросил у него, всё ли в порядке. Дым, запах пороха, бетонная пыль. Ничего не было видно. Элпэка крикнул, что в норме.

Из дыма появилось лицо Шакая. Белое, обсыпанное бетонной пылью. Глаза растопыренные, безумные, смотрят на меня не моргая.

Оказывается, ударило со стороны входа. Там у нас были сложены три ряда мешков с землёй и камнями, на случай наката. За ними в полуметре выставлены ещё два ряда мешков, один из которых прикрывал собой место, где мы сидим «на ушах». Укрепляли сами. Первым делом, как только пришли на Отросток. До нас позиция была слабо укреплена.

Спросил у Шакая, что с ним. Он пожаловался на грудь. Отвёл его в глубь Отростка, осмотрел. На животе в районе печени дырка, и под коленной чашечкой такая же, небольшая. Осколочные. Шакай за мгновение до взрыва находился напротив первого ряда мешков, у самого входа. Сказал, что пошёл поправить штору, сделанную из спальника, потому что сильно дуло.

Уложил Шакая на лежанку Элпэка, залил дырки перекисью и залепил пластырем. По тапику передал Солнечному о случившемся и пошёл смотреть, что стало со входом. Первые три ряда мешков были полностью разбиты. Из груды камней и земли торчал хвост камикадзе — самовзрывающейся чубатой птички. Верхние мешки, прикрывавшие пост, свалились.

Вернул свалившиеся мешки на место — они тяжеленные, поэтому сел после этого на свою лежанку, чтобы отдышаться. Прогредел второй взрыв. Шума летящей птички не слышал. Второй камикадзе застрял на тех мешках, которые старательно поднял после первого взрыва. Никого не задело. Вернулся Чик. Услышал сообщение по тапику о случившемся и сразу побежал к нам в Отросток.

Поступила команда дать ответку. Сделали два выстрела из РПГ по немецким позициям.

Попросил Чика внимательнее ещё раз осмотреть Шакая, а сам направился ко входу. Поправил развалившиеся ряды и уже было хотел собирать землю и камни из разорвавшихся мешков в новые, чтобы лучше укрепить вход, как раздался третий взрыв. Меня откинуло. Тупая боль в ноге в районе бедра. Нога онемела. Пополз в глубь Отростка.

Три камикадзе в одну точку и на одну группу. Больше двух никогда не кидали. «А ведь неплохо поработали, если немцы так взбесились», — мелькнуло в голове.

В глубине Отростка стянул с себя штаны и увидел дырку в бедре. Кровоточила. Залил перекисью и залепил пластырем, который подал Элпэка. Поднял трубку, чтобы передать инфу о третьем камикадзе, и услышал, что по Кишке тоже вдарило. Там затрѣхотило Ибрагима, «ноги» моей группы, и... двести, один, из штрафников.

Три человека из моей команды триста и один двести из штрафников. Передал инфу на Солнечное сплетение. Мне тут же сообщили, что за нами выходит эвакуация.

Через полчаса мы с Шакаем переместились в Кишки Дракона. Перед уходом Элпэка сунул листочек бумаги, на котором записал телефон своей мамы. Попросил позвонить и сказать, что с ним всё в порядке.

До Кишки еле дошёл. Обезбол не колот. Хотел проверить, насколько сильной будет боль, когда пройдёт первый шок. Боль сносная.

На Кишке Луна — командир группы разведчиков — уже ждал. Да, командир группы Смайла. Долетел к нам за считанные минуты. Сказал, что будет сам выводить. Решили выходить по серости. В шесть вечера.

Сели с Шакаем на пустой лежак, рядом с которым был лежак с погибшим воином. Позывной Шило. Двадцатипятилетний парень. Осколок в левый бок в районе сердца. Видимо, задето было и лёгкое, потому что вокруг рта заметил следы крови. Умер, как сказали парни, сразу. В момент удара он сидел рядом с Ибрагимом. У Ибрагима осколки в спине и голени.

Устал. Знобит. Остальное завтра допишу.

20 октября, 12:16

Так... На чем я остановился? В распоряге (девять вечера) Шакай взял чистое бельё и уехал лечиться, а мы с Ибрагимом пошли в баню.

Чудесное место наша баня. Будто смываешь, выпариваешь грехи, накопившиеся за долгое время, проведённое в походе на Дракона. На вид обычный домик. В коридоре раздевалка, потом дверь в помывочную, а из помывочной — в парилку. Ручка на двери парилки всегда горячая. Она приятно обжигает руку.

В помывочной огромная приземистая печь, на которой стоят баки с горячей водой. Рядом с печкой, на полу, баки с холодной. По периметру помывочной скамейки. На одной стене туалетное зеркало. Парни бреются. Не все, некоторые. Те, что помоложе.

В парилке ступенчатые полати. С правой стороны от двери маленькая печка, на которой лежат камни для того, чтобы подбавлять парку. Полати накрыты покрывалами.

Я сначала обдался водой в помывочной. Чуть смыл грязь. Потом пошёл в парилку. После парилки опять обдался водой, намылился, смылся — и снова в парилку.

И так раз пять. Под конец облился холодной водой. Глянул на себя в зеркало. Похудел я, конечно, страшно. Кости и кожа. Но кое-где приросли мышцы.

После бани пошли с Ибрагимом в таверну. Она изменилась в лучшую сторону. Стала изнутри красивой, ухоженной, уютной. Повар новый. Марсель. Шестидесятилетний доброволец. Мы разговорились. У парня семеро детей. Кавказец. Ушёл на фронт по идейным соображением. За Россию. Через военкомат не брали. Удалось попасть через наше подразделение. Тоже хочет быть нужным Отечеству. Накормил отменно. Рассольник с мясом! На второе пюре с курицей. Положил в тарелку помидоров и зелёный перец. Почистил головку лука. Чтобы я так жил! На третье чай с вафлями, печеньями и пряниками. Лучшее завершение дня.

К половине двенадцатого добрался до своего родного флигеля. Боже, как же мне было хорошо! Только нога немного ныла.

Уснул в седьмом часу утра. Проспал до половины одиннадцатого. Разбудил Газпром, которого отправил новый старшина, — улыбчивый, крепко сбитый блондин ростом выше среднего, с красноватым оттенком лица. Газпром сказал, что меня ждут на перевязку.

Собрался, доковылял до Чеха. Он осмотрел меня, поменял повязку. Пока ещё хромаю. Надо до Москвы полностью привести себя в порядок, чтобы никого не испугать. Повар из таверны попросил меня ходить к нему чаще. «Я, — говорит, — откормлю тебя, не беспокойся, поедешь домой толстый, розовощёкий и здоровый». После перевязки зашёл к нему. Опять наелся до отвала, поболтали. Отличный парень. Спросил меня за Саву, знаю ли. Он как раз сменил его в таверне. «Да, — говорю, — ходил с ним на своё первое БЗ». Посмеялись вместе. «Но я, — добавил, — никого не осуждаю». Ни один пятисотый не скажет обо мне дурного слова, будто я с презрением к ним

отношусь. Каждый человек, пришедший на войну добровольно, в моём понимании — герой.

Такие дела.

Позже, если вспомню какие-нибудь неупомянутые нюансы своего выхода с БЗ, дополню.

Сейчас планирую дойти до парикмахерши, а потом до штаба, чтобы отправить весточку на большую землю.

20 октября, 13:43

Забыл сказать, что вчера, вернувшись из госпиталя, прошёл мимо своего дома — темно — и уткнулся в пост, который стоит как раз за ним. На посту Китаец. Он сейчас в комендантском взводе, ходит караульным. Обнялись, как старые добрые друзья. Долго не разговаривали, я спешил в баню. Договорились позже пересечься, поболтать. Китаец, обнимая меня, сказал: «Как же я рад, Огогоша, что ты живой!»

Вернулся из парикмахерской. В любви не признавался. Но мы с девчонкой, пока стригся, душевно поговорили. Она мне рассказала о том, как живёт. У неё двое детей. Мальчишка четырёхлетка и девочка грудничок. Мальчишка до сих пор не разговаривает. В садик ходит на полтора часа два раза в неделю. Вспомнила, кстати говоря, про Саву, после того как я рассказал о том, в какое чудо превратилась наша таверна. Говорит: «Он часто ко мне ходил, бороду стриг». Поговорили о Дике, погибшем на выходе из Сердца. Ей нравился наш красавчик. Хорошенький был, молодой, как она выразилась. Ещё заходила тема о переживаниях мирняка, что наши доблестные дадут обратку. Сказал, чтобы не переживала. Не дадим. Надеюсь, главнокомандующий нас не подставит.

В любви не признавался, потому что решил сохранить слова для женщины, которую люблю. Думал, позвоню и скажу. Но свет отключили. Поэтому связи с большой

землёй нет. Как только дадут электричество, пойду позвоню. Обязательно. Позвоню и скажу всё, что чувствую.

20 октября, 18:43

Когда ходил на телефон отправить весточку подписчикам тг-канала, записанную мной тринадцать дней назад, встретил Ковбоя. Говорит: «Огогош, я горжусь тобой. Смотрю на тебя и радуюсь». Ковбой произнёс те слова, которые я хотел сказать ему. Смотрю на него, на наших молодых парней и горжусь ими.

Успел постираться. Днём отключали свет. Занёс вещи к новому банщику, оставил. После телефона, когда свет дали, встретил его по дороге из штаба. Он ехал на водовозной машине. Банщика и водовоза совместили. Теперь две работы делает один человек. Банщик помахал мне рукой и крикнул, что закинул мои вещи в стиралку. Святой человек. Тоже, как новый повар, кавказец в летах. На вид за полтос.

Шакай в госпитале, Чик и Костек ещё не вернулись с БЗ. Я в доме один. Но сижу всё равно в своём привычном флигеле.

В гости зашёл Калуга. Высушенный какой-то. На БЗ его не пустили. Пока сидит в комендачах. Просится рыть блиндажи на нуле. Вид у него потерянный. Жалкий.

Князь ушёл работать в полевой штаб. В полевом штабе жарко бывает. Ну, сразу было понятно, что в комендачах он долго не просидит. Затоскует по нормальной мужской работе.

Атмосфера в располаге мне нравится. Парни чётко делают каждый свою работу.

На бабье лето не успел. На земле стало так же холодно, как под землёй. У меня во флигеле газовая плита. Зажигаю, чтобы согреться.

Списался с Летучим и Ошем. Боевые товарищи из первого контракта. Летучий сообщил, что Штурман и Композитор — парни, которые меняли нас, когда мы увольнялись, — погибли. Ош обрадовался, что я жив. Прямо как ребёнок. Договорились встретиться, посидеть за кружкой пива.

Парень из «молодых», что при штабе, спросил, боялся ли я. Ответил, что если скажу: «Мне страшно не было», то сочтёт за психа или придурка. «Молодой» засмеялся, а я подумал про себя, что да, боялся. Боялся не справиться и подвести. Но я справился и не подвёл. Более того, мои действия сохранили человеческие жизни. Не только наших бойцов, но и мирных жителей.

20 октября, 22:22

Чех попросил подойти на медпункт. Передал приказ командира: «Лечь в госпиталь!» Я начал бурчать, что со скуки сдохну. Чех повторил: «Приказ!» Добавил, дескать, тебе потом будет проще получить выплаты, которые положены раненым. Какие выплаты за осколок в ноге? Я думал, у нас выплаты только тяжёлым положены.

Мне, пятидесятилетнему солдату, трогательно было узнать, что командир отряда беспокоится о выплатах подраненым бойцам. Благородно. По-офицерски.

Завтра с утра поедем с Ибрагимом в госпиталь. Сказали, дней на пять. Новое пространство, новые люди, ещё одна Тропа ярости (физически не переносу больниц!), ни разу мной не хоженная.

21 октября, 12:11

Глупое солдатское радио. Будто кривое зеркало. Только искажает не видимое, а услышанное. Искажает изрядно. До меня доходила информация, что на выходе

из Сердца погибло то ли шесть, то ли семь человек. В реальности затрѣхотило, и только одного. Причѐм не на выходе. Боец-чеченец сам выбежал из Сердца и начал фотографировать себя на фоне развалин. Селфился. Его и подрали немцы. Боец, видимо, забыл, или ему не сказали, что здесь настоящая война, на которой нет места тиктокерским привычкам. Если хочешь остаться живым, естественно.

Сидим с Ибрагимом в медроте, ждѐм, когда повезут в городской госпиталь. Мы здесь с восьми утра. Прибегал дежурный врач (или тут один единственный врач на каждый день, не знаю) и наорал, что сразу после ранения не приехали, дескать, раны могут загноиться. Спросил, делали ли нам обезболивающие уколы. Уколов нам не делали. Но я с болью сейчас даже без таблеток справляюсь. Комфортная палата. Прекрасная кушетка. Одеяло, подушка, простынка. Но парни всё равно лежат не раздевшись. Можно спокойно выйти на крыльцо и покурить. Бабахов не слышно. После месячного безвылазного пребывания на передовой кажется райским уголком.

22 октября, 01:36

К вечеру нас забрали из медроты и отвезли в госпиталь, находящийся в часе езды. В другом городе.

Приняли хорошо. Сделали повторно рентген, заполнили кучу бумаг, выслушали жалобы (я сказал, что в ушах звенит, нереально звенит, и уже давно). Сто раз каждая медсестра и каждый врач, работающий с нами, говорили, чтобы мы берегли справку формы сто, которую нам выдали в военном госпитале, сразу как вернулись с передка.

— Вы прививку от столбняка будете делать? — спросил врач, заполняя бумаги.

— Если надо, сделаю, — коротко ответил.

— Мне не надо, это надо вам. — Врач посмотрел на меня поверх очков. — Ну?

— Да, буду делать прививку.

Точно такой же разговор у врача был с Ибрагимом. Один в один. Прививку сделали.

Часа два-три длились осмотр и заполнение бумаг.

Сестра отвела в палату. Рассказала о распорядке, показала в окно, где находится магазин, если вдруг захочется что-нибудь купить из еды. Время было позднее. Магазин закрыт. Мы целый день толком не ели. Сказал об этом медсестре. Она принесла мне чай и бутерброды с маслом.

Нашли Шакая. Его поселили этажом выше. Сходили покурили, поболтали. Потом Шакай принёс колбасы и сникерс. Он ходил в магазин до нашего приезда. Дружно перекусили. Подключились к интернету и потерялись. Смеюсь.

22 октября, 11:24

Внутренняя потребность вести дневник — отпадает. Чувствую себя в полной безопасности, расслабленным и мягкотелым. Жёсткость и собранность ушли.

Не могу осмыслить происходящего и оценить изменения в себе. Есть ощущения, что изменений нет. Похудел, в ушах звенит, хромаю. Это всё? Мне этого мало. Вернее, мне не такие изменения нужны. А какие? Но я и на этот вопрос не могу ответить.

Отчётливо понимаю только то, что последние четыре месяца были лучшими в моей жизни. Я научился ценить себя и верить в себя. Может быть, это самое главное, чего удалось добиться. Мальчишество, фиглярство, капризы а-ля инфант террибль в почтенном возрасте, алкогольные скандалы и прочее, не украшающее меня поведение, — случалось от недоверия к себе: дескать, а гори оно всё... Но не вернутся ли они вместе с моим

возвращением с войны? Я опять превращусь в жалкого, никому не нужного человечка, который без алкогольного допинга боится с людьми общаться?

На войне нет будущего. Только настоящее. С настоящим я справляюсь. Как справиться с будущим, которое появляется при возвращении к мирной жизни?

Вот он страх. Я чувствую страх. Я боюсь.

22 октября, 13:55

Родные Калаша — боевого товарища по первому кругу — сообщили, что он три месяца назад подписал контракт на год и снова ушёл на войну. Не оскудеет земля русская героями!

Калаш работает на том участке фронта, с которым в скором времени соединится наш. Мы двигаемся по направлению друг к другу, чтобы выровнять линию фронта.

22 октября, 21:26

В палату заходили молодые девчонки. Волонтёры (или правильно будет «волонтёрши»?). Принесли печенюшек, сока, конфет.

— Вы местный? — спросила меня самая бойкая и взрослая.

— Да, — ответил, имея в виду палату, в которой находился.

— Из нашего города? — сделала неопределённое лицо.

— Из Москвы.

— А хотите носки тёплые? — оживилась.

— У меня есть.

— Возьмите ещё, носки хорошие!

Она достала из пакета носки и показала мне. Снисходительно улыбнулся. Не стал отказываться. Выглядело бы как неуважение. Она оживилась пуще прежнего:

— А трусики, трусики возьмите!

Протянула труссы. Я закатил глаза.

— Что же вы такие стеснительные, мальчики. Возьмите трусики!

— У меня есть, — тоном, не терпящим продолжения разговора, остановил её энтузиазм.

— Мальчики, мальчики! — покачала головой.

— Спасибо, девочки! — хотелось расцеловать их (её особенно), но сдержался.

Сдержанность мне идёт.

22 октября, 22:43

Ранение случилось, потому что я обидел беременную трёхцветную кошку. Будто отогнал от себя удачу. Прилетела ответочка. Ранение не смертельное, потому что обидел не специально.

Старался читать знаки судьбы, предугадывать развитие событий, просчитывать на два-три хода вперёд, а такое пропустил мимо, не подготовился.

Легко перепрыгивал брёвна, перешагивал кочки, а споткнулся на ровном месте.

Кто мог подумать, что немец потратит целых трёх камикадзе на мою группу, запуская их в одну и ту же точку, чтобы пробить укрепление? Максимум — пара. Но три! Укрепление всё равно не пробил, а меня подранил.

Третья трёхцветная кошка, третий камикадзе. Должен был дожждаться третьего и только потом выйти. Ведь легко предугадывается! Не предугадал.

23 октября, 10:12

Бесприютность. Замечаю за собой неприютность. В распоряжении хотел на БЗ, на БЗ — в госпиталь, а из госпиталя — в распоряжение.

Привык спать на мешках с битым бетоном, и теперь спина болит от ортопедического матраса, который лежит у меня на кровати. Четыре месяца мечтал о таком матрасе. Получил, и что? «Держи матрас и мечтай о чем-нибудь другом!» ©

Сдал анализы: моча, кровь. Попросил лечащего врача, чтобы меня ЛОР посмотрел. В ушах звенит. Звон монотонный. Громкий. Когда тихо говорят (или невнятно артикулируют), не слышу, а когда кричат, уши закладывает и больно внутри. Ещё такой приколы в последнее время. Слушаю музыку из телефона в наушниках. Потом наушники снимаю, а музыка ещё часа полтора играет. Сначала думал, это радио за стенкой. Удивлялся, что радио играет записи с моего телефона. Только радио за стенкой нет. Посмотрел.

В правой ноге незначительный осколок. Она значительно тяжелее левой.

На перевязку длинная очередь, как за колбасой в конце восьмидесятых — накануне обмена Отечества на жвачку.

23 октября, 19:00

Новый повар обещал к увольнению откормить. Уж было обрадовался. Но пришлось госпитализироваться. Кормёжка здесь такая же, какой была у нас на базе до появления Марселя. Это не страшно. Рядом есть магазины, и девочки-волонтёры приносят всякие вкусности. Проблема в другом. Совершенно не хочется есть. У меня уже тумбочка забита шоколадками, мандаринками, соками и печенюшками. Есть не могу, и всё. Аппетита нет. Был бы волшебником, взмахнул бы палочкой и отправил вкусности в Отросток Дракона — парням, которые сейчас там держат оборону и кошмарят немцев. В Отросток, в Сердце, в Солнечное, в Кишку. Сладости там нужны.

Такое трудно объяснить волонтерам, которые из всех сил стараются нам помочь. Новые трусы, носки, майки нужны не здесь, на мирной территории, а там, на линии соприкосновения, — парням, которые неделями не вылезают с передка, не имея возможности помыться.

ЛОР проверил уши. Барабанные перепонки в целости. Сказал, что чего-то там изменено. Что именно, не расслышал. Деформация. Выписал таблетки. Просил аккуратнее пользоваться наушниками.

24 октября, 10:54

Сделали кардиограмму. Спросил, всё ли нормально, сказали, что да, нормально.

Врач на обходе отправил на «магнит». Я слышал, что с помощью магнита вытаскивают осколки. Процедура не из приятных. Можно порвать мышцы. Поэтому подскочил с койки и закричал, что никаких магнитов не надо мне, я вытащу осколок сам, когда вернусь домой. Врач посмотрел на меня, как на душевнобольного, и произнёс: «Конечно, сами вытасщите...» Развернулся и ушёл.

Оказывается, «магнит» — это такая пятиминутная процедура. Заходишь в кабинет, ложишься. На рану кладут пластмассовую штуковину с магнитом внутри, подключённую к аппаратам с лампочками. Штуковина называется «магнитёр». Не тяжёлая. Может, полкило. Не больше. Лежишь, ничего не делаешь, тупо смотришь в потолок и ждёшь, когда истечёт положенное на процедуру время.

В направлении написано, что я должен пройти десять подобных процедур, значит, десять дней. Столько я здесь не высижу. Максимум через пару дней начну возмущаться, чтобы отправили назад к парням. Сказал об этом медсестре, которая провожала до «магнита». Медсестра лукаво улыбнулась и попросила вести себя прилично, иначе

оставят в госпитале на месяц. Это она так пошутила, чего я сразу не понял.

24 октября, вечер

Бестолковый день. Проторчал в интернете, читал и писал глупости. Маюсь. Организатор одного малоизвестного как бы патриотического фестиваля у себя на канале написал, что меня больше никогда на этот фестиваль не пустят, потому что я плохо отношусь к «детям Донбасса». Люди умеют переворачивать сказанное. Я писал, что не люблю людей, которые наживаются, используя трагедию «детей Донбасса». Да и «дети Донбасса» для меня — это не только погибшие дети донбасского мирняка, но и наши двадцати-тридцатилетние парни с разных уголков России, вставшие на защиту того же Донбасса, Отечества.

25 октября, семь утра

Мы с Ибрагимом вдвоём в пятиместной палате. Радостно наблюдать, что госпитали не забиты до краёв. Ничего особенного не происходит. Не происходит ничего. Отвык от этого. Процедуры, осмотры, курение в туалете, соцсети, четырёхразовая кормёжка. Сна нет. Не спится. Одной ногой, здоровой, уже дома. Больная пока ещё здесь — на войне.

На утреннем обходе врач спрашивает фамилию. Называю. Врач на секунду замирает. Видно по глазам, что у него что-то непонятное в голове шебуршится. Замешательство проходит, и он произносит:

— Достаточно одной фамилии!

О, если бы я прибавил к фамилии литературный псевдоним, а к нему позывной, он бы меня в психиатрию

определил с диагнозом шизофрения. Расщепление сознания. Во мне много человек живёт, и у каждого есть своя фамилия.

Не хромаю.

25 октября, 23:26

В палату добавили ещё одного парня. Расписной. Будет третьим. Молодой, но уже с бородой. Долго не брился. Привезли с ожогами. Рука и лицо. Левая сторона. Работал на том участке, где сейчас Калаш.

Расписной назвал меня Дяхой. Сразу вспомнил Рутула.

— Ты из Дагестана?

— Из Саратова.

— Меня боевой товарищ из Дагестана Дяхой называл.

Поэтому спросил. Его позывной Рутул.

— У нас тоже есть парень с таким позывным.

— Да?! Значит, у вас брат нашего Рутула. Брат-близнец.

— У него ранение в голову было. Осколок.

— Рутул рассказывал.

26 октября, 10:30

Процедуры, процедуры, процедуры.

Перечитал начало дневника. Пережил заново.

26 октября, 18:20

Стою перед выбором. С одной стороны, хочу попроситься из госпиталя в располагу — сил нет здесь находиться на пороге дембеля, а с другой... Меня одного забирать не будут. Ибрагима и Шакая присоединят. Значит, не дам парням возможности нормально отдохнуть и подлечиться. Получается, что на другой чаше весов здоровье боевых товарищей.

27 октября, 13:29

Не выписывают.

28 октября, 14:57

Изменился ли я? Внешне, да. Поседел. Похудел. Отрастил бороду. Полюбил короткую стрижку. Меньше сутуюсь. Дыхание стало тяжелее. Но голова, кажется, лучше работает.

Нет прежнего бардака. У каждой мысли своё место. Можно взять любую, поносить, а потом аккуратно снять и положить на место.

Не думаю, что после возвращения домой голова останется такой же — собранной. Скорее всего, окажется во власти творческого беспорядка, в котором жила до моего ухода на войну.

Натура гибкая. Быстро встраиваюсь в среду и впитываю в себя окружающее пространство, становясь ничем от него не отличимым. С этим помогла разобраться война, и в этом увидел большой минус.

Общаясь с плохими людьми, становлюсь плохим. До отвращения к самому себя. С хорошими — хорошим. Но никогда не бываю настоящим.

Отсюда, видимо, возвращенная интровертность, которая помогала сохранять идентичность.

Гибкость — неизменное качество натуры. Надо принять и перестать искать подпорки. Поэтому, вернувшись с войны, постараюсь ещё меньше общаться с людьми. Хочу быть до конца настоящим.

Моё отношение к происходящему не изменилось. Война способна открыть в человеке его лучшие качества, которые в условиях мирного существования пылятся за ненадобностью где-то глубоко внутри.

Война — это самое прекрасное, что произошло со мной за пятьдесят лет жизни.

Дырка в ноге чешется. Рана заживает.

29 октября, вечер

Этаж, где размещаются раненые из нашего подразделения, атмосферой похож на пансионат. Парни стригутся, стираются, торчат с телефонами в курилке — курить разрешили у туалета, не у всех есть возможность спустаться вниз на улицу, ходят или катаются на инвалидных креслах с кружками, в которых дымится свежесваренный чай. Спокойные лица, лёгкие. Медсёстры называют нас мальчиками. Всех, независимо от возраста.

Пытался дозвониться до мамы Элпэка, но не получилось. Звонок через ватсап не проходит. Скорее всего, у неё в телефоне этого мессенджера нет.

Завтра, надеюсь, нас выпишут. Меня, Ибрагима и Шакая. Парни в госпитале порозовели, подлечились и отдохнули. Надеюсь, у них будет всё хорошо. А я... а я буквально через пару дней домой.

30 октября, день

Выписывают. Сегодня на базу, завтра в сторону дома. Курю, курю, курю, накуриться не могу.

Сфотографировались с Ибрагимом и Расписным. Расписной полночи в телефоне торчал. К обеду только проснулся.

Впрочем, я тоже читал новостные ленты, силясь понять, что в моё отсутствие происходило на большой земле.

Многое кажется смешным и ненужным. Наносным, нестоящим внимания. Пустым.

Есть некоторый мандраж: потяну ли я теперь мирную жизнь? Как впишусь? Столько всего чуждого стало мне. Ещё одно испытание.

Боже милостивый, спаси и сохрани. Дай сил, терпения, стойкости и мужества.

30 октября, 19:17

За нами в госпиталь приехала скорая помощь медроты. Вышли во двор. Во дворе стоит Прочерк с перевязанной головой. Затрѣхотило на Сердце Дракона.

Последние десять дней, пока я был в госпитале, Прочерк находился там. Говорит, тяжело. Немцы как с цепи сорвались. Отбивались. С доставкой совсем плохо. «Ноги» не могли зайти. Плюс ко всем бедствиям — нашествие мышей.

Двадцать восьмого вывели. Его и Сургута. Ранило дней за пять до выхода. Ранение — царапина. Рассечена кожа. Сразу отвезли в столичный госпиталь. Положили в фойе. Мест нет. Битком. Проверили. Череп цел. Отправили назад.

Стояли во дворе госпиталя, в котором я лежал, ждали сопровождающего. Болтали. Прочерк исхудал. А я, наверное, чуть поправился. Пришёл сопровождающий, погрузились и поехали. Я, Прочерк, Ибрагим и Шакай.

Привезли в медроту. В распорягу завтра. Сегодня ночуем здесь. Встретил нас Снежок. Разместил по разным комнатам. Я в комнате у Снежка.

Думал, что Снежок не узнал меня. Но когда расположился в комнате, присел на кровать и закурил, принёс еды, колу, сникерс и сказал, что память у него хорошая, к тому же, как он выразился, я — единственный человек на войне, который читал Стругацких.

Снежок повзрослел. Но говорит так же много. Слушать тяжело. Рассказал, что отпускали домой на похороны мамы. Долго расспрашивал про деньги. Сколько получил и прочее.

Планирует по возвращении с войны начать какой-то бизнес. Какой — не расслышал. Потом сказал, что, может быть, займётся политикой. Дескать, говорить я умею, а перед ветераном боевых действий все двери открыты.

Потом рассказывал о том, что у него друзья юристы и он обязательно выбьет из Минобороны «боевые». Какие боевые, если на Дракона никогда не ходил? Не знаю. Снежок странный.

У меня разболелась нога. В госпитале давали таблетки, думал, что они от звона в ушах. Но Ибрагим сказал, что обезболивающие. Получается, я десять дней на обезболи, поэтому боли не чувствовал. Не хромал. Сейчас чувствую. Нога начинает ныть.

31 октября, 09:25

Бизнес Снежка. Хочет купить караоке, колонку, микрофон и петь на площади военные песни. Деньги, говорит, хорошие.

Снежок — это персонаж. Такие люди только в литературе бывают. Зачем он здесь, на войне?

31 октября, обед

Мы вчетвером в медроте. Я, Прочерк, Шакай, Ибрагим. В начале седьмого утра звучит команда: «Дембеля, с вещами на выход». У меня с Прочерком последний день контракта. Мы с госпиталя, без вещей и без оружия. Они в расположении. Вышли.

На территорию медроты заехало несколько КамАЗов, в которых сидели парни нашего потока. Парни выскочили из машин. Счастливые. Обнялся со всеми. Ко мне подошёл Кубань и крепко пожал руку со словами:

— У меня получилось. Я справился.

На лице гордая улыбка, спина прямая.

— Я тебя всё время теряю, — ворчал Ахмед, по-детски жмуря глаза, которые наполнились слезами.

Ещё раз поблагодарил Луну, который прибежал вытаскивать меня подраненного из Кишки Дракона.

Сто раз обнял Смайла. Подошёл Ковбой в чёрных очках. Они накануне зацепились с Луной. Ковбой прятал за очками результат сцепки.

— Наслышан, наслышан о твоих подвигах, — сказал, по-отечески обнимая Ковбоя.

Ковбой покраснел.

Обменялся с Китайцем телефонами, попросил его не пить без меня.

Мы с Прочерком ехать со всеми не могли, потому что нужно было сначала попасть в расположение, забрать вещи и оружие. Госпиталь смазал финал.

Парней застроили, пожелали им хорошей дороги до дома. Прозвучала команда: «К машине!» Парни загрузились и поехали. Долго смотрел им вслед. Перекрестил.

— Я — Прочерк... — сказал Прочерк. — Даже дембельнуться со всеми не могу. Будто лишний. — Посмотрел на меня и добавил: — И тебя заразил своим прочерком...

Через полчаса приехала за нами машина. Шакай с Ибрагимом остались — «молодые», а мы поехали в расположение.

В располаге собрали вещи, взяли у старшины своё оружие. Старшина, смеясь, рассказал, что Костек обналичил зарплату и сумку с деньгами оставил в домике. Сумма приличная. На радостях, что с войны возвращается, за был обо всем на свете.

Машин свободных не было. Командир отряда повёз нас и сумку с деньгами Костека на своём личном «Патриоте» догонять колонну.

31 октября, вечер

В Ростове-на-Дону. У бабушки, о. Сергея Красникова. Почти год назад он благословлял меня на путь ратный. Было честью и долгом при возвращении с войны приехать к нему в Храм всех Святых, в Земле Русской просиявших, и преклонить колени.

Расскажу о дороге, которую мы проехали.

С командиром отряда долетели до города, в котором сдали оружие, быстро. Но колонну всё равно не догнали. В городе поймали Костека, вспомнившего, что оставил деньги в распоряжении. Ему передали, что командир отряда едет и везёт его сумку, поэтому он отстал от колонны, сидел и ждал нас.

Сначала командир отряда хотел докинуть нас до автостанции, где бы мы, пересев на рейсовый автобус, переехали границу, но махнул рукой:

— Вы будете первыми солдатами, которых я лично на своей машине довезу до самой границы и провожу.

Всю дорогу пытался найти какие-то слова благодарности, но язык плохо работал. То ненужный пафос пёр, то начинал мямлить. В конце концов просто ладонью легко постучал себя по груди и произнёс:

— Мне вот здесь хорошо, командир.

У командира три брата воюют на той стороне. Не думаю, что по своей воле. Сам командир на войне с апреля двадцать второго. Украинец. Отработал два контракта штурмовиком. На третий контракт позвали командиром отряда. Он лучший. Лучший командир, которых я встречал на этой войне.

Перейдя границу, таможенный контроль, обернулся. Он стоял и смотрел на нас. До последнего. Проконтролировал наш переход — мой, Костека и Прочерка. Я сжал руку в кулак, приложил её к груди и наклонил голову. Попрощался с командиром. Он кивнул в ответ.

Взяли такси, на котором доехали до Ростова-на-Дону. Я пошёл в храм, Костек — на вокзал, чтобы оттуда рвануть поездом до Махачкалы, а Прочерк, созвонившись с Сургутом, который снял на сутки квартиру, пошёл к нему.

1 ноября, день

С утра позвонил Прочерку узнать, как у них дела. Трубку никто не снял. Напились, подумал, куролесят или спят после шикарно проведённой ночи.

Днём позвонил Сургут:

— Прочерк двести, я повёз его домой...

— Напился, что ли, Сургут? Прочерк тоже пьяный, он спит?

— Прочерк двести. Сердце остановилось.

Через несколько дней Сургут похоронит Прочерка дома, в Тамбове, с флагом и салютом, как настоящего воина, коим он был за ленточкой. А сейчас я первый раз за всё время, которое был на войне, заплакал, не скрывая, не пряча слёз.

Дополнение

(избранные записи первого круга)

22 января

Шёл штурм. Наша арта молчала. Поддержки не было. Нахрапом взяли несколько позиций нацистов. Нужно срочно организовать прикрытие. Пионер направился на позиции мобилизованных — мобиков.

Ползком, перебежками, опять ползком. Добрался до блиндажа. Влетел и закричал первому, кто попался на глаза:

— Ты кто?

Мобик выпучил глаза, присел от страха и прошептал:

— Доброволец...

— А я Пионер!

Новоиспечённый доброволец тут же выпрямился и, отдавая Пионеру салют, отчеканил:

— Ура!

— Пулемёт есть?

— Есть!

Мобик перевёл взгляд на мирно стоящий в углу пулемёт.

— А патроны есть?

— Патронов нет! — снова отчеканил мобик, демонстрируя пустую пулемётную ленту.

— А это что? — Пионер показал на рассыпанные по блиндажу и втоптаные в грязь патроны от пулемёта.

— Так ведь они грязные! — снова отчеканил мобик.

— Мыть и заряжать!

— Воды нет...

— Ссыте, мойте и заряжайте! — заорал Пионер.

Мобики схватили жестяную коробку от автоматных патронов, валяющуюся тут же под ногами, построились в ряд один за другим и наполнили её. После чего принялись тщательно отмывать патроны и заряжать ленту.

Минут через пять-семь лента была полностью забита. Пионер выволок из блиндажа пулемёт, установил его, заправил и подозвал к себе «добровольца».

— Так ты мобик или добрик?

— Мобик... — «Доброволец» опустил глаза.

— Неважно, — Пионер улыбнулся. — Стрелять из пулемёта умеешь?

— Да! — Глаза «добровольца» загорелись.

— Тогда стреляй вон в ту сторону... — Пионер дал направление и добавил: — Прикроешь. Только смотри, меня не подстрели!

Мобик-доброволец отсалютовал:

— Есть!

Пулемёт застрочил, а Пионер ползком и перебежками направился в сторону других позиций искать огневую поддержку для штурмовой группы.

27 января

Отрастил бороду. Всю жизнь мечтал быть похожим на белорусских партизан, и вот, кажется, новый образ уже чуточку приблизился. Даже имиджмейкеров не понадобилось. Хватило одного горячего сердца и любви к Отечеству.

30 января

Будучи на гражданке, много раз видел и слышал, как дети пишут письма парням на фронт.

У меня есть знакомые волонтеры, которые занимаются тем, что собирают детские письма и пересылают их на боевые позиции.

Раньше мне казалось, что это ненужнейшее занятие. Ну какое дело бойцу до детских почеркушек, когда кругом жахнет и вот-вот отправишься в страну вечного покоя?

Но когда оказался на фронте и получил несколько детских открыток с пожеланием скорейшей победы и возвращения домой, у меня катились слёзы из глаз, и не только у меня. У всего нашего взвода. Я зачитывал открытки вслух, а парни рыдали от счастья.

Это та реальность, которую трудно понять мирняку.

Две цветные открытки нам передал комбат. Третье поздравление с Новым годом парни нашли в аптечках, которые собирали для нас Ани Долгарева, Штапич (фонд «Смертельная русская речь»).

31 января

— Огогош, можно я буду называть тебя Дядюшка Сэм?

Так получается, что если разговор о работе, то парни обращаются ко мне Огогош. В быту чаще называют Поэтом или же Литератором. Но это свои.

С Бароном познакомились три дня назад. Он ещё и не знал, что я известный в узких кругах автор, поэтому общение шло стандартно: Огогош — Барон, Барон — Огогош. Но подружились сразу. Барон чеченец.

После шаблонного вопроса «Что значит Огогош?» и такого же шаблонного ответа «Это значит, что я ещё о-го-го» Барон сказал:

— Огогош, можно я буду называть тебя Дядюшка Сэм?

— Называй, — рассмеялся.

— Понимаешь, Дядюшка Сэм, — с ходу пояснил Барон, — меня так маленький племяш называет. Будет звучать как что-то родное, если теперь я буду называть Дядюшкой тебя. Я же младше!

— Хорошо, Племяш!

14 февраля

Мир на войне другой. Настоящий. Лишённый мелочности, низости, лицемерия и подлости. Он приближается к совершенству. К тому, что задумывал Бог, отделяя тьму от света.

На войне концентрация порядочных людей предельно высока.

Плохие люди здесь не выживают. Они либо погибают от выстрела в спину (если кто не знает, то человек, убегающий с поля боя, — это самая удобная мишень, она статична и максимально открыта), либо, как здесь принято говорить, быстро пятисотятся — отказываются выполнять боевые задачи.

Если таких не комиссуют, то держат из жалости в качестве обслуги, забирая у них оружие.

Оружие в руках труса стреляет исключительно по своим. Поэтому я, конечно, придерживаюсь того мнения, что подобных людей надо убирать из зоны боевых действий. Они здесь есть. Но их единицы. У нас в батальоне на двести человек был только один.

Мир на войне почти идеален. Здесь первична взаимовыручка, забота о товарище на грани самопожертвования, уважение к сослуживцам.

Здесь правят отвага, доблесть и честь. Здесь не обманывают и не льстят.

Интриги, подковёрные игры и воровство ниже уровня штабного командного состава, то есть к бойцам в окопы, не спускаются. Бойцы даже не знают, что это такое. Вернее, знают, ибо не дети, но как этими инструментами пользоваться, извлекая из них выгоду, не знают.

Хорошим людям плохо приходится только в мирной жизни, а вот на войне они чувствуют себя как рыбы в воде, будто в своей стихии.

Они не способны к предательству. На войне — это достоинство. На гражданке — мешающий выживанию недостаток.

Они прямолинейны и честны. На войне — это доблесть. На гражданке — самоубийство.

Они открыты. Не для врага как цель, а для товарища как слушающий и слышащий собеседник, верящий в тебя и способный поддержать в любую секунду. На войне — это Божье ухо. На гражданке — простодушие лоха.

Они отважны. На войне — это заслуга. На гражданке — проблемы с законом.

Мир на войне удивительно чист, прост и прекрасен.

Рано или поздно человек всё равно умирает. Но лучше погибнуть с честью на войне, чем от какой-нибудь

болезни печени дома, лёжа на диване, жалея и ненавидя себя.

15 февраля

Редкий чеченец, оказавшись под миномётным обстрелом, не скажет: «На всё воля Аллаха!» и не останется сидеть под открытым небом. Русский говорит: «На Бога надейся, а сам не плошай» и спокойно топаёт в ближайший блиндаж отобедать сникерсом.

15 февраля, вторая половина дня

Никита. Позывной Кит. Русский богатырь с ногой сорок девятого размера. На гражданке работал татуировщиком. У Кита был свой тату-салон. Доброволец.

В Гудермесе, где мы проходили подготовку в Российском университете спецназа (РУС), ему не могли подобрать обувь. Помню его растерянное и в то же время гордое лицо, с улыбкой принимающее ситуацию.

Спрашиваю: дескать, как ты живёшь с такими ногами? «Вот так и живу, — отвечает. — Ношу не то, что нравится, а то, во что влезаю».

Погиб при штурме. Попал под миномётный обстрел. Перебило ноги. Его оттащили к воронке, а сами пошли дальше. Вперёд. Эвакуационная группа должна была забрать.

Наша обещанная в поддержку арта молчала. Штурмовая группа с наскока прошла линию нацистских окопов и наткнулась на шквальный огонь вражеских миномётов, к которому вскоре присоединился танк. Началось цирковое представление с фейерверками. Пришлось отступить.

Впоследствии узнали, что перетягивали вражеский огонь на себя, чтобы рядом работающие музыканты могли спокойно делать своё дело. Ну как узнали. Просто

решили между собой таким образом оправдать отсутствие нашей арты, которая должна была отработать район перед штурмом.

На обратном пути Кита в воронке уже не было. Эвакуационная группа сообщила, что погиб. Но и они видели его последний раз как раз в той воронке, в которой он оставался. Не могли понять, куда он делся. Надеялись, что всё-таки живой. Просто пополз в сторону позиций мобиков.

На следующий день дронами его нашли в семидесяти метрах от воронки. Пополз, но не дополз. Умер от потери крови, скорее всего. Нацисты сняли с него одежду... и сапоги. Найденные специально для него сапоги сорок девятого размера. Не знаю, зачем они им.

Одежду — это понятно, укропы мёрзнут. Они со всех наших погибших одежду стягивают и потом носят её. Мы ведь выходим на боевое, как правило, во всём новом. А вот зачем укропам сапоги такого размера, ума не приложу. Укропы по природе мелковатые. Особенно те, которые на передке. Может, вместо вёдер — воду таскать?

Утром эвакуационная группа поехала забирать Кита с поля боя. Миномёты укропов уже были пристреляны по нему. Подойти невозможно. Как только группа приближалась, начинался обстрел квадрата.

Просили арту под новый штурм. Думали, будет новый штурм с артой, вынесем тело. Арту не давали. Тело не вынесли.

Эвакуационная группа ездила три раза — и три раза безуспешно. К концу недели наше подразделение перебросили на другое направление. Кит остался на поле боя.

16 февраля

Шестьдесят дней.

Вроде совсем ничего, но есть ощущение, что прожил ещё одну полноценную жизнь. Переоценки ценностей не

случилось. Произошло нечто более важное. Я перестал сомневаться в себе. Кнопка самоуничтожения, на которую то и дело давил на гражданке, испытывая отвращение к себе и к окружающему миру, как бы перестала для меня существовать. Я все ещё помню, где она находится, но теперь уже даже не смотрю в её сторону. Центр внимания сместился. В голове царствуют два ключевых слова: «победить» и «выжить». Они крепко связаны между собой и, как влюблённая парочка, не ходят друг без друга. Победить и выжить. «Победить» — это, наверное, мальчик, а «выжить» — девочка. Не помню, кто именно произнёс эти два слова. Кто-то из парней моего взвода в самые первые дни. Сам бы я не родил их. Именно в том порядке, в котором они произносятся сейчас. Важные слова.

19 февраля, 18:12

Поставил парням «Обугленный танк» Вадима Степанцова на мои стихи. Запись с канала «Звезда». А там в титрах написано, что слова и музыка Вадима Степанцова.

Надо мной посмеялись, дескать, хватит, братан, заливать, это придумал Степанцов, а не ты! Пришлось сказать, что пошутил. Зато теперь все ходят и поют: «... на русском обугленном танке!»

22 февраля, 07:45

По вчерашнему посланию Предводителя орков Федеральному Собранию.

Понял, что как бы мирных переговоров с хозяином (с хозяевами) киевских нацистов не будет. Это плюс.

Напрягла только фраза, дословно не помню, но прозвучала она приблизительно так: «Мы не будем сводить

счёты с теми, кто отступился от Родины. Пусть это останется на их совести...»

Дело в том, что нет у них совести, а это значит, что реальные убийцы — люди, из-за которых СВО потихоньку превращается в затяжную войну с огромным количеством жертв, — снова останутся безнаказанными.

Опять ползет из всех щелей картавая и гнусавая погань вопить о «кровавом режиме», поносить Отечество, лгать, воровать, провоцировать конфликты и воспитывать молодёжь в духе нацпредателей, пряча за плакатами «Нет войне» желание истребить вас и ваших детей.

25 февраля, глубокая ночь

Они будут лезть, и вы ничего сделать не сможете, потому что любое противостояние будет наталкиваться на фразу: «Не занимайтесь охотой на ведьм!»

Тогда людям, вернувшимся с войны, в условиях мирной жизни придётся братья за оружие и бороться с этой поганью так, как они уже научились.

Парни вспомнят Данилу, и тема «Брата» растянется на сериал, величиной с какую-нибудь сантабарбару.

Здесь большой минус.

25 февраля, глубокая ночь

Никогда не рефлексировал на тему «Почему именно я должен идти на войну?». Этот вопрос решался встречным: «Почему кто-то другой, а не я?» Да, вы правильно заметили. Не банальное «Кто, если не я?». А вот именно «Почему кто-то другой, а не я?».

Выбор был сделан. Занимался только решением вопроса «Как?». Слава богу, мне удалось его решить. Не с первого раза, конечно, не со второго и даже не с третьего. Но тем не менее решил.

Была потребность — внутренняя необходимость — идти простым солдатом. В самую гущу событий. Не военкором, не волонтером. Простым солдатом. Чтобы на своей шкуре испытать всё, что чувствуют обычные парни, оказавшись на войне. Пройти своими ногами.

Опять же, не для того, чтобы набраться впечатлений. Адреналина мне и в мирной жизни хватало. А если чувствовал иной раз недостаток в нём, то легко находил. Проблемы не было. Уж чего-чего, а найти приключение на свою пятую точку всегда мог.

Я не так молод, чтобы шустрить военкором, а гордыня мешает заниматься сбором гуманитарки. Путь солдата — мой путь.

Став солдатом, надеюсь, что смог помочь Отчеству больше, чем если бы до сих пор оставался поэтом с дивана.

Не ищите в моих словах оскорбления тех, кто не нашёл возможности встать под ружье. У каждого свой путь, и каждый занимается решением общей проблемы своим, возможным только для него, способом.

Простой солдат, если он знаком с тем, как работает система, видит и понимает больше. Для блогеров и патриотично настроенных пользователей сети флешмоб «Дайте снаряды музыкантам!» — развлечение. Для меня — системная ошибка, связанная с плановым или нормативным подходом к ведению войны.

Артиллеристы выпускают определённое количество снарядов не потому, что они нужны, а потому, что такие нормативы.

Написано, что надо выпустить по десять снарядов на два квадрата, они выпустят по десять. Вопросов о том, что в одном месте нужно пять, а в другом — пятнадцать, никто не задаёт.

В результате мы получаем снарядный голод в одном квадрате, а в другом — бессмысленное расходование БК.

Дальше хуже. Каждый квадрат разбивается ещё на четыре, на каждом новом квадрате своё отдельное подразделение, у которого свои командиры — своё начальство. И если вы устраиваете флешмоб «Дайте снаряды какому-нибудь одному!», то имейте в виду, что три других подразделения пойдут в штурм со стрелковым оружием без артподготовки. На танки с автоматами.

Итог ясен. Штурмовики с артиллерией выйдут из боя с победой и небольшими потерями, а три оставшихся подразделения позорно проиграют битву и потеряют больше бойцов.

Первые в общественном сознании будут героями, три других — трусами. Хотя... По общему счёту герои здесь все. Просто система сработала только на одних.

Из окопов оно виднее. Только я обычный солдат и не имею права поднимать подобные темы. Потому, наверное, в моих соцсетях нет рассуждений о том, как лучше и правильнее воевать.

Мне ближе — роднее — солдатский быт и чёткое выполнение приказов. Всё остальное для командования и людей, которые изучают войну как науку.

27 февраля

Песни Акима Апачева парни хорошо знают. Каково же было моё удивление, когда мне сказали, что никогда не слышали «Грязную работу» РИЧа.

Пришлось ползком по минному полю пробираться, чтобы поймать сеть и скачать парням песню. Про минное поле, как вы поняли, я для красоты приврал, но тем не менее песню скачать удалось.

Так что, надеюсь, мой вклад в развитие и распространение русской музыкальной культуры среди наших доблестных воинов будет на небесах отмечен.

К слову сказать, не считаю нашу работу «грязной». Защищать Родину — одна из самых благородных профессий. Здесь чисто работают, даже если необходимо по уши залезть в грязь.

Грязной работой занимаются люди в белых пальто. Они подличают, лгут, воруют, твякают из-за угла. Они предадут, бросают в беде, плетут интриги, сплетничают за спиной. Они полны ненависти. У них нет Родины, нет друзей, нет будущего. Нет ничего.

С минуты на минуту начнётся весна. Кто бы мог подумать! Уходя на фронт, даже представить себе не мог, что буду так сильно радоваться приходу весны.

28 февраля, 23:42

Всё-таки я фартовый человек. Простите, сплуну на всякий случай. Тьфу-тьфу-тьфу. У меня по-прежнему все хорошо. Жив и здоров. Я жив и здоров, а на улице — там, наверху — весна! Обалдеть просто...

Дело не в фарте, конечно. Кажется, меня берегут все. Молитвами, добрыми письмами, словами и поступками. Иначе бы я не выжил. Спасибо вам!

Всегда знал, что у меня самый лучший ангел-хранитель, и он в очередной раз показал мне, что умеет хорошо делать свою работу. Спасибо ему!

Многое хочется рассказать вам о жизни на фронте. Но я не знаю, что можно говорить, а что нельзя. Поэтому ловите немного пустых полных эмоций, не перегруженных информацией. Может, они сделают вас чуть счастливее.

1 марта, раннее утро

У простого солдата два слабых места. Ноги и его железные причиндалы. Если начинающий воин думает, что

его яйца настолько твёрдые, что не требуют постоянного ухода, то он глубоко заблуждается.

Взопревший низ быстро превращается в головную боль, которая тащит за собой потерю внимания, рассеянность и дурное настроение.

Воин страдает излишней медлительностью и передвигается так, будто у него между ног застрял пони. Итог ясен. Подразделение теряет одну боевую единицу, а взамен получает скулящего и ни на что не годного бойца.

Влажные салфетки при дефиците воды нужны не только для того, чтобы протереть лицо или руки, а существенный запас чистого нижнего белья — это не прихоть, а первая необходимость.

Возможности постираться нет, не было и никогда не будет. Имейте в виду, даже если у вас эта возможность изредка появляется.

С ногами ещё сложнее. Обувь, которую выдают, непригодна для постоянного ношения. Первые ботинки, полученные в университете спецназа, за три дня убили мне ноги. Было ощущение, что мозоль идёт по всей ступне. Не на пятках и пальцах. А прямо по ступне.

Хорошо, что я эти ботинки потерял. Когда нас перевозили из университета к зоне боевых действий — это зимой четырнадцать часов в продуваемом КамАЗе, — я скинул их, чтобы надеть гражданскую обувь, прихваченную с собой. Так эти ботинки и остались в КамАЗе. Потому что, приехав к первым петухам в распалагу, мы вываливались из машины, как дерьмо из задницы верблюда. Думать о несносных ботинках уже не мог.

На следующий день распухшие ноги в гражданскую обувь не влезли. Мне пришлось натягивать выданные в университете резиновые сапоги. С одной стороны, хорошо, что они были на пару размеров больше. По первой ноге влетели и замерли в них. Некоторое время было удобно.

Белая полоска на голенище, непонятно зачем сделанная, светилась в темноте. Этакая цель для снайпера. Кто-то из парней залеплял ее скотчем, кто-то замазывал краской. Я натянул на неё тряпичный непромокаемый ободок, идущий поперек голенища.

К обуви на два размера больше надо долго привыкать. Не чувствуешь, где находится твой мысок и носок сапога. Тебе кажется, что подошва короче. Через пару-тройку дней я зацепился носком сапога за машину и порвал его.

Но это не основная проблема. За пять-шесть часов ношения сапогов в них собирается стакан воды конденсата. Ноги потеют. Сапоги не дышат. Ты вроде в резине и не должен промочить ног, однако твои ноги постоянно мокрые. Ходишь будто босиком по луже.

Боевой товарищ дал мне свои сапоги, пока сам ходил в ботинках. Я немного успокоился. Лучше ходить в луже, чем в сапоге с оторванным носком. Хотя внутренне я был готов и к этому. Когда боль в ногах становилась невыносимой, говорил себе: «Это просто боль, ничего страшного...» — и немного отпускало.

Неделю проходил в сапогах боевого товарища, пока они прямо на мне не сгорели. Оказывается, они плавятся быстрее мячика для настольного тенниса. Не успел почувствовать жар, как увидел расплавленные сапоги, капающие резиной прямо с моих ног.

Другие сапоги нашёл мне Летучий (наш замок) где-то в лесу. Внутри был лёд. Я подержал их в тепле, вылил воду, высушил и ходил в них до тех пор, пока не пришла гуманитарка от «Русской смертельно речи» (Долгарева, Штапич), в которой были хоть и тяжеловесные, но удобные зимние берцы. В них проходил второй месяц.

Эти берцы удобны для работы в лесных буреломах и на городских развалинах. Хорошо держат ногу. Крепкая подошва и кожа. Есть ощущение, что они выдержат «лепесток». Но для перехода по пашням не приспособлены.

Налипают чернозём и глина. Два шага — и на твоих ногах по пудовой гире.

Здесь спасла вторая гуманитарка, прибывшая из омского фонда «Тыл — фронту». Там были сапоги с более-менее гладкой подошвой, к которой глина не так сильно прилипает. Можно было сделать спокойно, скажем так, не два шага, а пять. Конденсата чуть меньше, чем в резиновых сапогах, потому что голенище из водонепроницаемой ткани и на шнурках. Ноги чуть лучше дышали.

Мешали только криво пошитые чулки. С трудом отличишь, какой на правую ногу, а какой на левую. Пальцы на ногах сбились в кулак. От влаги и тесноты покрылись твёрдыми волдырями. Но это боль, всего лишь боль, не так страшно.

Обувь лучше брать с собой на все случаи жизни. Разношенную, лёгкую и в то же время крепкую.

Думайте о ногах и яйцах. Берегите их. Служба покажется детской сказкой, даже если кругом будут взрываться снаряды и мины.

1 марта, 22:07

Двухсотый, трёхсотый... Никак не могу привыкнуть к этим цифрам. Для меня за каждой из них человек, судьба, трагедия, боль. Цифры обезличивают. Тяжелее произносить настоящие слова: «погиб», «ранен»... Тяжелее, но правильнее. Меньше сухой статистики, больше ужасающей правды. На войне люди, а не цифры.

Ночь со 2 на 3 марта

Последний раз выпил пару бокалов красного вина в Ростове-на-Дону, почти четыре месяца назад, после поэтического вечера. 8 декабря. В компании прекрасной Анички Долгаревой и о. Сергия.

Аничка везла гуманитарку доблестным воинам через Ростов. Приехала, мы отработали на пару вечер, выпили немного вина, и она двинулась в сторону ленточки.

Я тогда ещё никому не говорил, что прямо из Ростова-на-Дону еду сначала в учебный центр, а потом сразу на фронт. Сумка у меня была собрана. Не говорил, потому что не хотелось никакой шумихи, лишних слов и проводов.

У нас ведь народ какой? Начнут скулить, отговаривать, сеять сомнения в правильности моего выбора. А на войне сомневающийся воин — это мёртвый воин.

Когда Аничка уезжала, нежно обнял её и поцеловал в щёчку. Она, наверное, подумала, что вот опять этот Ар蒂斯 лезет со своими ненужными нежностями, а я просто на всякий случай прощался.

Ещё пару дней провёл в Ростове. Побывал в Новочеркасске. Посетил воинский храм и сходил на службу в церковь к отцу Сергию Красникову, который и организовывал наш с Аничкой вечер.

О моем отъезде на фронт знала только Инна Теплова. В Ростове-на-Дону перед отъездом попросил отца Сергия благословить меня на путь ратный. Он был вторым человеком, кому я рассказал о своём выборе. Отец Сергей благословил.

Из Ростова-на-Дону поехал в Краснодар, потом в Грозный, а из Грозного в Гудермес.

Так я оказался в Российском университете спецназа (РУС), откуда буквально через два дня наше уже к тому времени сформированное подразделение добровольцев перебросили в серую зону, на первую линию обороны.

Подразделение вахтовым методом ходило на первую линию и в свободное время выезжало на полигон учиться ратному делу.

В самом начале мы с парнями договорились, что исключаем алкоголь из нашего, как бы это выразиться, рациона питания. То есть абсолютно, весь.

На войне пьяный воин такой же, как сомневающийся, — мёртвый. А мы шли не умирать, а защищать Отечество — побеждать. Смерть в наши планы не входила, но, естественно, мы понимали, что здесь, на фронте, от неё никто не застрахован.

За всю службу ни один боец нашего подразделения не пригубил ни капли алкоголя. Хотя поводов было достаточно. От новогодних праздников до тяжелейших трагедий, когда, казалось бы, сам Бог велел выпить и помянуть товарищей.

Как говорят в народе, если кажется, то перекрестись. Этим и ограничивались. Даже стресс после выходов не снимали алкоголем. Полнейшее табу.

Естественно, не только благодаря этому, но и этому тоже, подразделение к концу контракта подошло фактически без потерь.

К чему приводит алкоголь в зоне боевых действий, мы видели своими глазами. Сборище альфа-самцов, а все добровольцы, по сути, альфа-самцы, под алкоголем с оружием в руках таких дел может наворотить, что никаких хохлозадых нациков не надо. Сами себя перестреляют.

К концу контракта наше подразделение выходит без потерь... Одна печаль — Сармат с тяжёлой контузией после мясного штурма всё ещё в госпитале. Но мы верим в его силу и здоровье. Он выправится.

Летучий тряхнул головой, будто вернувшись из потустороннего мира своих мыслей, и сказал:

— Приеду домой и буду неделю пить...

— А я, — говорю ему, — съем в одно лицо целый торт!

— Ты какой-то неправильный, Огогош, — поморщился Летучий и снова ушёл в свои мысли.

4 марта

Бытовые условия на передовых линиях во многом зависят от предприимчивости солдат. Это в кино фронтовая жизнь ограничивается криками «Ура, в атаку!». В реальности всё куда сложнее и заковыристей.

Есть бойцы, которые и кашу из топора сварят, и на принцессах женятся, а есть и те, которые, оказавшись в условиях полевой жизни, строчат письма испуганным родителям: «Мама-папа, нам уже два дня не меняли памперсы!»

Линия одна, снабжение одинаковое, но зайдёшь в один блиндаж, там чистенько, аккуратненько, и буржуйка горит, и дрова заготовлены, и кастрюля с домашним супчиком на полочке ютится, а в соседнем блиндаже вонь и грязь такая, что черт обе ноги сломает, если уж совсем не убьётся.

Мне повезло. Всю дорогу жил в кругу парней, которые не скулили, а спокойно решали проблемы бытовых условий. Каждый новый переезд каждый новый блиндаж обустроивался в считанные часы, независимо от того, насколько близко он находился от вражеских позиций, — в двухстах метрах или же в тридцати километрах.

Здесь нужно отдать должное Летучему, который с самого первого дня взвалил на себя функции сначала как бы каптёрщика, а потом и замкомвзвода. Во многом благодаря ему подразделение не чувствовало себя в ущемлённых условиях.

Всё относительно, конечно. Но я не припомню дня, чтобы у нас не было еды, воды и запасов БК. Были периоды, когда этого всего было мало. Но вот так, чтобы долгое время не было вообще, — не припомню.

Да и парни во взводе оказались с золотыми руками. Один зайца на ужин подстрелит, другой умывальник сварганит и полочки набьёт для мыла и всякой прочей хрени,

а третий притащит откуда-нибудь грязную пулемётную ленту, вычистит и забьёт её собранными во вражеских окопах патронами.

Пишу утрированно. Но в целом почти так и живётся жизнь на фронте, пока не идут прямые столкновения с нациками.

Солдат, умеющий решать бытовые проблемы, и в бою ведёт себя должным образом. Тот же Летучий неплохо организовал и провёл штурм, когда, казалось бы, подразделение шло на верную гибель. Задача была выполнена, и бойцы выведены из боя без потерь.

Носился по полю из одних окопов в другие, решал вопросы с боекомплектами, орал в три горла на впавших в ступор (такое бывает, да) бойцов, чтобы очнулись, встряхнули мозги и продолжили адекватно реагировать на происходящее.

Был случай, когда половину нашего подразделения отправили на выполнение задачи, а другая осталась в располаге.

Ждать боевых товарищей — та ещё участь. Места себе не находили. То молчали, сидя за столом, щёлкая семечки, то ругались чуть ли не до драки, то занимали голову бессмысленными думками.

Когда на горизонте показалась первая машина, в которой ехали возвращающиеся из боя солдаты, мы выскочили на улицу. Машина остановилась. Из неё начали выпрыгивать бойцы с серыми, измождёнными лицами. Нет, не наши. Наши, но из другого взвода. Вторая машина. Опять не наши. Лица искривлённые, страшные. Одежда чёрная, драная. Много контуженных. Выпрыгивают из машины, будто вываливаются, и бьют. Третья машина...

Наши! Щёки вдавлены, грязные, а глаза горят, и улыбки на лицах. Один обмотан трофейными пулемётными лентами, другой надыбил во вражеских окопах натовский шлемак, третий кричит: «П.здец, нас разъ.бали, арту

опять них.я не дали!» — а сам залиvisto смеётся, будто вернулся с деревенской свадьбы, которая закончилась мордобоем.

Выпрыгивают, начинают наперебой рассказывать о том, в какой заднице побывали, стягивают с себя мокрые лохмотья — и ни капли страха в глазах. Только огонь.

6 марта

В моменты затишья на войне парни возвращаются к привычному образу жизни. Охотники ходят на зайца, столяры и плотники мастырят новые полочки и табуретки, предприимчивые люди (в мирной жизни бизнесмены) носятся в штаб и налаживают контакты с ротой обеспечения, литераторы пишут. Я — пишу.

Пришло пополнение. В соседнем блиндаже появился композитор с естественным позывным Композитор. Назвали имя. Не знаком. Надо погуглить и познакомиться.

Говорят, что уже ездили в город и надыбили какую-то хрень, которая издаёт музыку. Теперь на линии будет ещё веселее. Дробящие тишину выходы нашей артиллерии разбавятся сердечной мелодией или (ах-ха!) африканскими ритмами.

6 марта, обед

Вчера к артиллеристам подъехал белый жигулёнок. Хотя, может быть, это было не вчера, а позавчера. Дни смазываются. Точно не помнишь, какие события были неделю назад, а какие месяц. Жизнь на войне происходит «здесь и сейчас».

Парни, увидев жигулёнок, радостно закричали:
— Француз приехал!

Из машины вышел щеголеватый хлопец, широко улыбнулся и вразвалочку пошагал в сторону артиллеристов. Где-то я уже слышал этот позывной.

Позывные перетекают от одного воина к другому. Бывает, что в одном подразделении сразу несколько человек с одним именем. Редкость, но бывает.

Обычно на начальных этапах парни быстренько придумывают себе что-то новое, как, допустим, наш Ош (с языка коми «медведь»), который начинал как Бабай, но Бабаев оказалось много, поэтому поспешил переименоваться.

В каждом подразделении есть свой Малой, Старый, Добрый. Встречаются оригиналы, чьи позывные с первого раза не выговоришь. Котов много. Наверное, самый излюбленный позывной.

С усилением пришёл новый Кит. О татуировщике Никите Ките я уже писал. Он погиб во время штурма нацистского опорника.

Новый Кит — высокий молодой парень, улыбчивый и немного стеснительный. Он заполнил пустующую нишу, и стало казаться, будто никто никогда не погибал. Все живы и здоровы.

Частенько парни называются по своей малой родине. В нашем дзоте появился Ярик, также прибывший с усилением.

— Из Ярославля? — поинтересовался.

— Да!

Иногда сокращают фамилии до дворовой кликухи. Так Исаев становится Исаем.

— Почему не Штирлиц?

— Данунах!

Случается, что позывной не приживается. Так у нас парень с позывным Ермак стал Айболитом, потому что на гражданке у него была своя ветеринарная клиника.

О старом позывном напоминает хорошо наточенный топор, на котором вырезано «Ермак». Зловеще? Да. На войну с бешеными животными ветеринары выходят с топорами. Иначе никак.

7 марта

Семьдесят девять дней.

Хорошо было бы сделать отбивку на 80-м дне, но завтра девчачий праздник, не хочется смазывать его мальчишеской рефлексией.

Моё подразделение первые полтора месяца находилось на Донецком направлении, там, где начинались активные штурмовые действия наших вооружённых сил. Следующие полтора месяца мы провели на запорожском направлении, где ожидается бандитская вылазка вэсэушников, которую в блогах почему-то называют контрнаступлением.

Здесь я не преуменьшаю силу и способность противника к ведению боевых действий. Скорее, показываю его место в большой Истории.

Пока внутри себя не разобрался, что мне как простому солдату переносить легче: ожидание команды к штурму или ожидание команды к обороне. В обоих случаях ключевое слово «ожидание». Оно растягивает время до невыносимых размеров.

Чтобы не было так утомительно, вспоминаю о дорогих мне людях, которые столкнулись с этим самым зловещим «ожиданием», когда узнали, что я ушёл на фронт. Они ждут моего возвращения, и если у меня случается передышка — в моменты активных действий, — то они в процессе ожидания находятся постоянно. Двадцать четыре на семь.

Мой литературный мозг по-странному устроен. В периоды, когда подразделение находилось на штурмовых

действиях, шли потоком столбики — стихи. Теперь же, когда мы готовимся к жёсткой обороне, хочется погонять слова в строчку.

Ожидание высасывает силы, выматывает. Поэтому, наверное, одним из важных качеств простого солдата можно назвать выдержку. Выдержка перекрывает кислород безрассудству.

На войне с подозрением относятся к такому типу воинов, как герои, к бойцам, которые, выхватив штык-нож, могут прыгнуть на танк, чтобы попытаться порезать ему броню.

Поступок-то может и выглядеть геройским, особенно в глазах мирняка, но по большому счёту это скорее идиотская выходка, если не проявление истерики, а не героизм.

У настоящего героя не огонь в сердце, а лёд. Он холоден и расчётлив. Он не рисуется, а чётко и последовательно выполняет набор действий, которые помогают ему не только победить, но и выжить, и если шанса выжить не остаётся, то он думает о том, чтобы выжили его боевые товарищи. Победили и выжили.

Сегодня ночью Ош подскочил и закричал:

— Парни, парни, все живы?

Видимо, что-то приснилось. Говорит, прямо какая-то пелена в глазах, будто дым, и звон в ушах. Лежанки за скрипели.

— Всё хорошо, спи...

В этой короткой сценке суть героизма. Боец первым делом переживает за своих товарищей, а товарищи, понимая это, не ворчат, дескать, не даёшь отдохнуть после боевого дежурства, не впадают в истерику, обвиняя во всех смертных грехах человека, которому привиделся прилёт на наши позиции, а спокойно реагируют на произошедшее, стараясь максимально минимизировать общую тревожность.

12 марта, 04:21

Существует, положим, системная ошибка в распределении сил артиллерии. Но мы почему-то эту ошибку не исправляем, а занимаемся «бесполезной магией».

То солдатам бороды бреем, то запрещаем ругаться матом, будто от этого пушки чаще стрелять начинают.

Человек в процессе приёма пищи рыгает, потому что есть проблема с пищей, а не с его воспитанием. Порядок в министерствах несёт за собой порядок в окопах, а не наоборот.

Заканчивается контракт, и я с ужасом думаю о том, через какую бюрократическую мясорубку нам предстоит пройти, оказавшись на гражданке.

Кто-то из парней сразу идёт на второй круг, а кто-то возвращается к мирной жизни влачить жалкое существование героя в отрыве от войны. Но так или иначе, бюрократическая мясорубка ожидает всех.

Мы окажемся черт знает где — между миром и войной — никому не нужными людьми без копейки в кармане.

Необходимо будет проехать полторы тысячи вёрст, чтобы написать «уеву» тучу рапортов и поставить на «уевой» туче бумаг «уеву» тучу печатей, иначе копейку в карман не бросят и заслуги перед Отечеством будут либо изрядно уменьшены, либо вычеркнуты из биографии вовсе.

Это как поход в поликлинику, только в тысячу раз хуже. Я уже двадцать с лишним лет не болею только потому, что терпеть не могу наши поликлиники.

Борьба за уменьшение количества больных путём ухудшения качества их обслуживания. Ну а чего? Человек не идёт лечиться, значит, не болеет.

Но ведь не писал бы про «уеву» тучу всего, не ругался бы, если бы не было этих «уевых» туч.

16 марта, 01:46

По уровню «тревоги» не всегда понятно, кого ожидаем: хохла или генерала? Бойцы в постоянном напряжении. Булки расслаблять нельзя. Схватишь от того и другого. Только в последнем случае тебе не дадут вдоволь повеселиться, выпуская магазин за магазином.

На днях замкомбата после очередного обхода огневых точек похвалил взвод. Похвала прозвучала по-русски витиевато, несмотря на то что замкомбата чеченец.

Ни для кого не секрет, что чеченцы, даже если пытаются выразить всю глубину нахлынувших эмоций, матом не ругаются. Уличная брань не свойственна братьям. Но тут замкомбата прорвало:

— Ох.ительно держите позицию! Ох.ительно!

Все потому, что во время обхода караульный из нового пополнения положил его лицом в землю.

Дело было так. Услышал караульный шаги, крикнул в темноту: «Стой, кто идёт?!» Замкомбата ответил: дескать, я, я...

Кто такой «я, я...» караульный сразу не понял, поэтому передёрнул затвор, да так убедительно, что замкомбата ничего не оставалось, как только припасть к землематушке.

От души посмеялся, когда Летучий пришёл из штаба и рассказал о случившемся. Но смеяться можно сколько угодно. По своему опыту знаю, во что обычно оборачивается похвала простого солдата.

Служил срочку в начале девяностых, когда статус нашей армии болтался на уровне плинтуса. 1991–1993 гг. Этими датами можно многое объяснить.

Ушёл по приказу в первых рядах и вернулся тоже по приказу, да только в последних. Вместе с теми, кто и полтора лет не успел отслужить в то время, как срок моей службы уже давно переваливал за полные два года.

Сержантский состав. Замены не было. А служил я Отечеству не то чтобы очень уж хорошо, но явно, что не совсем плохо.

Так и в этот раз. Подумал, что если хвалят, то в отпуск не скоро отпустят.

В армии традиционно: чем лучше несёшь службу, тем больше навешивают на тебя обязанностей и обязательств.

Взвод у нас добровольческий. Плохо служить совесть не позволяет.

Добровольцы правильно мотивированны. Нам не надо вбивать в голову идейную базу. Любовь к Отечеству сильнее любой идеи будет.

Поставленной задачи достаточно, чтобы приступить к её выполнению. Не надо мягко стелить, объясняя насколько важно чётко выполнять приказы.

Это сильная сторона добровольческих формирований, и в то же время она является нашей ахиллесовой пятой.

Любое недовольство чем-либо наткнётся на фразу: «Вы здесь по своей доброй воле...» Жаловаться не будешь.

Поэтому сопли не распускаем, булки не расслабляем, и не важно, кто там идёт: хохол или генерал. Встретим всех.

18 марта

Девяносто дней.

К досадному сожалению всякой окололитературной нечисти, желавшей мне скорейшей гибели, и к великой радости братьев и сестёр, молившихся за меня, жив, здоров и чувствую себя превосходно.

В столичный град прибуду не раньше десятых чисел апреля. Остался финальный аккорд, немного бюрократии, неделька реабилитации, и я, полный сил и светлых

устремлений, вернусь в стройные ряды нашего поэтического мира, чтобы работать над укреплением позиций русского слова.

За девяносто дней случилось многое. Пока идёт война с неприятелем, мозг которого поражён коричневой чумой, о некоторых вещах писать не могу.

Скажу только одно. За эти девяносто дней я ни разу не пожалел о том, что ушёл на фронт. Встал на защиту Отечества не только словами, но и делом, выжимая из себя все возможные жизненные ресурсы.

И чем дольше я находился на передовой, тем больше у меня появлялось внутренних сил, чтобы справляться с трудностями. Эффект праведной благодарности. Возвращалось больше, чем отдавалось.

Война дала мне понимание того, что такое настоящие любовь и дружба. Я горжусь теми людьми, которые меня последние девяносто дней окружали здесь, за ленточкой, на линии соприкосновения, и теми, кто переживал за меня в молитвах там, в тылу.

Теперь появится больше времени и я смогу рассказать о каждом. Быть может, мои скромные заметки превратятся в небольшую книгу. Есть мысли некоторые события оформить в пьесу для театральных постановок.

Идей такое количество и такого масштаба, что периодически стопорит. Задыхаюсь от желания больше работать, которое наталкивается на природную лень и сомнения в своих способностях. Обычная рефлексия замшелого интеллигента.

Надеюсь, и с этим справлюсь.

В данный момент работаю над выходом двух книг стихотворений, одна из которых была написана за последний год, а вторая включает в себя избранные стихи из шести поэтических книг.

Есть что-то прекрасное в нынешнем рабочем процессе. Я будто бегаю между боевыми дежурствами

и письменным столом. Хотя никакого письменного стола здесь нет и быть не может. Один смартфон, подаренный мне волонтерами из фонда «Смертельная русская речь» (Долгарева, Штапич).

Возвращаешься с боевого, берёшь в руки смартфон и вычитываешь написанные стихи. Мозг работает круглосуточно. Сон — только физический отдых. Голова всё равно не отключается. И мне это нравится.

20 апреля

Уволился.

Ехали в маршрутке забирать из части документы. Один пассажир увидел шеврон с названием воинского формирования, где мы служили. Начал восхищаться солдатами и говорить, что тоже хочет уйти на войну, а под конец своего речитатива спросил:

— Вы же за деньги пошли воевать?

— Да, — отрезал Кочевник, — за деньги. Из ста семидесяти человек нашего призыва на своих ногах вернулось пятьдесят.

(Приврал, чуть больше восьмидесяти.)

Кочевник из Хакасии. Уходит на второй круг и говорит, что останется на войне до победного. На спине гражданской олимпийки белая надпись «Россия».

Я подарил Кочевнику прицел, который присылали мне на фронт ребята из фонда «Смертельная русская речь».

28 апреля

Сегодня Барон вышел на связь и написал короткую фразу: «Спасибо, что вы есть!» Мы на «вы» были. Хотя особой разницы в возрасте не было. Уже рассказывал о Бароне в то время, когда находился там, где должен находиться любой уважающий себя мужчина.

Барон чеченец. Мусульманин. Водитель нашего БТРа. Он ещё на фронте. У них минимальные контракты на три года. Барон в нашем полку, а его старший огненнобородый сын в подразделении специального назначения.

Иногда снится лёгкая улыбка Барона, когда он прибежал к нам, сидящим в лесу, у низкого костра, к нам холодным и голодным, надыбив где-то еды, и по-отечески так, будто новорождённым, говорил: «Штурмовички мои, а я покушать принёс!»

Говорил и был такой счастливый и гордый собой, что смотрящие на него начинали по-детски жмуриться, как от солнца. Непередаваемое ощущение. Вдруг понимаешь, что кто-то помнит, думает и заботится о тебе.

Пусть Бог сохранит жизнь ему и его старшему сыну.

8 мая

Мне кажется, это стало общим местом (или заезженной банальностью), дескать, с войны не возвращаются.

Почему? Я вполне себе в полном здравии вернулся и сплю по ночам хорошо. Мне было бы хуже, если бы я не пошёл на войну, струсил, обгадился. Вот тогда бы я плохо спал.

Честно говоря, есть ощущение, что психотравмы вернувшихся с войны придуманы пиндосскими психологами (почти все психологи мошенники, да), и придуманы они в разгар Вьетнамской войны для пиндосских же солдат, которые целыми сёлами выжигали мирных жителей, убивали вьетнамских детей и женщин, а потом, что естественно, плохо спали.

Травма по определению невозможна, если совесть чиста, если ты стоишь на защите Отечества. Наоборот, гордость за себя, за тех парней, которые рядом, и за тех, кто ждёт тебя и молится там, в тылу.

Парни, вернувшиеся из Афганистана, страдали не от того, что пережили на войне, а от того, как Родина (мы с вами) в один прекрасный момент предала их.

Государство попыталось сгладить предательство, выдав льготы на продажу алкоголя ветеранам Афганской войны. В результате начались бандитские разборки, а уж в этих разборках погибло куда больше людей, чем в региональном конфликте.

Не предавайте своих воинов.

26 мая

С одной стороны, я понимаю слова Пионера, который говорил, что происходящее на войне должно оставаться на войне. С другой... С другой — сложнее. Особенно людям, которые исполнены высокими идеалами. Слава богу, что мой мозг имеет свойство запоминать хорошее. Так, вспыхнет на секунду синим пламенем, а потом выключит из головы весь негатив.

Сегодня пиратище Штапич спросил: «Есть ли в твоём подразделении парни, которые представлены к Георгиевскому или награждены медалью “За отвагу”?» Дескать, знакомые документалисты хотят кино снять про героев. Ответил, что нет. Мы тихие солдаты, поэтому медали нам не были положены. Летучий хотел наградной пистолет, наверное, больше своей жены в отсутствие жены, но ему даже этого не дали.

Велика ли заслуга, когда завёл подразделение на мясной штурм, а потом, выполнив задачу, вывел его без потерь, да ещё мобиков по ходу дела учил воевать, которые пришли на войну, только-только оторвавшись от мамкиной титьки?

Велика ли заслуга Оша (коми) или Гума (казах), которые тащили контуженного Летучего с поля боя по минному полю? Просто парни понимали, что брата бросить

нельзя. Вот и пёрли его, обходя растяжки по бурелому до спасительного КамАЗа.

Велика ли заслуга Нуба — самого молодого парня в нашем подразделении, детдомовца, — когда взрывной волной порвало его пистолет (я так называл автомат Калашникова), а он вместо того, чтобы бросить оружие и убежать с поля боя, обмотался им и пополз к вражеским окопам, чтобы доработать ситуацию, а заодно прихватить трофеем натовский шлемак?

Велика ли заслуга Шайнура — бывшего наркомана, который в завязке больше двадцати лет, — когда случилась в боковом подразделении беда, он вместе с Ермаком-ветеринаром оказал первую помощь бойцу, благодаря чему тот остался жив? Вообще, вопрос глубже. Велика ли заслуга человека, который спас жизнь другому человеку?

Это вы думаете, что на войну идут убивать. А я видел настоящих героев, которые шли на войну защищать или спасать. Шайнур, кстати, после того случая нашёл призвание. Решил посвятить свою жизнь медицине. Вытаскивать людей из ада адского. Вот вам и бывший наркоман из Набережных.

Вряд ли назовёшь героем ЧэСа, который в одиночку стоял полтора месяца на посту, а когда мы его забрали, от него пахло как от бомжа, потому что он всё это время был без воды. То есть абсолютно. Вы понимаете, без воды. Не то чтобы яйца протереть, а даже пить было нечего. Ну какой он герой? Нет, конечно. Просто не сдал позицию. Всего-то.

Велика ли заслуга Буча (комвзвода), который в первые дни сплотил бойцов и дал нужные установки? Велика ли заслуга Калаша, который с трёхсот метров бил зайца, пытаясь прокормить подразделение, когда еды (мяса!) не хватало, который пристреливал мне оружие, бесконечно повторяя: «Мы в опасный момент будем вместе, не

хотелось бы, чтобы ты промазал». Животный инстинкт. Это не про героев. Это про настоящих солдат.

Велика ли заслуга Сармата, единственного в нашем подразделении сильно раненного — тяжёлая контузия. Взрывная волна прошла по пулемёту Исяя и пистолету Нуба и потом ударила по Сармату. Пистолет напололам, от пулемёта только пазлы остались, а Сармат жив. Вот он чистый русский дух! Оружие лопается, а человек выдерживает.

Велика ли заслуга Пузыря или Доброго, башкира и татарина? С Пузырём мы первую печку собирали, которая грела нас два месяца. Добрый был пулемётчиком. Вы не знаете, но пулемётчики — это первая цель нацистов. Парней со стрелковым даже не замечают. Долбят исключительно по пулемётчикам. Добрый ни разу не бросил своё оружие и на поле боя вёл себя как подобает истинному воину, да и в быту был совсем нехитрым татаринном. Смеюсь!

В чём отвага Кочевника, воина из Хакассии, который первым из нас пошёл на второй круг, сказав, что будет воевать за Россию до победного?

А велика ли заслуга Рака, следака по первой профессии, или шестидесятилетнего Тора, молдаванина, который пришёл на эту войну получить опыт, чтобы потом уйти защищать Приднестровье? Никаких заслуг. Мы все стояли за Россию. Мы все вернулись живыми. Это и есть первая и главная медаль «За отвагу».